ЛИТО!
Как много в этом звуке…

СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ПОЭТОВ И ПРОЗАИКОВ
ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ЦДУ РАН

МОСКВА
Вест-Консалтинг
2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
Л-64

Л-64 **ЛИТО! Как много в этом звуке…** / Сборник произведений поэтов и прозаиков Литературного объединения Центрального Дома учёных Российской академии наук. — М: «Вест-Консалтинг», 2023. — 200 с.

ISBN 978-5-91865-713-3

Сборник «ЛИТО! Как много в этом звуке…» включает стихотворения, рассказы, эссе участников Литературного объединения Центрального Дома учёных Российской академии наук (ЛИТО ЦДУ РАН «ЛИТО на Пречистенке», руководитель ЛИТО — к.ф.н. Колодяжная Л.И.). Сборник составлен по материалам одноимённого литературного вечера. Издание Сборника приурочено к 100-летию Центрального Дома учёных РАН.

При оформлении обложки настоящего Альманаха использованы фрагменты цветочных натюрмортов Евгении Ванаг.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

ISBN 978-5-91865-713-3
9 785918 657133

© Авторы, 2023
© «Вест-Консалтинг», оформление, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Л.И. Колодяжной 7

Людмила Колодяжная
Стихи: «Мы странники — оттуда…»; Посвящение Державину 10

Лариса Адлина
Проза: ЛИТО на Пречистенке — наш родник; ***Стихи:*** ЛИТО Центрального Дома учёных; ЛИТО — наш родник 13

Евгения Белова
Проза: Сказка. Посвящается всем участникам ЛИТО Дома учёных (ЛИТО на Пречистенке) 20

Наталья Божор
Стихи: Посвящение Маргарите Новиковой; Посвящение Николаю Иодловскому 28

Александр Большаков
Проза: А я в ЦДУ ходил на учёбу (к 100-летию ЦДУ)..... 29

Елена Бочина
Стихи: Элегический терцет; Ангелов семьЯ; Лебёдушка; Созвучия сплетённые цветы; Лирика; Импрессия; В объятиях романса 32

Дмитрий Власов
Проза: ЛИТО и ЦДУ на смене эпох 39

Галина Гашунина
Проза: Мой Дом учёных; Мой 59-й синий троллейбус; Винные пробки; О песне «Русская женщина» Нины Позняковой; О творчестве Нины Позняковой 43

Инга Гланцева
Стихи: Нашему ЛИТО; «В смоле застывшей, превратившейся в янтарь…» 51

Ирина Ильина
Проза: Юбилеи, юбилеи 53

Галина Колобова
Стихи: Две улицы 60

Маргарита Новикова
Проза: Храм мечты (о творчестве Натальи Божор); ***Стихи:*** Волшебный напиток; Стихи живут 61

Вера Павлова
Проза: Я всей душой с ЛИТО и ЦДУ 64

Людмила Плиско
Проза: ЛИТО ЦДУ РАН (Конспект выступления на концерте 18. 05. 22 «ЛИТО! Как много в этом звуке…»); Из записных книжек Людмилы Плиско. Воспоминания об исторических заседаниях ЛИТО; ***Стихи: Цикл*** Посвящения участникам ЛИТО***:*** «Мир откликается нам голосом России…»; «Летают Ангелы…»; «Пишет, как дышит, легко и свободно…»; «Я говорю тебе, спасибо…»; «Триолеты, Триолеты…»; «Берёзы в жёлтых капюшонах…»; «А Вы мечтатель?..»; ЛИТО; Фантики; «Игра "12 ПАЛОЧЕК"» 67

Нина Познякова
Проза: Случайная встреча с одним из ветеранов ЛИТО; О книге Л. Колодяжной «То, что в памяти я утеряю»; *Стихи:* Посвящается Дому ученых РАН на Пречистенке; Поэт; Цитата; Инге Гланцевой в день рождения; Марии Скавронской; Летнее настроение; Жизнь; Памяти Алексея Вознесенского 102

Галина Поляк
Стихи: «Стихи, как птицы в клетках золочёных…»; Дом Учёных; Русь; Шум дождя; Здесь Родина моя; «Остаются в памяти навечно…»; «Палитра слов. В ней красок ряд…»; «Слова, что мы готовы слушать…»; «Творчество! Если сказать не таясь…»; «Стихи! Скажу спасибо вам!..» 113

Василий Поляков
***Стихи*: И мне помог коснуться счастья** 118

Владимир Поляков
***Проза*: ЛИТО как маленькая часть России... (ностальгическое эссе)** 120

Людмила Саницкая
***Проза*:** Первый руководитель ЛИТО 122

Мария Скавронская
Стихи: «Льются поэзии строки сакральные…»; Людмиле Ивановне Колодяжной; На книгу Людмилы Николаевны Саницкой «Остров открытой книги (Переделкино)» 125

Татьяна Скорикова
Стихи: Незримая свеча; Час Водолея судьбоносен…; На кончике пера; «Да, мир лишь Божие творенье!..» 127

Наталия Сорокина
Стихи: Овальный зал; Дом учёных 131

Людмила Стасенко
Стихи: Наше ЛИТО; Малахитовый зал ЦДУ; Орденоносец; Ты навсегда народный артист; ***Проза*:** Центральный Дом учёных Российской Академии наук (к 100-летию основания ЦДУ) 134

Елена Ткачевская
Стихи: Дом Учёных на Пречистенке; ЛИТО Дома учёных; «Слово словлено…»; «Душа тонка и осторожна…»; «Судьба, конечно, всё решит за нас…»; «Букет — из одного цветка…»; «Мы сторонимся слов заученных…»; «Что ни мгновенье, то другой…»; «Нам помогают облака…»; «Возможно, что награда странствий — сад Эдем…»; «На свой гончарный круг поэт бросает…»; «Замоскворецкой акающей речью…»; Проза: Отзыв на книгу литературных произведений Алёны Мак «Сердце на стебельке», Издательский дом «Глобус-стиль», М., 2013 г, 101 с.; Стихи как одно из спасений. Отзыв на книгу Николая Иодловского «Тайны призрачных видений», М., изд-во Academia, 2013; Благодарное отражение. Отзыв на книгу

Людмилы Колодяжной «Отражением в глазах застыть…», М., «Вест-Консалтинг», 2014 г.; Поэт рисует слово… О книге стихотворений Людмилы Колодяжной «То, что в памяти я утеряю», М., изд. «Вест-Консалтинг», 2019; Такое манящее счастье творить… О книге Галины Гашуниной «Цветок, сулящий счастье», М., 2014 г.; Раздумий сложный мир. Отзыв на книгу стихов Татьяны Лепилиной «Ожизни. О смерти. О себе», М., 2011 г.; Заметки о книге Веры Павловой «Божественное провидение», М., 2019; Заметки о сборнике стихотворений Бориса Ольхова «Дышать с тобой наедине», М., 2018 г.; Заметки о книге Людмилы Саницкой «Остров открытой книги (Переделкино)», М., изд. «Вест-Консалтинг», 2018 г.; Путевые заметки Вадима Гиршгорна (размышления о прозе В. Гиршгорна «В лесах и на горах, 21 век»,, 2017); Заметки о книге Николая Шведова «Ладони любви», М., изд. «Образ», 2018 г.; Единство хроноса и топоса. Заметки о книге Людмилы Плиско «Меты времени», М., изд. «СамПолиграфист», 2022 г.; Поэтическое постижение памяти (заметки о книге стихов Дмитрия Власова «У моря есть память») 144

Борис Шорр

Стихи: Памяти Бориса Осиповича Ольхова; «…Я полюбил науки мощь и стать…»; «История не знает вариантов…»; «Свой век прожил — другому ты не нужен…»; «Я редко хожу на доклады…»; «Ни бог, ни природа сомнений не знают…»; «Кто-нибудь на сборник мой наткнётся…»..... 193

Программа литературного вечера «ЛИТО! Как много в этом звуке…» (к 100-летию Центрального Дома учёных РАН)..... 197

ПРЕДИСЛОВИЕ

руководителя ЛИТО Центрального Дома учёных, к. ф.н., поэта Людмилы Колодяжной

Этот Сборник стихов и прозы подготовлен участниками Литературного объединения к 100-летию Дома учёных.

Центральный дом учёных Российской академии наук (ЦДУ) — клуб Российской академии наук, который находится в Москве на Пречистенке, дом № 16. Это научный и культурный центр создан для общения и отдыха работников науки и техники, для проведения встреч с государственными деятелями и представителями культуры, для музыкальных и литературных вечеров, для популяризации науки.

Многие годы директором ЦДУ была известная актриса Мария Федоровна Андреева, которой удалось создать все условия для творческого отдыха и общения учёных. Дом учёных возглавляли Мария Никифоровна Виноградова, Майя Александровна Цветкова, Александр Иванович Дергачёв. С 1990 года директором ЦДУ является профессор В. С. Шкаровский.

В Доме ученых работают как научные, так и творческие коллективы. Литературное объединение (ЛИТО) является научно-литературно-художественным коллективом. История и творческая деятельность ЛИТО продолжает традицию множества литературных Союзов, кружков, объединений, известных за последние два века российской истории.

До 1917 года в Москве и Петербурге таких кружков существовало более 50-ти. Среди них были знаменитая «Башня» Вячеслава Иванова в Петербурге и первый «Цех поэтов», основанный Николаем Гумилевым и Сергеем Городецким. После революции многие из литературных союзов распались. Но «Цех поэтов» продолжал

еще существовать в Москве до 1925 года, при этом, литераторы собирались на частных квартирах.

Одно из известных литературных объединений возникло после революции в Париже в эмигрантской среде. Это — знаменитая «Зеленая лампа», руководимая Зинаидой Гиппиус и Дмитрием Мережковским. Этот Союз просуществовал до 1940 года.

В советское время, до образования Союза писателей в 1934 году, в Москве существовало более 20-ти литературных групп. Многие ЛИТО в советское время собирались в различных клубах. Одно из самых известных — «Магистраль», участником которой был Булат Окуджава.

ЛИТО ЦДУ существует более 60-ти лет. Тридцать лет объединением руководил известный специалист по творчеству Лескова, профессор Всеволод Юрьевич Троицкий. Занятия ЛИТО, как в прошлом, так и по сей день проходят два раза в месяц, по субботам. На занятиях поэты и прозаики делятся своим творчеством, представляют свои новые книги, проводятся устные «литературоведческие страницы», в частности, по истории русской (и не только) культуры. Под руководством В. Ю. Троицкого ежегодно в одном из залов Дома ученых проводились отчетные литературные вечера. В 1997 году был издан первый коллективный сборник литературных произведений участников ЛИТО «Поэзия, проза и мы».

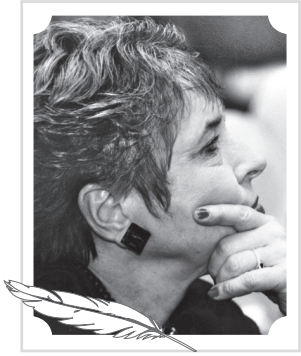
С 2007 года Литературным объединением руководит кандидат филологических наук, поэт Людмила Колодяжная. В настоящее время в нашем ЛИТО более тридцати прозаиков и поэтов. Многие из них являются членами Союзов писателей России, Союза литераторов России, Союза писателей XXI века и др., а также — лауреатами литературных премий, имеют множество публикаций как в периодической печати, так и в Интернете. Мы продолжаем наши литературные занятия в Зеленой гостиной ЦДУ два раза в месяц, где знакомимся с литературным творчеством как наших современников, так и классиков мирового масштаба, затрагиваем вопросы литературоведения и литературной критики, работаем в тесном контакте с библиотекой Дома учёных. Кроме этого, мы ежемесячно (с октября по май) проводим литературно-музыкальные вечера. Среди наших друзей, участвующих в концертах много замечательных музыкантов (Андрей Лаврешников, Александр Долгополов). Светлая память композитору и исполнителю Ольге Кузьмичёвой, она часто выступала на концертах ЛИТО. В этих концертах, как правило, участвуют от трех до пяти поэтов и прозаиков. Все концерты тематические. Два раза в год (в январе и мае) мы проводим общие концерты. Часто они посвящены великим датам. По материалам этих вечеров мы раз в год издаем сборник произведений (Альманах), в котором участвуют все члены ЛИТО. Целью концертов является не только познакомить зрителя с нашим творчеством, но и приобщить его к истории русской и зарубежной культуры.

Ежегодные сборники произведений участников ЛИТО (Альманахи) можно читать на нашем сайте «ЛИТО на Пречистенке»

https://lito-cdu.ru/

Переписка с ЛИТО возможна по электронной почте:

lito.domuch@gmail.com



Людмила Колодяжная

Колодяжная Людмила Ивановна — поэт, кандидат филологических наук, член Союза литераторов России, член Союза писателей XXI века, руководитель Литературного объединения Центрального Дома ученых РАН, автор более 30 книг стихотворений (в том числе детских — «Стихи-крошки маленького Алешки», 2011–2015 гг., азбуки в стихах «Ступенька в небеса», 2016 г., опубликованных в издательстве «Московская Патриархия»). Многие произведения опубликованы как в периодической печати, так и в сети Интернет. На стихи Людмилы Колодяжной написано около 400 песен. Книги, песни, концерты можно посмотреть на авторской странице сайта Литературного объединения ЦДУ РАН: ЛИТО на Пречистенке.

* * *

Мы странники — оттуда,
из стран, которых нет,
пришельцы, ищем чуда,
во тьме сокрытый свет.

Уходим осторожно
Во мглу безумья зим,
где пушкинский треножник
стоит, неколебим.

Там — дом растет без крыши,
Но ступишь за порог —
из каждой строгой ниши
неслышно смотрит Бог.

И лист сырой бумажный
плывет издалека,
и вырастает влажно
из-под пера строка.

И слов иголки-спицы
затеряны в стогу,
страница белой птицей
мерцает на снегу.

Колеблется треножник,
но время подойдет —
прохожий осторожно
страницу перечтет.

И вслед пойдет за нами,
в страну, которой нет,
где промелькнет меж снами
во тьме сокрытый — свет...

Посвящение Державину

«А если что и остаётся
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрётся
И общей не уйдёт судьбы.»
(Г.Державин)

Был смертный час как буря вслед затишью.
Поэт далёк уж от житейских странствий,
Но близок мел, доска, её пространство.
И хватит сил ещё на восьмистишье.

Изнемогли уже душа и тело,
Но смертный ум ещё не изнемог.
И стало действом стихотворства дело,
Печатью стали восемь кратких строк.

Где ленты строк сливаются в поток,
В земную осязаемую млечность,
Он начал жизнь великим словом: БОГ,
Её окончив любопытным: ВЕЧНОСТЬ.

Лариса Адлина

Адлина Лариса Леонидовна — поэт, прозаик, художник, учёный (кандидат технических наук), активный член ЛИТО Центрального Дома Учёных РАН и постоянный участник авторских творческих вечеров, член СП России и Союза профессиональных литераторов (Московское отделение, секция прозы), участник клуба «Московитянка» при ЦДЛ, литературной студии «Луч» при МГУ, клуба «Московский Парнас». Стихи и малую прозу начала писать в школьные годы, была редактором школьного литературного журнала «Первые шаги». Работала в Москве и в Заполярье, в ПечорНИИпроекте, научным сотрудником кафедры Физики моря Физического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Рассказы, стихи и поэтические миниатюры опубликованы в книгах «Ожидание радуги», «Детское прикосновение», в Антологии современной поэзии «Созвучье слов живых» (т. 6), литературных альманахах ЛИТО ЦДУ РАН. Имеет литературные награды.

ЛИТО на Пречистенке — наш родник

К юбилейному концерту в ЦДУ
«ЛИТО! Как много в этом звуке…»

Мне повезло прийти в литературное объединение Центрального Дома учёных двадцать лет назад. Тогда им руководил доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН Всеволод Юрьевич Троицкий. Член Комиссии РАН по образованию, заслуженный деятель науки Российской федерации, литературовед, теоретик школьного образования, публицист Всеволод Юрьевич находил время для руководства литературным творчеством секции в Доме учёных.

Оказалось, он возглавлял наше ЛИТО с 1979 года. До него в разные годы руководили объединением известные литераторы В. В. Кожинов, П. В. Палиевский.

С первых дней занятий я заметила, что Всеволод Юрьевич был серьёзным и очень требовательным руководителем ЛИТО. Я однажды наблюдала, как он вернул одному из литераторов его слабый текст со словами: «Это не литература!». Можно представить, как я боялась прочитать ему свои строчки. Хотя я до этого посещала ряд Московских ЛИТО, в числе которых были «Московитянка» при ЦДЛ, клуб «Московский Парнас», ЛИТО при Доме медика.

Приходила на занятия и внимательно слушала всех выступающих. Всеволод Юрьевич — преподаватель, автор многочисленных научных трудов, был очень занят и не всегда приходил к нам, в ЛИТО. В такие дни его замещал Дмитрий Георгиевич Власов. Вот в это время я и читала свои сочинения. Слушатели меня критиковали, поправляли и помогали выделить главное в моих стихах. В объединении тогда занимались Вера Николаева, Людмила Колодяжная, Людмила Саницкая, Наталья Мишина, Виген Оганян, Людмила Плиско и другие. Я всем им искренне благодарна за помощь и понимание.

Наступило время подготовки к майскому концерту. А концерт тогда был один в году — отчётный, проводился в конце сезона и готовился с чрезвычайной ответственностью.

И вот в Камерном зале я на репетиции первого в моей жизни литературного выступления впервые подошла к микрофону на сцене и начала читать:

«Иду по тундре и случается
Мох проседает пустотой.
Полярным летом день кончается
Подтаявшею мерзлотой…».

Когда, волнуясь, закончила читать свои северные строки, услышала от Всеволода Юрьевича одобрение и разрешение участвовать в концерте на сцене Дома учёных. Я была счастлива!

Правда, он заметил неточности в предлогах, я согласилась с замечаниями и на концерте прочитала конец этого небольшого стихотворения с исправлениями:

«В июле, в самом знойном месяце,
Раскинулись цветы ковром
До горизонта. Лютик светится
Особым северным теплом.

Душа к теплу с надеждой тянется,
Как тундра, светом залита.
Откуда знать ей, что обманется.
Здесь, под цветами — мерзлота.

1972–2004, Воркута, Ворга-Шор»

После этого концерта я старалась так подготовиться, чтобы участвовать во всех следующих. Для меня это был праздник, вечер интересной авторской поэзии.

С тех пор прошло двадцать радостных творческих лет.

Учёные разных возрастов и профессий, пишущие и издающие свои книги вот уже более полувека собираются в литературном объединении ЦДУ РАН. За этот срок немало изменился его состав: старшее поколение ветеранов ушло. И мы, к сожалению, можем перечислить наших современников ушедших в последнее время.

Всех их объединяло и нас объединяет слово, любовь к слову, желание открыть в нём себя и мир, потребность — по мере возможностей служить слову. Желательно, служить с чувством ответственности за написанное.

В 2000-м году под редакцией Троицкого был издан сборник «Поэзия, проза и мы» произведений участников литературного объединения Дома учёных. Очень интересный сборник. С удовольствием читала и перечитывала. На его страницах мне понравилось стихотворение Всеволода Юрьевича Троицкого под названием «Родине»:

«Мне чувство родины дороже прочих чувств.
Понять его не каждому дано.
Я б без него стал немощен и пуст,
Мне без него не жить бы всё равно.

Россия, Родина! Я бью тебе челом.
Прими любовь сыновнюю мою.
Я — твой навек и сердцем, и умом;
Я, как солдат, всегда в твоём строю!»

И последние строчки его небольшого, но весьма поучительного стихотворения «Родное слово»:

«Родной язык, ты вечно будешь жить!
И будет жить, тобой благословенный,
Лишь тот, кто смог поэзии служить
Благоговейно, честно, сокровенно.»

И ещё заинтересовали стихи: у Веры Николаевой «Письма», у Людмилы Плиско «Крымские встречи», у Людмилы Колодяжной «Плач Ярославны» и другие.

В то время мы приходили на занятия в 59-ю комнату (помещение для репетиций) и видели на малом пространстве прямо перед собой небольшой стол, и за ним Троицкого Всеволода Юрьевича и рядом секретаря Елену Шестакову. А справа видели рояль и наших литераторов вокруг огромного инструмента. Причём мужчины во время занятия стояли за роялем. А женщины располагались на двух подоконниках и пяти-шести стульях. Было очень тесно, но зато мы все читали свои произведения действительно по кругу и видели теплоту и заинтересованность в глазах друг друга…

Я берегу книгу «Пути русской школы», которую после концерта 22 мая 2004 года подарил мне Всеволод Юрьевич с дарственной надписью. Хочу привести его короткое и замечательное высказывание из этой книги: «Русская литература — это средоточие наших духовных святынь, без которых немыслимы самосознание и свобода русского человека. Её духовное значение признано всем культурным миром».

В 2008 году Всеволод Юрьевич предложил передать руководство ЛИТО другому литератору. 25 января этого года был Рождественский концерт «Стояла зима…», в котором Троицкий участвовал со стихотворением «Лорелей (из Гейне)». Наталья Мишина читала «Опять зима колдует», Светлана Комракома «Крещение», Людмила Колодяжная «Волхвы», Анатолий Потапов «Принимаю на себя», Людмила Саницкая «Ноябрь», Зинаида Фомина «Зимнюю сказку», Людмила Плиско «Орфей», а я прочитала «За тонкой стенкой вагона…». Я отмечала тогда стихи которые понравились.

Объединением стала руководить после лета Людмила Ивановна Колодяжная. На собрании её кандидатуру предложила Наталья Мишина. Кандидат филологических наук Людмила Колодяжная в коллективе лексикографов Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН много лет посвятила многотомному изданию — «Словарь языка русской поэзии XX века». В нём были собраны и словарно описаны строки видных русских поэтов — от Иннокентия Анненского до Марины Цветаевой.

Меня поразила книга её стихов, написанных в нулевые годы, и само название сборника «Пространство, которого на свете нет». В нём точно сказано о стихах, как о чём-то воздушном, и в то же время весомом, о новых строчках, которых раньше совсем не существовало…

С приходом Людмилы Колодяжной у нас концерты стали проходить каждый месяц с октября по май, вместо одного отчётного весеннего. И число литераторов ЛИТО выросло в два, а затем в три раза, когда мы получили для занятий просторную Зелёную гостиную и Малахитовый зал для выступлений.

Хочется отметить, что наше литературное объединение живёт и растёт (во всех смыслах растёт) несмотря на огромные изменения вокруг нас: годы, так называемой перестройки, грандиозное изменение, переименование всей страны, череды разновидностей вируса…

На китайском языке слово «кризис пишется двумя иероглифами: один означает понятие «опасность», а другой — «возможность». Следовательно, у творчества нашего литературного объединения оказалось много возможностей выжить, творить, сохранять родную речь!

Это получилось в большой степени благодаря нашим руководителям. И, конечно, возможности творить в стенах Дома учёных, благодаря стойкости его директора, Виктора Степановича.

В заключение повторю фразу Всеволода Юрьевича Троицкого «Русская литература — это средоточие наших духовных святынь, без которых немыслимы самосознание и свобода русского человека».

ЛИТО Центрального Дома учёных

Пусть сборники строчками зреют —
Итоговый авторский труд.
Я в души бессмертные верю,
Что в наших твореньях живут.

На студии в Доме учёных
По кругу читаем стихи,
Сверкнёт вдруг отточенным словом
Тот клад, что хранится внутри.

И будет жить долго, играя
Таинственной гранью, строка.
Найдёт её кто-то, читая.

Мала или вглубь велика,
Степенно ручьи собирая,
Из капель возникнет река.

2015
ЦДУ РФ, Москва

ЛИТО — наш родник

Недалеко от всех других ключей
Один есть замечательный ручей,
Журчит заветной строчкой о своём —
О творчестве, что с нами день за днём.

Сюда приходят люди к роднику —
Есть польза новичку и знатоку,
Спешат к нам на концерт издалека
Послушать нашу песню ручейка.

Без громких поощрений и наград
Делиться он живою влагой рад.
Сверкает родниковая строка,
Слагается поющая река…

Его внимая вдохновению,
Решаю — быть стихотворению.

2008–2022

Евгения Белова

Белова Евгения Валериевна, доктор медицинских наук, профессор. В далёком прошлом была внештатным корреспондентом газеты «Заполярье» (Воркута), после чего литературная деятельность касалась в основном редакторской работы и написанием специальной литературы. К художественной литературе пришла в 1989 году, когда вышла её первая книжка «Игра словами». Вслед за этим вышли другие книги: «Век минувший», «Простые люди» и «Случаи из жизни». В настоящее время готовится к публикации книга «Повороты судьбы». Печатается в различных сборниках, альманахах, журналах. Основной жанр произведений — короткие рассказы. Член ЛИТО Центрального Дома Учёных и Московского союза литераторов.

СКАЗКА

Посвящается всем участникам ЛИТО Дома учёных (ЛИТО на Пречистенке)

«Что-то случилось с солнцем. Оно уже не так светило, как летом, вставало позже и рано торопилось уйти на покой»

(В. Арсеньев. «Дерсу Узала»)

Осень пришла с шумом лопат, грабель и вёдер. Всё это звякало друг о друга, вонзалось в землю, облепливалось грязью, наполнялось, сливалось, скребло и ставилось в сарай. Потом к этим звукам присоединились стук молотков по заколачиваемым окнам, гудки больших машин, развозящих дачников прочь от природы, мяуканье покинутых кошек, свист ветра в оголённых деревьях и шорох неубранных листьев. А потом настала тишина, лишь изредка прерываемая хлопаньем незапертой калитки и мелким тягостным дождём, лишённым летней живости и солнца. Тишина

сменилась на всё чаще выпадающее утреннее похрустывание посеребрившейся от инея пожухлой травы под невесомыми ножками мышей и белок. И так, сменяя друг друга, погодные явления вели природу к летаргическому сну под пеленой снега.

В доме с закрытыми ставнями стало темно и промозгло. Однако внимательный глаз мог бы заметить там некоторое оживление. Послышались лёгкие шорохи, чьи-то вздохи, хихиканье, словно кого-то щекочут, посвистывание, дребезжание и потрескивание. Это внизу собирались Вещи, оставленные в доме людьми до следующего сезона. Они были воодушевлены и разговорчивы. Многие ожидали перемен, сами ещё не зная, каких, но решительных. Наконец-то они освободились от гнёта людей, которые бесцеремонно пользовались Вещами, распоряжались ими по своему усмотрению, запихивали, куда хотели, мяли, комкали, выбрасывали, любовались на них, словом, полностью лишали Вещи какой-либо самостоятельности и свободы действий.

Роль Председателя взял на себя старый скрипучий Буфет, верхняя часть которого служила хранилищем посуды, а нижняя хранилищем всего остального.

— Господа, я открываю наше собрание поздравлением с тем, что, наконец, мы глотнули воздух свободы и теперь вольны распоряжаться собой, как каждому из нас вздумается. Вы свободны, господа, но… Не забывайте, что иерархию никто не отменял, и мы, выйдя из подчинения людей, не вышли из какого-либо другого подчинения. И раз уж я взял на себя роль Председателя, вы должны относиться ко мне с должным почтением, должны мне льстить, делать реверансы в мою сторону, не прекословить, не грубить, восхвалять, ценить без всякой оценки, словом, вести себя так, как будто другого Председателя быть не может. Я же обязуюсь вас всех отечески любить, издавать приказы, за которые вы сами проголосуете, сурово смотреть на врага и быть вашим кумиром.

— Браво, браво! — закричали Вещи,— Долой людей! Да здравствует Председатель!

И Вещи, кто мог, стали падать ниц, перекатываться по полу, закатывать глазки, клясться в любви, распространять ауру и утверждаться в мысли. А кто не мог, будучи пригвождён к месту, наблюдали с этого места за происходящим, проползали на кухню

и там находили отраду. Те, кто мог и не мог, очень беспокоились, суетились, оглядывались по сторонам, взвешивали и держались подальше.

Шум праздника дошёл до Очков, совсем забытых людьми и осиротело лежащих на краю обеденного стола около тоже забытой газеты, вследствие чего и днём и ночью вынуждены были читать одни и те же потрясающие новости. Очки, лежащие на краю, явно застоялись.

— Господа, наденьте нас на чей-нибудь нос!

— Какой?

— Желательно, подлиннее. Он будет соваться везде, а мы будем смотреть насквозь.

— То есть, видеть то, что другие не очень-то и желают?

— Но это наше предназначение, не правда ли?

— Тогда смотрите оттуда, где лежите.

— Ах, отсюда мы видим только кончики стоптанных ботинок. Нам с ними и поговорить не о чем. Они ведь ничего не видели, наверное.

— Вы ошибаетесь, — пробурчал Ботинок на правую ногу, — может быть, мы и действительно не видели ничего, дальше собственного носа, но зато много прочувствовали на своей шкуре, или, как принято говорить, подошве. Мы много путешествовали, прошли города и сёла, ступали по песку и камням, скользили по глине и мокрой траве…

— Ну вот это уж совсем никуда не годится, — вмешались в разговор изрядно запылённые детские Коньки. — Скользить по траве! Это же нонсенс! Хотелось бы узнать, что это такое. Да будет вам известно, скользить можно только по льду. Интересно, как далеко можно скользить по траве?

— Правду сказать, до первого падения хозяина. Ну и злится он каждый раз, как только упадёт.

— Да, падать довольно-таки больно, — раздался голос Чашки без ручки. — Мало того, что сразу лишаешься какой-нибудь части, но тебя ещё за это ссылают на дачу, отлучая от любимого сервиза.

— А чем вам не нравится дача, сударыня? — проскрипел, тяжело дыша, Председатель. — Дача — это музей. Правда, люди этого практически не осознают. Это удивительно непоследовательный

народ. Где-то там, в пыльном и душном городе (я, знаете ли, жил там в юности), они простаивают длинные очереди, чтобы увидеть что-нибудь редкое и старинное, а приехав на дачу, то же самое старинное запихивают как можно глубже в мои недра. Господа, я приглашаю вас в мои недра. Честное слово, вы найдёте там массу интересного. В городе это называется интерактивной игрой, а у нас по-простому — «Угадай». Многим детям это не так просто даётся и они бегут к старикам, чтобы те объяснили, что это за вещь такая. Хорошо ещё, если тем память не изменила, а если изменила, без археологов не обойдёшься. Господа, если бы вы знали, как грустно оказаться на помойке, как это унизительно. Нет уж, лучше быть в ссылке, как наша обожаемая Чашка без ручки, чем на помойке.

— Я с вами совершенно согласна, уважаемый Буфет, — прозвенела Чашка без ручки. — Люди совершенно непоследовательны. Сослав меня сюда, они с не меньшим, а скорее, даже с большим удовольствием пьют из меня чай, смотрят с сожалением на моё увечье и начинают предаваться воспоминаниям о своих предках, своём детстве, новогодних радостях и прочих прекрасных событиях. Заметьте, глядя на меня, они всегда вспоминают о чём-нибудь приятном. Но хоть кто-нибудь из них догадался вернуть меня на место! Никто. Там, в городе, я вызывала бы только раздражение. Вы не находите, что стало прохладно?

Все посмотрели в сторону охапки Дров, лежащих около печки и тоже дрожавших от холода.

— Нет, господа, нет! — героически закричали Дрова. — Без людей не положено. Ни в коем случае! Терпите.

— Но я от холода скоро лопну, это вас не беспокоит? — спросила почти замёрзшая пластиковая Бутылочка с водой.

— А я по своей воле в огонь не полезу, — заявила Кочерга, отличающаяся удивительно скандальным характером. — И вообще, я давно задумываюсь над сменой амплуа.

— Интересно, где вы теперь себя думаете проявить?

— Ну-у, сбивать сосульки с крыши, например.

— Попрошу не лезть в чужие дела, — бросила из угла Лопата. Я же не лезу ворошить уголь в печи. Что за манера совать свой нос, куда не спрашивают?

— Господа, если перед вами нос, наденьте же нас на него, пожалуйста.

— Ну что с этими очками делать? Прямо как рыбка-прилипала. Совершенно не могут жить самостоятельно, — добродушно задрожал широкий Диван. — Вот я, например, не только самостоятелен, а ещё любого принимаю в свои объятья, успокаиваю, подсказываю идеи, примиряю, усыпляю. Право же, живу, не покладая пружин. Они у меня так и рвутся наружу. А ведь каждый из этих людей норовит меня продырявить. Вот вы давеча говорили, что похожи на музей, — обратился он к Буфету. — Я тоже в своём роде экземпляр. По крайней мере, я — живая хронология. Уж сколько газет за много лет на мне читано…

— Читано-то оно читано, не спорю, но не создано, — раздалось откуда-то из-под стола.

— Кто там? — спросил Диван, не в силах перегнуться через свой живот.

— Это я, перьевая Ручка. Скатилась сюда ещё в середине прошлого века и лежу. Эти люди совсем перестали записывать свои мысли, потому что летом они у них пропадают, особенно в жаркую погоду. Одни только прогулки на уме, катание на лодке, рыбалка, девушки. Где уж тут размышлять? И ни разу обо мне не вспомнили. Ах нет, ошибаюсь. Тут один повеса хотел было стихи сочинить, но меня не нашёл и решил, что так даже лучше. Вы слышали, как он объяснялся в любви в прозе? Думаю, девушка ему именно поэтому и отказала.

— Да-а, любовь — сложное чувство, — робко произнесла купальная Шапочка, — у меня в памяти до сих пор стоит один очень умный Зоолог. На свою беду он был не поэтом, а учёным. Однажды он любовался своей девушкой в бассейне. Та была удивительно обтекаема и, грациозно разворачиваясь у конца дорожки, ныряла вглубь, изогнувшись дугой. Юноша, конечно, не выдержал и сказал ей:

— Если бы вы знали, как вы похожи на выдру!

— Ах! — ахнули все. — В таком деле, конечно, лучше быть поэтом, чем Зоологом. Однако, и девушка хороша. Неужели она думала, что в воде её лучше было бы сравнить с газелью? Вы представляете себе ныряющую газель?

— Господа, господа! — с профессорским видом произнесли Очки, — мы сейчас всё объясним. Видите ли, в оптике существует такое явление. Оно неизбежно, хотя и заразно, как ветряная оспа, и поражает чаще всего молодёжь. Оно называется «Розовые Очки». Скорее всего, наш учёный был просто-напросто в этот момент болен.

— Может быть, это его и спасло в конце концов?

— Но впредь он, конечно, должен быть осмотрителен с эпитетами, — мягко сказала диванная Подушка. — Вот если бы он назвал её, к примеру, Ондатрой, это могло ей показаться загадочным. К тому же, чтобы показать Зоологу, что и она кое-что знает, она могла бы намекнуть, что это какой-то персонаж из древнегреческой мифологии.

— Всё это потому, что девушки любят ушами, — вздохнуло Зеркало над умывальником.

— Ну тогда зацепите нас за чьи-нибудь уши, — опять простонали Очки.

— Как вы, право, надоели, — прогремело пустое Ведро. — И что вы всё цепляетесь?

— Таков наш удел, — надменно произнесли Очки. — Вы заметили, что нас постоянно теряют, даже если мы сидим на лбу? Да вот живой пример. Хозяин сейчас в городе и обыскался нас. Без нас ему, как без рук. Наверное, покупает новые. А когда вернётся сюда весной и увидит нас, обрадуется больше, чем любому из вас. Не думаете же вы, что он бросится в первую очередь к Ведру или Буфету.

— Господа, я считаю это оскорблением!

— Однако обо мне он вспомнит в первую очередь, — промурлыкал Диван. — И скажет жене: «Голубушка, присядь рядом. Отдохни с дороги. Потом всё разберём».

— Нет, нет, — прокричали Дрова, — первые, кого они заметят, будем мы. «О-о, — скажут они, открыв дверь, — как прекрасно пахнет в доме деревом. Какой воздух!».

— Ошибаетесь, — прогудело Ведро, — первым буду я, когда открыв дверь в ещё тёмный дом, они об меня споткнутся и произнесут: «О, чтоб тебя!».

— Вы тоже ошибаетесь, — проскрипели ставни, — первыми будем мы, потому что без света в доме трудно передвигаться.

— Ну хорошо, хорошо, пусть вы все будете первыми, но мы, непременно, будем вторыми, — прошелестели домашние Тапочки.

— Господа, — провозгласил Председатель, — мне кажется, что наш разговор пошёл не по тому руслу. Ведь мы собрались здесь, чтобы отметить превосходство Вещей над человеком, а теперь некоторые начинают высказывать своё раболепство перед ним и желание отдать себя в полное его распоряжение. Прошу не забывать, что именно сейчас наступило, наконец, время свободы. Мы здесь одни и вольны делать всё, что нам вздумается.

— Правильно, правильно! — зашумела толпа. — Довольно пресмыкаться! Давайте насладимся свободой.

— Начинайте, — съехидничали домашние Тапки.

— Послушайте, — вновь простонали Очки, обращаясь к Совку для угля. — Вот ваша ручка, она так похожа на длинный нос. Не можете ли вы нас нацепить и пройтись по комнате? Мы здесь порядком залежались.

— Прекратите кокетничать! — вскричала Кочерга, которая умела раскаляться докрасна, — Ведь вы, всё-таки, не карнавальная маска! В вашем возрасте (посмотрите, у вас уж и дужка с одной стороны отвалилась), в вашем возрасте нужно смотреть на Вещи трезво. И кто вы такие? У вас нет ни пола, ни единственного числа… Вы пыль, воздух… Не приставайте больше к Совку. Все знают, что мы — неразлучная пара. Куда я, туда и он.

— Ах, скажите пожалуйста, — пробормотали Очки. — Зато у вас проблемы со множественным числом. Но мы не такие злопамятные. Нет, не такие… Эх, скорей бы появились люди. Ну и что, что они нас часто забывают? Зато как они страдают в разлуке, как страдают!

— Да, за них бы мы отдали весь жар нашей души, — дружно вздохнули Дрова.

— А я, — зазвенела Чашка без ручки, — как я хочу прикоснуться к жаждущим губам!

— А я не могу дождаться, когда меня вымоют, — скромно произнесла немытая Тарелка с кусочком засохшего сыра, не догадываясь, что в нём отрава для мышей.

— Господа! Что я слышу? Что за ропот? А как же наша свобода, о которой мы так мечтали, — пропыхтел Буфет. — Я, знаете ли, тоже не против, чтобы мои дверцы открывали и закрывали, а то петли совсем заржавели. Но наша мечта… А что это за шум там, за ставнями?

— Разрешите, мы посмотрим. Ну хотя бы в щёлочку, — взмолились Очки. — О! Да это люди приехали отряхнуть с веток снег и почистить крышу.

— Ура! — закричали все Вещи, кроме Буфета. — Ура! Люди приехали!

— Вот так всегда, — уныло пробурчал Буфет. — Не успеешь взлететь, тут же падаешь.

Наталья Божор

Божор Наталья Юрьевна по специальности — филолог. Автор поэтических книг «Стихов быстрокрылая нежность» (2007), «Звёздный остров» (2010), «Планета грёз» (2014), «Города из ракушек» (2016), «Берег надежды» (2017), «Эоловы струны» (2018), «Чайка над морем» (2019).

Посвящение Маргарите Новиковой

Твоя
Строка
Твой
Стих
Певучий
Горит
И гаснет
В Облаках
Твой
Голос
Дерзкий
И могучий
Звучит
Поэзией
В веках

Посвящение Николаю Иодловскому

Платан
Текущий
Листьями
К огню
Стихии
Моря
Неподвластной
Сердцу
Чинара
Дарит
Песню
Иноверцу
И чужеземцу
Говорит
Люблю

Александр Большаков

Большаков Александр Евгеньевич — дипломант конкурса чтецов Фестиваля искусств работников образования ВАО города Москвы «Майские звёзды», окончил экономические факультеты Московского экономико-статистического и Всесоюзного сельскохозяйственного институтов, философский факультет Университета марксизма-ленинизма, полковник в отставке, ветеран боевых действий, 77 лет, прадед.

А я в ЦДУ ходил на учёбу (к 100-летию ЦДУ)

Моё знакомство с ЦДУ началось в далёком 1962 году. В то время я, ещё студент института, но уже кандидат в члены партии, внештатный инструктор отдела агитации и пропаганды Ленинского райкома комсомола и первый директор создаваемой школы комсомольского пропагандиста при райкоме, поступил на философский факультет вечернего университета марксизма-ленинизма при Московском городском комитете КПСС. В те годы райкомы партии и комсомола располагались на Кропоткинской улице, носившей прежде название — Пречистенка. Именно поэтому я много раз проходил мимо Дома Учёных, постоянно любуясь этим превосходным архитектурным чудом, как впрочем, и другими многочисленными великолепными историческими памятниками на этой улице.

И вот в начале октября 1962 года собрались мы — слушатели Университета — в Большом зале Дома Учёных. Естественно, зал поразил нас своим великолепием! А перед этим удалось накоротке пройтись по коридорам и рекреации второго этажа и восхититься росписями помещений и превосходной мебелью. До этого момента мне приходилось бывать в здании лишь на первом этаже, где размещался деканат университета. Так что первые впечатления

и положительные эмоции от увиденного очень способствовали в дальнейшем моему ответственному отношению к учёбе.

На первой ознакомительной лекции нам рассказали об истории здания, о его владельцах, о бывавших здесь гостях, в том числе и о таких известных и нами — членами ЛИТО чтимыми, как Пушкин и Гоголь.

В актовом зале мы слушали лекции, а семинарские занятия, как правило, проходили в соседней школе. Мне врезалось в память, как много присутствовало людей в зале (практически — забит до отказа), когда шли лекции о международном положении, с которыми выступал лектор-международник ЦК партии, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР кандидат исторических наук Герман Михайлович Свердлов, брат Якова Михайловича, первого Председателя ЦИК России. Обладая огромным информационным материалом и будучи чудесным мастером ораторского искусства, он, великолепно владея аудиторией, давал нам пищу для ума и раздумий.

Но, к сожалению, в здании Дома Учёных мне пришлось заниматься только один семестр, так как второго января 1963 года я уже отбыл в Саратов, для прохождения девятимесячной производственной практики в Озинской инспектуре государственной статистики. Потом были окончание института, работа по распределению в Центральном статистическом управлении РСФСР, уход в центральный аппарат КГБ СССР, где я стал заниматься в литобъединении при журнале «Пограничник». Будучи заместителем пропагандиста — начальника отдела генерала Зайцева П. В., я по рекомендации партбюро отдела в 1966 году вернулся к занятиям на философском факультете УМЛ, так как решил, что Университет даст мне дополнительную возможность подготовиться для сдачи кандидатских экзаменов. А я уже задумался о том, чтобы в дальнейшем поступить в аспирантуру при Высшей школе КГБ (теперь это Академия ФСБ).

Летом 1967 года я закончил обучение в Университете, продолжил активную подготовку к экзаменам на кандидатский минимум, успешно выдержал экзамены и для прикрепления соискателем в аспирантуру пришёл за направлением к своему пропагандисту.

Генерал выслушал меня, задумчиво посмотрел и сказал, что такие умные ему на работе не нужны. Я, естественно, не принял такого решения генерала и пошёл за советом в Партком КГБ, где меня знали, ибо я был в активе Комитета комсомола КГБ. В результате генерала уволили на пенсию, а меня перевели из Центра в Главное управление пограничных войск.

Так вот, во второе моё пришествие в Университет я уже более внимательно и подробно осмотрел здание Дома учёных и постарался обойти все помещения, куда имелся доступ. Кроме того, удалось побывать на проходивших здесь концертах как в Большом, так и в Малахитовом, и Голубом залах. А, кроме того, перед лекциями или в перерывах между ними мы, слушатели университета, забегали в буфет за чаем и бутербродами.

Вот с тех пор, то есть 60 лет, и идёт отсчёт моего знакомства с превосходным памятником архитектуры и русской истории, коим является Центральный Дом Учёных Российской Академии Наук.

16 апреля 2022 года

Елена Бочина

Бочина Елена Михайловна. Родилась в Москве. Длительное время работала в отрасли авиамоторостроения: в испытательной лаборатории, госповерителем. Участник ЛИТО ЦДУ РАН. Печатается в литературных альманахах г. Москвы, на стихи написаны песни. Имеет литературные награды.

Элегический терцет

Посвящается Людмиле Колодяжной

«Рассеян свет в метели млечной,
И звук, из недр идущий вечных,
Зовётся просто — тишина.»

«...потому, что в короткие дни
этот луч всё живущее свяжет…»
(Людмила Колодяжная)

Рассеяно в межзвёздных милях
Исповеданье вечных слов.
Порой так тягостно бессилье
Вбирать его среди пластов

Времён рутинных, безлампадных,
Среди надменных палачей...
О, жаждет как душа отрадных
Неиссякаемых лучей

Бездонных глаз, смотрящих мудро,
В мироточащей тишине,
Сквозь время, *Млечность** перламутра...
И знать, что благодатных — мне

Лучей даровано сиянье,
И Вечность в них отражена...
И вот, с реальностью на грани,
В узорчатых полутонах,

Торжественно, как бы в соборе
Вливаясь в пламенистый след,
Воскреснув, расцветал во взоре
Ваш элегический терцет.

16.07.2020

Ангелов семьЯ

Посвящается Александру Долгополову
и Наталии Сажиной

Был вечер свят и серебрист.
И было тихо.
Приблизил лиру гитарист,
Коснувшись грифа.
Он словно девушку обнял
Её фигуру,
А вечер серебро ронял
На партитуру.
И, словно Ангелов семьЯ,
Вспорхнули ноты
В свои незримые края,
Где ждёт их кто-то.

* *Млечный путь*

Они спускаются с небес
Для вдохновенья.
И крыл сиял призывный жест
Для восхожденья.
Для восхожденья к тем Мирам
Откуда вышли,
К той Высоте, где Вечный Храм
И сам Всевышний.
Поёт про Вечность гитарист —
Ему не спится.
А Бог готовит чистый лист —
Судьбы страницу.
И над Землёй мотив летел,
Паря над былью…
А за спиной, когда он пел,
Светились крылья.
И стал усыпан небосвод
Слезами счастья.
И свет души достиг высот
Тиши звенящей.

Лебёдушка

Посвящается Наталии Сажиной

С лебяжьей негой льнут персты
К безгрешной лире: плавно, нежно...
Внимая синеве безбрежной,
Поёшь о благодатях ты.

С живой поэтикой струны'
В гармонии душа и тело.
И ты в лучах зашелестелых
Паришь на крыльях неземных.

И в радужном разливе струн
Вместима вся палитра Мира:
От грёз фиалковых Эфира
До жара, что таит корунд.

И стройный, безначальный лад
Нанижет ноты в свой орнамент,
А Горних партитур пергамент
Нетленен, как и Райский сад.

Вокруг тебя росистый луг...
Ах, как мила для сердца сцена,
И столь желанна , сколь бесценна,
И, будто Ангелы вокруг.

И чувства все обнажены,
И грудь не ветром дышит, песней.
И жизнь, воистину, чудесней,
И души высотой полны.

11.08.2022

Созвучия сплетённые цветы

Высоких слов лучи благоговения
И струн благословенные следы...
Пред вечностью: с мольбой и упоением —-
Созвучия сплетённые цветы.

Цветами я осыплю дрёму сада,
И в ласке струн растает тишина.
И в дом войду, забвением объятый,
Зажгу свечу надежды у окна.

И озарится запустенье комнат,
Преобразив беспамятство часов.
Пусть эхо дома дар бесценный помнит:
Исповеданье музыки и слов.

Высоких слов лучи благоговения
И струн благословенные следы...
Пред вечностью: с мольбой и упоением —
Созвучия сплетённые цветы.

01.04. 2019

Лирика

Посвящается Марии Скавронской

В объятиях тепла душевного,
В узорье вышитой мечты,
И ощущение волшебного,
И вдохновенность красоты.

Искрясь в оттенках благозвучия,
В искусном мастерстве стежка,
Строка тончайшая, певучая,
Свежа дыханьем родника.

В строке и недрах междустрочия
Неугасим надежды луч,
И сохраняя полномочия,
Он к тайному вверяет ключ.

Теплом души строка согретая
Благоговейна и чиста.
И лучезарна и свята
Мечта, высокая и светлая.

Импрессия

Наталье Божор по впечатлению
от книги стихов «Берег надежды»

Трель, поцелуи ветерка,
А вот капель звенит слегка:
Из чутких снов, издалека…
А может это облака
Вплывают в шорохи песка…

Ах, как таинственна строка!
А песнь мгновенью так кратка,

Как вдохи утончённых роз
В алмазном ожерелье рос,
Иль чувственный порыв стрекоз,
Где искуситель медонос
Нектары небу превознёс
В тон шлейфу мимолётных грёз.

Увидеть чудо удалось:
Мечта с реальностью — не врозь.

В объятиях романса

По впечатлению от концертов
с участием
Ольги Кузьмичёвой и Андрея
Лаврешникова

Под струями дождя не мокли вишни,
Пылая в неге спелостью румянца,
Переполняясь звуками чуть слышно,
Забыв про всё в объятиях романса.

Седой скрипач и образ девы юной
Сливались с ночью в глянце фортепьяно…
Самозабвенно чувственные струны
Струились, ластясь, в томное сопрано.

И пульс старинных клавиш виртуозно
Овладевает сердцем пианиста,
Полётом чутких пальцев, перехлёстным.
Пленяет нотой первозданно чистой.

Летел аккорд в просторы поднебесья.
Любовь обворожила мирозданье.
И плачет ночь, в объятьях дивной песни,
В блаженный час заветного свиданья.

И пряча грусть в промокшие одежды,
Целуя вишен щёки наливные,
Поверив в счастье, как когда-то прежде,
Ночь раскрывает чары неземные.

P.S.
О, песнь любви, что проникает в душу!
Я жаждой сладостной объята вновь:
Скрипач, тебя лишь, с упоеньем слушать,
И петь тебе про вечную любовь.

Дмитрий Власов

Власов Дмитрий Георгиевич — кандидат технических наук, профессор Московской Академии водного транспорта, состоит в ЛИТО ЦДУ РАН с 1993 года. Автор книг прозы и стихов, монографий в жанре популярного литературоведения: «Вместе с Пушкиным» (2011), «О Пушкине и не только» (два издания, 2015 и 2020 гг.). Рассказы и очерки опубликованы в журналах «Наука и жизнь», «Наука и религия», «Нева», «Московский парнас», в Сборниках ЛИТО ЦДУ РАН, в газете «НГ-Exlibris». Публикации на тему войны, эвакуации, ленинградской блокады доступны на сайте «Журнальный зал» («Нева», 2005, № 3 и 2015, № 5).Рассказ «Красная вода» получил II место на Международном литературном фестивале «Славянские традиции — 2010».

ЛИТО и ЦДУ на смене эпох

Имею ввиду еще 90-е годы, потом — «нулевые» и «десятые»… Так вот, кто помнит, весь ЦДУ жил активно, почти ежедневно был полон, и в некоторые дни трудно было найти свободное место в зрительном зале, в кафе, и около танцплощадки. В эпоху перелома, надо отдать должное администрации и директору, они сохраняли и поддерживали традиции, «дух и букву» ЦДУ, удержали его не без труда от так называемой «приватизации», постоянно в летний период ремонтировали своими силами

Бывая эпизодически на мероприятиях ЦДУ, я решил в те самые 90-е гг., что могу и должен стать полноправным членом ДУ. Однако оказалось, что кандидатская степени для этого недостаточно и нужно «поработать», проявить себя в какой-нибудь секции, научной или творческой и по ее ходатайству уже «претендовать».

Так я оказался в Литобъединении, руководимом тогда В. Ю. Троицким. Состав секции был немногочисленным, текучим в какой-то степени, преобладали не очень молодые женщины с большим жизненным и некоторым издательским опытом.

В дальнейшем, по мере нашего «взросления» (чтобы не сказать — старения), я в свой уже (аж 90-летний) юбилей назвал их «семидесятилетней молодежью». Это обращение им даже понравилось…

Тогда, «на заре», я для знакомства прочел несколько своих «домашних заготовок». Большая поэма, однако, не произвела впечатления, а вот малые формы — наоборот, понравились. Были даже самокритичные возгласы («почему не я это написала…»). Так или иначе, я «вписался», но только через два-три года стал полноправным членом ЦДУ, для чего ЛИТО написало специальное ходатайство.

Собственно встречи-занятия ЛИТО происходили в небольшой комнате с роялем над сценой большого зала ДУ (где и собирались перед концертами выступающие, но это уже к вечеру, а мы там «работали» днем два раза в месяц). Руководителем ЛИТО долгое время был В. Ю. Троицкий. Он работал в Институте мировой литературы, был специалистом по школьной литературе и по Лескову (юбилеи которого благодаря этому у нас отмечали особенно).

Состав присутствующих немного менялся, но «ядро» оставалось. Обычно заранее выбирался «автор», представлявший лично, в «живом эфире» свои произведения (по преимуществу — стихи). Заранее назначался рецензент, а по ходу дела высказать мнение могли все желающие. По себе знаю, что любое публичное выступление, даже перед небольшой аудиторией, тут же высвечивает самому автору еще до обсуждения его огрехи и в любом случае приносит пользу. Дальше авторы уже сами искали способы и места опубликования.

Были времена, мы их застали, когда издательства и редакции сами искали интересных авторов и охотно их издавали. Помнится, например, скромная на вид книга рассказов М. А. Фаворской (дочери акад. Фаворского) о своих геологических экспедициях первых послевоенных лет на Камчатку и в предгорье Армении. Она ходила и в одиночку, между прочим, и никого это не удивляло тогда и не представляло опасности. Нам, в ЛИТО, она просто представляла и дарила эту книгу. Из более поздней и немногочисленной «мужской» популяции вспоминается сразу Виген Оганян, который был активен и талантлив в творчестве, в танцах, в чувстве юмора.

И что совершенно ясно и относится ко всем, так это то, что дополнительная творческая нагрузка жизнь может только продлить, как и всякое движение…

По мере медленного но верного роста и количества членов и кандидатов в члены ЛИТО, в нашем упомянутом уже гнезде с роялем не хватало обыкновенных стульев. И тогда пришли к ложам 19-го века, где женщины сидели, а мужчины стояли за их креслами. В данном случае мужчины окружали рояль и он выполнял роль большого пюпитра при выступлениях (а иногда на нем и играли).

Появлялись новички с большими папками стихов или прозы. Не все легко переносили критику (а надо было просто принять ее к сведению) и исчезали, но ядро сохранялось, как и благожелательное отношение руководство ЦДУ и библиотеки, куда мы со временем переместились со своими встречами.

Еще не забыть, что были (и есть, несмотря на потери) у нас и свои музыканты (гитара, рояль), сопровождавшие наши, ставшие теперь ежемесячными, отчетные публичные концерты в Малахитовом зале, входящие в каждом месяце в календарь ЦДУ. Участвуем мы и на общем концерте-отчете творческих секций в конце сезона.

В заключение своей части данного нашего издания позволю себе привести свое стихотворение, посвященное памяти всех ушедших от нас в вечность…

Посвящение

«Прислонись последний раз щекою
навсегда.
Я хотел бы умереть с тобою?
Нет и да».
(Евг. Рейн)

Утонула в цветах, а потом вознеслась
Лёгкой дымкой в безбрежную даль…
Нам осталась на этой земле,
Чтобы помнить и плакать — печаль…

Прикоснусь к тебе в последний раз
и навсегда.
Я хотел бы умереть с тобою?
Нет и да.

Окружающий мир также ясен и цел,
А ведь каждый чего-то сказать не успел.
Есть надежда — ещё я отдам
Все долги, когда встретимся — там…

И теперь все прощения — на небесах,
Но найдём ли друг друга в тех кущах-лесах?

В дымке дух твой ещё не угас,
Ты прости нас и здесь, и сейчас…

Прикоснусь к тебе в последний раз
и навсегда.
Я хотел бы умереть с тобою?
Нет и да.

Галина Гашунина

Гашунина Галина Викторовна — прозаик. Член Союза писателей XXI века. Закончила Московский институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова. Автор трех книг рассказов и эссе. Публиковалась в газетах «Наш изограф», «Диалог», в альманахах «Муза», «Истоки» и ежегодных сборниках ЛИТО ЦДУ РАН.

Мой Дом учёных

Наш московский Дом учёных принял меня в свою семью в 2012 году. Я и представить себе не могла, насколько это событие станет важным для меня. Когда постигает утрата родного человека, тем более если этот человек — любовь всей твоей жизни, полностью теряешь ориентиры, забываешь самое себя и безотчётно тянешься к тем, кто может тебя понять, к тем, кто близок тебе по духу. И часто в такие моменты приходит на помощь его величество Случай. Однажды моя подруга, привела меня на концерт романса в Дом учёных. Трудно в это поверить, но я была там впервые. И, как оказалось, неспроста. Афиши в вестибюле Дома пестрили названиями камерных концертов, которые проводились силами участников творческих секций, созданных в нём. Конечно же, в первую очередь меня заинтересовала литературная секция: к тому времени я уже выпустила свой первый небольшой сборник, содержащий очерки и короткие рассказы. Я стала посещать литературные концерты и вскоре убедилась, что нашла сподвижников — людей, которые не мыслят себя без творчества, людей талантливых и одержимых писательством, и мне очень захотелось познакомиться с ними поближе. Вскоре состоялась моя первая встреча с участниками секции. Я очень волновалась. И не только потому, что не знала, какую оценку получит моя проза, но и потому, что не обладала учёной степенью. Рассказав

о себе и прочитав небольшое эссе, я услышала короткое, но дружелюбное: «Приходите». С того памятного дня я не просто шла, я, как на крыльях, летела в любимый дом на Пречистинке. Занятия литературного объединения проходили в 59-й аудитории. Эта комната с высоким потолком и старым роялем стала для меня святыней, и я посвятила ей эссе с признанием в любви.

Через несколько лет постоянных выступлений со своей прозой я почувствовала необходимость поработать над выразительностью речи и потому записалась еще в одну секцию — секцию художественного слова. Здесь я увидела потрясающих декламаторов, у которых было чему научиться. С тех пор участие в обеих секциях одинаково обогащает меня, дает вдохновение и для собственного творчества, и для публичных выступлений. А в прошлом, 2021 году, произошло очень значимое для меня событие — я стала членом Центрального Дома учёных и мне очень дорого это звание.

Мой 59-й синий троллейбус

Два раза в месяц по субботним дням мы приходим в литературное объединение Дома ученых, чтобы поделиться друг с другом своим творчеством, окунуться в неповторимую авторскую среду, узнать что-то новое для себя, услышать своих собратьев по перу и, конечно же, быть услышанным ими.

Для меня же это объединение оказалось гораздо большим, чем просто литературная секция. Помните песню Окуджавы, в которой есть такие слова: «Когда мне невмочь пересилить беду, когда наступает отчаяние, я в синий троллейбус сажусь на ходу — последний, случайный»? А моим желанным прибежищем оказалась скромная 59-я аудитория.

В один из холодных и промозглых мартовских вечеров оказавшись в ней, я явственно ощутила, как шумная и вечно бегущая Москва, постепенно смолкает за ее большими окнами, как утихает и моя беспросветная боль, как она растворяется в лучах заполняющего её стены светлого и волшебного мира литературы. Он, этот мир, наполняя меня желанием жить и созидать, начал прочно входить в моё сознание. Небольшая, с трудом вмещающая в себя

всех участников аудитория влекла меня как маяк в беспросветной ночи, и я мчалась на её свет, оставляя позади все свои невзгоды. Это удивительное пространство, наполненное мыслями и чувствами не одного поколения литераторов, стало моим жизненным оплотом, моей надеждой. Я знала, что оно, однажды открывшись мне, стало и моим.

Декабрь 2015 г

Винные пробки

Памяти Алексея Вознесенского

Тёплые и солнечные дни резко сменила непогода. Порывы сильного северного ветра в клочья разрывали тяжело нависшие тучи. Вперемешку с дождём повалил снег. Хаос, творившийся за окном, навевал грусть. Я решила приободрить себя чашкой горячего чая и открыла дверцу кухонного шкафчика. Среди предметов чайной утвари я увидела небольшой прозрачный пакет, заполненный бутылочными пробками. Собирала я их когда-то не просто так. И на меня волной нахлынули воспоминания.

Ещё не став полноправным участником литературного объединения на Пречистенке, я не пропускала ни одного его концерта. Однажды прозвучало имя выступавшего: Алексей Вознесенский. «Говорящая фамилия», — подумала я. Она навевала определенный образ. Но, услышав стихи современного Вознесенского, я увидела другого поэта, поэта со своим неповторимым обаянием и манерой чтения. Его стихотворные строчки светились остротами, мягким юмором, всевозможными аллюзиями и искренней любовью к своему четвероногому другу-собаке. «Очень светлый и добрый человек», — промелькнуло у меня в голове, и, как всегда, мысль моя обернулась обобщением: наверное, неспроста люди такой силы внутреннего очарования наделены талантами. Всю дорогу до дома я почему-то улыбалась…

Позже я увидела Алексея в Центральном Доме литераторов. Здесь на творческом фестивале собрались многие писательские сообщества. Вознесенский представлял объединение при ЗИЛе.

Мы всё еще не были знакомы, но я, как и прежде, с удовольствием слушала и его стихи, и прекрасные отзывы о них.

Когда же я робким новичком влилась в состав писателей и поэтов Дома ученых, то к своему большому удивлению, обнаружила, что и опытный Алексей Вознесенский, держится очень скромно, будто начинающий автор. Он записывал все замечания в свой адрес и впоследствии вновь и вновь работал над стихами. Мне очень нравились его серьёзность и ответственность. Однажды по просьбе Людмилы Ивановны Колодяжной, уезжавшей к сыну в Америку, он провел занятие по теме «Рифмы». Весь стол, за которым он, как докладчик, расположился, был покрыт листками с текстом выступления, выдержками из рассуждений классиков, стихами, иллюстрирующими приводимые им примеры. Даже мне, прозаику, эта беседа показалась очень интересной и познавательной.

Вознесенскому везло на встречи, его неповторимое мироощущение влекло к нему людей таких же, как и он сам:

«…порой, таких, как мы, встречаем,
кто любит псов, простор и высь».

Его сдержанность и умение кратко излагать мысль подкупала своей простотой, искренностью и умением обыгрывать смысловые значения слов:

«Будь скуп, владея слова даром, —
Не стоит тратить слово даром».

Чёткое и ясное изложение своих раздумий на бумаге пришло к поэту из университета благодаря изучению точных наук, а вот умение изображать тончайшие нюансы в поведении как людей, так и братьев наших меньших — это уже врожденное.

Наши занятия по заведённой кем-то традиции обычно заканчивались в помещении ресторана или буфета, мирно соседствующих в Доме ученых. Во время чаепития или принятия более крепких напитков (ведь всегда существуют поводы отметить то или иное событие) мы лучше узнавали друг друга, теплее становились

наши отношения. На одной из таких посиделок Алексей рассказал, что увлекается рыбной ловлей, и ему всегда недостает бутылочных пробок для поплавков. Не знаю почему, но я это запомнила и решила помочь ему в этом вопросе. Меня тогда часто приглашали на вернисажи, на которых организовывались банкеты, и бутылок с вином там всегда было достаточно, так что я уходила с выставки не с пустыми руками, а с пробками.

А потом случилось непредвиденное. У Алексея ушла из жизни любимая собака. Я видела его поникшую фигуру и тоскливые глаза. Он продолжал писать стихи, но не было уже в них задора, того драйва, того юмора, который так и бил из каждой строчки. Если ранее он провозглашал:

«Поэт в России — как мессия,
Иль, как у Пушкина, — пророк.
Творец, придай поэтам силы
Вершить добро, язвить порок…
Пускай точнее и острее
Летит их меткая строка,
И жжёт глагол, и пламень греет
И твёрже будет их рука!»

Теперь рука самого Вознесенского дрогнула. Та самая рука, твёрдость которой придавали не только жизненный опыт, но и тяжелые горные породы прежних геологических экспедиций. А спустя непродолжительное время очень серьезно заболел и сам Алексей.

Мужество не покидало его, но коварная и беспощадная болезнь, в которую он до конца не верил, не отступала. Тот, последний в его жизни, концерт подтвердил это. Алексей уже с великим трудом передвигался и только благодаря сыновьям приехал в Дом учёных, где, превозмогая боль, выступил. Как же стойко он держался! Огромное уважение к нашему товарищу-поэту и одновременно острое сопереживание ему владело всеми теми, кто присутствовал тогда в читальном зале библиотеки. Было очень символично, что именно здесь, в окружении огромного количества книг, поэтических сборников авторов разных времен и народов состоялось прощальное выступление поэта.

Алексей Вознесенский не любил тратить слов понапрасну и часто останавливал себя, давая возможность высказаться другому, сам же сидел молча и слушал. Так и ушёл он от нас, не договорив. А ведь о многом ещё мог поведать, следуя завету:

«И с промыслом высшим в деяньях Творца,
В чём всем нам Он служит примером,
Дай, Бог, созидать и творить до конца
С любовью, Надеждой и Верой!»

Что остается от поэта в сердцах тех, кто знал его при жизни? Образ человека и бессмертные его поэтические строки.

А у меня кроме сборников с его стихами — небольшой пакет с нехитрыми приспособлениями для рыбалки, о которых он уже никогда не узнает.

апрель 2017

О песне «Русская женщина» Нины Позняковой

Как обычно, 9 Мая я принимала участие в шествии Бессмертного полка. Несла фотографии родного и двоюродного дедушек. Оба они связисты. Оба воевали. Родной дед оказался узником концлагеря в Германии, там и погиб. Двоюродный дед прошел всю войну и вернулся победителем. Две моих фотографии слились в едином строе с тысячами фотографий фронтовиков, принесших нам Победу. Во время шествия в репродукторах звучали песни о войне, и я подумала, что песня «Русская женщина», сочиненная Ниной Позняковой, была бы очень кстати. Песня о матери, вернее, о миллионах матерей, не дождавшихся с фронта своих кровиночек, своих сыновей, но верящих в их возвращение, потому что только эта непоколебимая вера помогала им жить дальше. Стихи Нины трогательные, берущие за душу своей искренней интонацией, то повествовательной, то вопросительной, но в том и другом случае тревожной и взволнованной. Простая, лишенная изысканности, музыка, также сочиненная Ниной, очень подходит этим

поэтическим строчкам. Прекрасно исполненная сыном автора она достойно может пополнить подборку современных песен на военную тему.

О творчестве Нины Позняковой

Наши чисто человеческие взаимоотношения с Ниной Позняковой, длящиеся уже не один год, дают мне право судить о ее творчестве не только с позиции литератора, но и друга. Хорошо зная, насколько она музыкальна, у меня сложилось убеждение, что стихи выходят из-под ее пера так же, как ноты у композитора. Диапазон ее поэтических направлений широк. Это лирика — интимная, пейзажная, гражданская. Она мастер в нахождении точной и оригинальной рифмы. Её поэзия, несущая свет и гармонию, наполнена смыслом и мудрым восприятием жизни.

Я разделяю её восхищение красотой раскрывающихся бутонов, её трогательное переживание за буйно плодоносящую многолетнюю яблоню, согнувшуюся почти до земли. Она ощущает пульс биения каждой былинки, каждого цветка, потому что разговаривает с ними. Оттого так прочувствованы ее стихи, посвящённые природе. Но, обладая тонкой душевной организацией, Нина Познякова не оторвана от реалий обыденной жизни. Умея увидеть горькую правду в межличностных отношениях людей, она старается понять мотивы их поведения, чтобы оправдать или посетовать на них. В любом случае ее строки продиктованы любовью и желанием добра тем, кому они посвящены.

Каждая ее творческая работа выверена той правдой, той мерой прожитого, выстраданного, продуманного, которой она искренне делится со своим читателем.

Автору удаются и прозаические работы. Сейчас трудно кого-то удивить сюжетом или идеей произведения, но история, которая положена в основу рассказа «Саша», переворачивает душу. Это противопоставление равнодушия отца маленького мальчика, вызвавшего горестное отчаяние малыша, рвущемуся наружу желанию окружающих во что бы то ни стало подарить ребёнку надежду. Эта вещь настолько пронзительно написана, что мне думается,

потенциал прозаика у литератора достаточно велик, и ей нужно продолжать создавать такие небольшие шедевры.

Очень хорошо зная французский язык, она уверенно переводит французских поэтов. Это и Аполлинер Гийом, и Сюлли Прюдом. К поэзии Прюдома у меня давняя любовь, многое из его творческого наследия я знаю, и считаю, что у Нины получился очень достойный перевод одного из лучших его стихотворений «Мольба».

Особо хочу отметить редкий дар Нины Позняковой — умение писать пародии. Иронизируя в своих сатирических строчках над тем, что режет её слух как филолога, а слух у неё, надо сказать, тончайший, она смешно и по-доброму обращает внимание на творческие огрехи своих коллег по перу.

Писатель и поэт, она выпустила две замечательные книги. Хочется верить, что выйдут в свет новые издания и стихов, и прозы. Лично я с нетерпением буду их ждать.

Инга Гланцева

Гланцева Инга Михайловна родилась в Ленинграде, окончила химический факультет Технологического Института имени Ленсовета и Институт Патентоведения. Работала в Институте органической химии имени Н. Д. Зелинского РАН. Опубликовала три сборника стихотворений. Есть публикации в австралийском журнале «Русская мозаика» и в литературных альманахах («Третье дыхание», альманахи ЛИТО ЦДУ РАН).

Нашему ЛИТО

О, как соскучился мой взгляд
По приютившей нас гостиной,
И память прежней той картины
Зовёт назад.

Библиотеки ширь, простор
Как будто нас разъединяет.
Когда же встретимся? кто знает?
Ковиду в спор…

Делились творчеством своим
И, с уважением друг к другу,
Читали новое по кругу.
Теперь грустим…

Лишь телефонный разговор
Нам заменяет радость встречи.
Банально, но ещё не вечер,
Хоть время — вор.

10.11.2020

* * *

Л. Н. Саницкой

В смоле застывшей, превратившейся в янтарь,
Себя увидели, как муху.
Но моему это мешает слуху,
Ведь Ваш лирический словарь
Сверкает драгоценным бриллиантом.
И музыкой, словами и без слов
Всегда природу воспевать готов.
И Бог Вас наградил талантом
Всё видеть, чувствовать и знать,
И описать в стихах всё это.
Бывает слово — предсказание поэта.
А мухам это не под стать.

19.10.2020

Ирина Ильина

Ильина (Михайлюк) Ирина Константиновна родилась и живёт в Москве. Инженер-экономист, работала в космической отрасли, затем преподавала экономику. Поэзия присутствует в её жизни с детства, но публикуется с 1997 года, с 1998 г. — член МГО СП России, литературного клуба СП «Московитянка», ЛИТО ЦДУ РАН. Вышли в свет 10 поэтических сборников, основная тематика которых — философская лирика, принимает участие и в коллективных печатных изданиях СП России. По приглашению с творческими визитами была в Грузии (дважды), в Украине, в Словакии, в Австрии. в настоящее время творческие вечера проходят в ЦДЛ, ЦДУ РАН и в библиотеках Москвы. Имеет литературные награды.

Юбилеи, юбилеи

Когда сливаются дороги,
Когда сбываются мечты

Наше прошлое… У каждого из нас оно своё, с воспоминаниями, радостями и огорчениями, а порою — и жёсткими проблемами, которые необходимо решать. Ещё громыхали разрывы первой мировой, задыхалась в затянувшемся гиблом сопротивлении Россия. Но свершилась революция, пришла новая власть, и народ жаждал каких-то изменений во имя облегчения своей участи. Это понимали и те, кто взял эту власть в свои руки. И такие меры принимались новой властью, изменения происходили, дабы привести общество в состояние творческого подъёма и уверенности в завтрашнем дне. Наиболее интересные и перспективные предложения, касающиеся научных разработок и практических мероприятий, поддерживались и воплощались по мере возможностей. Одним из таких реализованных мероприятий в те годы стала сформированная в 1922 году в Москве

комиссия ЦЕКУБУ. Она была образована согласно двум декретам Совета народных комиссаров от 10 ноября 1921 г. и 16 января 1922 г. Создание комиссии обосновывалось необходимостью обеспечить научным работникам формирующегося государства условия для плодотворной работы. По существу, речь шла о спасении научного потенциала страны. Были взяты на учет и распределены по разрядам научные сотрудники. Главное внимание обращалось на улучшение финансового положения ученых, их снабжение продовольствием, что было очень важно в условиях повсеместного голода. Уделялось внимание жилищным условиям, лечению и отдыху деятелей науки и техники, а также представителям культурного фонда страны, что также было немаловажным фактором зарождающегося нового общества. В ряду этих важных в жизни научного сообщества шагов и следует особо отметить важность принятия решения об открытии в Москве в 1922 году Дома ученых. Выбранное для него место было поистине академическим. Здесь в близком соседстве уже находились гуманитарные факультеты Московского университета, Российская академия художеств, Высшие женские курсы, клиники на Пироговской и Калужской улицах, Педагогический институт и многие другие учебные и научные учреждения, а также ряд музеев. Все эти мероприятия способствовали поддержанию сил и энергии научных ресурсов в условиях голодных лет последовавшей гражданской войны и обнищания народных масс. Постепенно такие меры давали свои результаты, укреплялись союз и взаимопомощь развивающихся направлений науки и техники, культурных и творческих связей. Страна постепенно набиралась сил, крепла, духовно богатела и физически совершенствовалась. Делались новые открытия, прорабатывались различные гипотезы, воплощались в жизнь практические разработки.

Но наступил 1941, и снова грянула война, ещё более беспощадная и длительная. И ценой нечеловеческих жертв и усилий страна её выиграла, разгромив фашистские орды и очистив и землю, и души от злобной и жадной погани. Началось восстановление разрушенного хозяйства, формирование новых задач. Перед обществом вставали яркие перспективы с уже более сложными условиями.

Так было и в нашей семье в те годы: родители решали свои, взрослые задачи, а мы с сестрой постигали школьные азы, весело перебираясь из класса в класс. Но в какой- то момент ситуация вдруг резко изменилась. Мама, работавшая тогда главным технологом одного из проектных институтов Москвы, неожиданно, но основательно попадает в клинику — сдаёт измотанное войной и сибирской рабочей эвакуацией сердце и врачи выносят жёсткий вердикт — ответственную работу оставить, просто забыть о ней и перейти на другой режим существования. Но разве могла бы мама, привыкшая руководить мужчинами, в основном, и возглавлявшая огромный участок работ, смириться с такой перспективой в свои-то годы? И начинаются мучительные поиски новой жизни и себя в ней. Так случилось, что они приводят маму сначала к активной помощи деду, её отцу, который тогда был со своими двумя высшими назначен директором восстанавливавшегося мемориального комплекса Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом и одновременно директором только создававшегося музея А. П. Чехова в Мелихово. И получилось так, что неожиданно и там, и там в отсутствии других кандидатур очень пригодились мамины задатки умелого чертёжника, рисовальщика и организатора. А через некоторое время она уже всерьёз увлеклась живописью и легко восстановила, казалось бы, забытые навыки рисования, полученные ещё в молодости в художественном училище.

И вот она уже становится участником сначала московских, затем республиканских, а дальше и всесоюзных художественных выставок, как действующий член Союза художников СССР. Многое в её судьбе решила и случайная встреча, и затем -незабываемые уроки у лучшего акварелиста современности — Артура Владимировича Фонвизина, ученицей которого она становится. Сам же Артур Владимирович в это время жил очень скромно, выставлялся редко и частенько скудным обедом прекрасного художника были лишь стакан молока и кусок хлеба. Постепенно время идёт, работы же Евгении Петровны Ванаг уже появляются в частных коллекциях за рубежом и на выставках в московских научных институтах Академии наук, привлекая внимание учёных и деятелей культуры. Тогда появилась такая мода в научных кругах — устраивать в своих «пределах» закрытые для посторонних

посетителей выставки полюбившихся талантов. Работы Евгении Петровны уже заняли к этому времени своё место в запасниках Третьяковки в Москве и Русского музея в Питере. В период с 1972 по 1983 гг. проходит серия её персональных выставок в различных НИИ Академии Наук СССР в Москве. К этому времени уже появились и портреты некоторых известных учёных, деятелей культуры и спорта, выполненные Евгенией Петровной в непосредственном сеансном общении с моделями. Эти работы вызывают живой интерес и одобрение у любителей живописи. В результате, как следствие, руководство Центрального Дома Учёных приглашает уже известного художника — графика Евгению Петровну ВАНАГ в торжественные дни празднования 50-летнего юбилея Центрального Дома Учёных Академии наук в Москве украсить своей персональной выставкой фойе главного Концертного зала ЦДУ. Поскольку мама была лично знакома и даже дружна с семьёй физика — академика Льва Ландау, его женой Корой и их сыном, а также с физиком — академиком Петром Капицей, то среди выставленных работ, конечно, присутствовали и акварельные портреты этих талантливых физиков — Нобелевских лауреатов. Кроме того, были представлены портреты супруги Л. Ландау — Коры Ландау, а также Героя Социалистического Труда строителя А. Копелева — первого директора 1 домостроительного комбината в Москве, 14-кратной чемпионки СССР по теннису Е. Чувыриной, старого большевика О. Волкова, и многих других деятелей науки, культуры, спорта. Кроме этого, художницей были предложены вниманию зрителей великолепные акварельные этюды — цветы, натюрморты, стекло, пейзажи. Евгения Ванаг, освоив и увлекшись фонвизинской техникой акварели, его умением «сделать простое таинственным», а порой и наоборот, при этом ищет свою манеру письма, вдохновенно и дерзко проникая в глубины неизведанного. Так и учёный открывает новые законы в глубинах мироздания, порой подчиняясь непонятной, но влекущей интуиции и смело выстраивая свои предположения. Художница же уделяет больше внимания рисунку, ее палитра становится многообразнее и сочнее.

Приходит нужное богатство фактуры, мягкость цветовых переходов, пронзительная лёгкость. Безупречное чувство цвета,

наполнение поэтикой при наличии блестящей техники — всё это характерно для работ Евгении Ванаг.

Ее акварели можно приравнять к стихотворным импровизациям — в них есть и фантастическая сказка, и легкая грусть, и добрый сарказм.

Из моих же комментариев (поэтессы Ирины Ильиной) о работах Евгении Петровны Ванаг, моей мамы, могу сказать следующее: «Иногда перед натюрмортом ли, портретом ли, замираешь от восторга, от душевного трепета, хотя там, кажется, и целый план не проработан, заброшен, недосказан, загадка какая-то… Но она захватывает так, что вызывает целый шлейф мыслей, воспоминаний, переживаний, и хочется смотреть, смотреть на эту работу, потому что душа отвечает этому поэтическому настроению, этой невозможности, этому непонятно откуда родившемуся восторгу и принятию того, что перед глазами. Кажется, что создать такое намеренно — невозможно». Таковы акварели Евгении Ванаг.

Портреты, создаваемые Евгенией Петровной, отражают человека в его лучших проявлениях. И это не от её желания идеализировать, а от свойств самого оптимистического дарования художника, его взгляда на совершенное творение, полотно, в котором соответствуют и исполнение, и видение автора.

Известные акварельные портреты близких друзей художницы — Льва и Коры Ландау, написанные в разное время, в разных жизненных обстоятельствах, но одинаково проникновенно, трогательно, с ноткой загадочности, близки ей по духу. Ведь и сами эти герои были такими — сложными, непредсказуемыми, но очень глубокими и интересными жизнелюбами. В годы их юности, например, Ландау так комментировал моей маме своё мучительное неумение кататься на коньках: «Вы поймите, просто у всех людей — телосложение, а у меня — теловычитание». Мама хохотала в ответ, но все её попытки помочь приятелю не приносили результата.

Академик Капица Петр Леонидович — собранный, серьёзный, влиятельный учёный, внимательный взгляд голубых глаз. Это создаёт пронзительное ощущение человека, что-то определённо знающего, но не желающего делиться тайной. Акварельные краски цвета морской волны усиливают портрет, придают ему

какую-то непостижимую загадочность — за спиной учёного нам видится безграничная вселенная.

Художнице удалось передать в портретах внутренние чувства, благородный нрав, сильный характер и большое достоинство, которые удивительным образом она смогла сочетать с уникальным и мощным эстетическим качеством.

В натюрмортах Евгении Петровны есть те качества, которые мы отмечаем, говоря о портретах,— расширение рамок определённого жанра. Задача трудная — ведь акварель всегда была камерной в своём звучании. Тем более, натюрморт с цветами.

У её живописи есть много общего с цветами, с их праздничностью. Она пишет цветы с огромной непринуждённостью; для неё они — одухотворённые символы жизни, богатства её проявления. Творческий процесс, особенно в работе над натюрмортом, начинается задолго до того, как проведена первая линия. Акварельное пятно становится особенно ёмким. В нём передаётся и игра света и тени, и пространство, и создаваемая цветом среда.

Работы Евгении Петровны Ванаг привлекают особой душевной чистотой. Её натюрморты обладают трепетом и внутренним преклонением перед божественной красотой и совершенством мира, природы, и страстным желанием остановить мгновения и запечатлеть, и сохранить в душе и на бумаге эту недолговечную и трогательную красоту. Смотря на две каллы в витиеватых дутых бутылках-сосудах, уже начинаешь придумывать о них сказку и распределять роли на семейном спектакле. Волшебные мгновения воплощения желаний и полёта души рождаются при взгляде на акварели Евгении Ванаг.

Но особое внимание хочется обратить на работы Евгении Петровны с водой и стеклом, на её «стеклянную акварель». Что может быть проще — расставь предметы — стеклянные сосуды, вазы, бокалы, задрапируй, налей воды, направь луч света, и пиши — но как это сделать с помощью акварельных красок — Евгения Ванаг не ограничивается определённой палитрой, она пишет фантастическую картину. Всё может быть и красным, и желтым, и зелёным, иными словами — любым, каким увидит его воображение художника.

За время работы этой юбилейной для ЦДУ выставки посетители, ценители акварельного искусства, оставили многочисленные отзывы в находившейся здесь же Книге отзывов с благодарностью за доставленное удовольствие, рождающее восторг и восхищение перед красотой нашего божественного мира и пожеланиями дальнейших творческих успехов автору и организаторам выставки. И долго потом в различных кулуарах, демонстрационных и выставочных залах вспоминались и обсуждались впечатления от этой юбилейной выставки. Так на глазах почтенной публики — участников торжественного заседания юбилейной 50-той годовщины ЦДУ РАН происходило живое слияние творческих потоков научной и художественной парадигм, способствующих зарождению новых, ещё не выстроившихся взглядов и утверждений. Я же присутствовала на этом торжестве в качестве советчика и помощника по развеске и размещению и работ, и гостей. И это было моим первым и очень ярким знакомством с этим прекрасным теплым домом, его духом и его вдохновенными современными обитателями. К счастью, наше знакомство продолжается и поныне. Но отмечавшийся на днях уже 100-летний юбилей ЦДУ РАН был встречен мною, представителем следующего поколения, теперь уже в несколько другой роли — поэта, писателя, члена Союза Писателей России, автора многочисленных поэтических сборников и навсегда влюблённого в этот загадочный, непредсказуемый, таинственный творческий симбиоз нашего мира человека.

2022

Галина Колобова

Колобова Галина Александровна — поэт, инженер. Родилась и выросла в Ленинграде. Любовь к поэзии привила мама — педагог по образованию и призванию. Первые стихи были написаны в семь лет. С 1980 года живет в Подмосковье, в г. Балашиха. В 2004 году в издательстве «Линор» вышла книга стихов «Год любви», в 2011 году — книга «Осенняя мозаика». Печаталась в газетах и журналах, таких, как «Родники», «Вокруг смеха», «Юность», «Голос Армении», «Витражи». Член Литературного объединения Центрального Дома учёных РАН. Член Союза писателей XXI века.

Две улицы

До чего же хороша улица Остоженка!
Её древняя душа под присмотром Боженьки.
Её тихие дворы в трещинах истории.
Но уж новые миры правят территорией.

А Пречистенка светла своим местожительством.
Матерь Божия взяла над ней покровительство.
Здесь усадьбы и дворцы с памятью обвенчаны.
Жили графы и купцы, и блистали женщины.

Дочек выводили в свет на балы роскошные,
Вспоминали дни побед и заслуги прошлые.
И гуляли вечерами дамы с кавалерами
В переулках меж домами с внутренними скверами.

У Пречистенских ворот улицы встречаются.
Площадь Знатная живёт, Храмом освещается.
И горит, горит свеча в Золотой обители.
Улицы, как два луча от Христа Спасителя.

Маргарита Новикова

Новикова Маргарита Георгиевна — член ЛИТО Дома учёных РАН с 2014 года. Закончила МГПИИЯ имени Мориса Тореза. Преподавала в РГГУ и в МГУ имени Ломоносова. Участник коллективных сборников и альманахов ЛИТО Дома учёных, «Истоки», «Образ и Мысль», «Царское Село». Автор сборника стихов «Тайный Сад».

Храм мечты
(о творчестве Натальи Божор)

У каждого поэта есть свои ключевые слова — свой код. У Мандельштама это слово «ночь»; цвет — чёрный. Иногда это даже определяет судьбу автора.

У Натальи Божор такими словами являются «зелёный», «голубой», «звезда». Прочитав её первую книгу, я написала ей Посвящение:

«Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовётся».
Твоё же слово — благодать.
Дождём любви оно прольётся.

Дождём надежды — голубым,
Дождём зелёным — доброты.
Ведь между горним и земным
Свой Храм мечты воздвигла ты!

Иногда кажется, что стихотворения Натальи Божор не имеют сюжета. Но писал же Осип Мандельштам: «Не требуйте от поэта сугубой вещности, конкретности… К чему осязать перстами? Роль поэта — дать жизнь слову».

Характерная черта поэзии Натальи Божор — повторяемость слов. Это придаёт стихотворению завершённость. При чтении стихотворений возникает ощущение музыки, льющейся с небес.

Творчество Натальи Божор проникнуто любовью ко всему живому, добротой и надеждой.

ПОСВЯЩЕНИЯ КОЛЛЕГАМ ПО ПЕРУ

Волшебный напиток

И. Ильиной, Л. Саницкой,
Т. Скориковой

Вот кубок колдовского зелья —
Один глоток и — обретёшь везенье
Поэта — звонкою строкою
Пронзает сердце, как стрелою.

Молю! Мне дай ещё попытку!
Позволь вкусить волшебного напитка!
И я придам упругость строчке,
Прозрачность — смыслу, слову — оболочку.

Пополнить часослов молитвой...
Найти мне краски из какой палитры?
Да, труд! Но каково блаженство!
И творчеству наградой — совершенство!

О, друг поэт, дай мне вкусить
Волшебного питья!

Стихи живут

«Стихи живут, как небо и листва»
(Б. Чичибабин)

Стихи живут, как небо и листва,
Как щебет птиц, ручья наивный лепет,
Любви земной несмелые слова,
Как шелест волн, морского флага трепет.

Мороз цветы рисует на окне —
Причудливую вязь зимы творенья.
На хрупкий лёд в стеклянной тишине
То выдохнул поэт стихотворенье.

Осколки дня сложились в витражи —
Закатом пламенеют за рекою,
И чертят небо крыльями стрижи —
Ложится след вечернею строкою.

Стихи живут, как солнце и трава.
Их плоть витает в воздухе незримо.
Послушные гармонии слова
Ложатся на страницу молчаливо.

Вера Павлова

Павлова Вера Алексеевна родилась в городе Днепропетровске. В 1959 году окончила радиофизический факультет Харьковского государственного университета. Работала инженером, затем старшим инженером в ОКБ, занимаясь разработкой радиолокационных систем. Большую часть жизни посвятила преподавательской работе. Преподавала в вузах Москвы (МИРЭА, ВЗИИТ, МАТИ) электронику и микроэлектронику. Доцент, кандидат технических наук. Стихи и прозу начала писать в зрелом возрасте. Печаталась в коллективных поэтических сборниках «Третье дыхание», «Пересечение слов и судеб», «Славянские встречи», «Вместе — к Победе», в сборниках ЛИТО ЦДУ РАН, в газете «Московский литератор». Имеет музыкальное образование, более 20 лет занимается благотворительной концертной деятельностью.

Я всей душой с ЛИТО и ЦДУ

«А годы летят, наши годы, как
птицы летят,
И некогда нам оглянуться назад».
(Евгений Долматовский)

«Живут во мне воспоминания,
Живут во сне и наяву.
Они — тепло моё весеннее,
Моя мечта, моё везение,
Моя надежда и спасение,
Пока я помню — я живу!»
(Роберт Рождественский)

Как будто вихрь пронёсся над моей раскрытой книгой жизни, перелистывая её страницы — годы. Две тысячи двадцать второй год. В этом году мы отмечаем юбилей — 100-летие Центрального Дома Учёных, в лоне которого уже более шестидесяти

лет существует наше родное ЛИТО (литературное объединение). А Дом Учёных и ЛИТО очень дороги мне, так как подарили много радостных дней.

Недавно по дороге в ЛИТО, в голове пронеслась мысль, а не зайти ли мне в орготдел и не спросить ли с какого года я член Дома Учёных. Никогда не вела дневники и всегда себя ругала за это.

Захожу в орготдел, вижу новые лица, но довольно приветливые:

— Скажите, пожалуйста, а не могли бы вы сказать мне, с какого года я состою членом Дома Учёных?

— Сейчас посмотрим. С тысяча девятьсот восьмидесятого года. Да это прошло 42 года!

Вы же ветеран Дома Учёных!

В глазах сотрудников орготдела удивление и восторг.

Я стою и не пойму радоваться мне или грустить.

Иду по коридору, а перед моим внутренним взором возникают цифры — 100, 60, 42 — 42, 60, 100.

100 лет Дому Учёных, 60 лет ЛИТО, 42 года как я член Дома Учёных.

И я понимаю, что цифры-то соизмеримы.

Поднялась на второй этаж. Передо мной анфилада исторических залов Дома Учёных. И тут уже пошли воспоминания в виде кинокартин.

Члены Дома Учёных встречают Новый год. Какой же это год?

Перед глазами всплывает картина. В среднем зале второго этажа изысканно накрыт праздничный стол, за которым сидят нарядно одетые люди. Во главе стола стоит мой муж и произносит новогодний тост.

Его выбрали тамадой, и он с этим справился блестяще, так как ещё в студенческие годы был бессменным тамадой на всех праздничных мероприятиях. На шее у него красуется огромный муляж шикарного петуха. Так вот какой это год! Год петуха! Скорее в интернет. Сейчас же интернет есть! Это был 1981 год!

Обстановка непринуждённая. Танцы в Овальном зале, игры, лотерея. Главное, что было весело, радостно. Все счастливы.

Это был мой первый год членства в Доме Учёных. И было это 42 года назад.

Сколько же радостных событий произошло за это время. Сколько же изумительных людей я встретила.

И только в стенах нашего замечательного Дома Учёных мог возникнуть такой сплоченный коллектив талантливых людей ЛИТО, под руководством прекрасных организаторов — кандидата филологических наук, поэта Колодяжной Людмилы Ивановны, секретаря — кандидата химических наук, поэта — Ткачевской Елены Петровны и её помощника — талантливого прозаика Галины Гашуниной.

В нашем ЛИТО царит Любовь, Уважение и Взаимопомощь. А это редкое качество любого объединения. Низкий поклон коллективу ЛИТО и коллективу Центрального Дома Учёных, возглавляемому замечательным человеком академиком, профессором Шкаровским Виктором Степановичем, который сохранил для нас Дом Учёных и всегда рядом с нами и в беде и в радости. Спасибо Вам всем!

Людмила Плиско

Плиско Людмила Фёдоровна — кандидат химических наук, преподаватель Московского Медицинского Университета, член ЛИТО Центрального Дома Учёных РАН с 1997 года. Её научные интересы — область биофизики, её увлечения — путешествия по миру. Её стихи — это её представления о мире, о жизни, о себе. Опубликовано несколько сборников стихов и хроники семьи. Людмила Плиско — член Союза писателей России. Имеет литературные награды.

ЛИТО ЦДУ РАН

(Конспект выступления на концерте 18. 05. 22 «ЛИТО! Как много в этом звуке…»)

Это мои воспоминания об исторических заседаниях ЛИТО ЦДУ.

Я пришла в Литературное объединение Дома Учёных осенью 1997 года. Руководителем ЛИТО был Всеволод Юрьевич Троицкий, литературовед, публицист, доктор филологии и профессор, человек чести, так я о нем прочитала недавно. Заслуженный Деятель науки Российской Федерации. В. Ю. Исследователь творчества Н. С. Лескова, Написал монографии о его творчестве: «Н. С. Лесков. Начало пути» и «Лесков — художник».

Кроме этих трудов его всегда волновало образование в России и пути русской школы. Многие его статьи о русской школе широко обсуждаются.

Мой приход в ЛИТО был отмечен изданным в 1997 году небольшим сборником моих стихов. Мне предложили прочитать несколько стихотворений и были назначены рецензенты: Вера Петровна Николаева, к. филол. н., автор поэтических сборников «Земной След» и «У Зеркала», и Наталья Ильинична Арбузова,

автор книги «Пока Дают Сказать», член Союза Писателей России. Им обеим вечная наша память.

В подробном разборе моих стихов Вера Петровна высказала много полезных замечаний. Всеволод Юрьевич пожелал мне писать, писать, хотя у него тоже были серьёзные замечания.

Очередное занятие ЛИТО, было посвящено поэтическому разбору стихотворений и других авторов. Высказались некоторые участники, отметив: образность стихов этого автора. Виген Оганян отметил, что «человеческие души можно узнать по ответу на удар струны» и что это так отреагировала на осень её душа.

И тут вступил в обсуждение Всеволод Юрьевич (В. Ю.):

«Искренность, ранимость заставила всех хвалить эти стихи, автор вызывает сочувствие, симпатию и это не даёт рассуждать о стихах со стороны. Эта поэзия замкнута на автора и становится несколько неудобно… Это и достоинство, и недостаток. Стихи, которые обращены к миру, они более ценны. А это и личное, и сокровенное, то, что не может быть искусством, в них хрупкость и незащищённость. Не о форме стиха, а о человеке стали говорить. Очень личная условность, а бывает поэтическая условность, психологическая условность. Это должно быть поэтически выверено, поэтически точно. Многие слова повторяются, слово должно работать на настроение, но эти слова размывают смысл, нужен точно выверенный поэтический образ (а тут невнятный, непостижимый). Эти стихи — исповедь. Поэт не должен выворачивать душу, а только приоткрывать. Поэтической отстранённости не хватает».

В. Ю. — большой знаток поэзии, читает строки Тютчева:

«Нет веры вымыслам чудесным
Рассудок всё опустошил…»

И продолжает читать стихи А. Пушкина:

«Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв…»

Дальше Всеволод Юрьевич говорил уже о стихе: я чувствую, когда смещаются слова, когда скрипит рифма. Если я плохо знаю поэзию, мне трудно говорить, что я литератор. Это включает трепетное отношение к слову. Непонятность слова не делает его художественным и оригинальным. Это не образ, а цепочка ассоциаций, и значит вы можете поэтически мыслить, это говорит о способности, но и о недостатке опыта…

Например, Старец из Оптиной Пустыни говорил:

«Где просто, там ангелов со ста,
А где мудрено, там ни одного.»

В. Ю. говорит об искусстве и об искусственности:

«Там, где искусство, там хорошо, а там, где искусственность, там плохо

Человек видит слова, настроения, а образ не ощущает и образ не рождается.»

Я сейчас говорю о нескольких наших заседаниях, в одном из них В. Ю. стал говорить о Маяковском, о Вознесенском, что стихотворная поэтическая культура не востребована: «Чтобы словосочетание имело художественный смысл, оно должно иметь художественную логику. Личность — налицо, Мысли — налицо и это должно соотноситься с всеобщим опытом. Прикидка на человека, который слушает, от нечёткой логики. Нужно направить смысл к чёткой логике и все смыслы направить к миру.

Маяковский был оригиналом, но он знал Евгения Онегина, мог читать много наизусть к миру, но Маяковский чрезвычайно снизил уровень нашей поэзии.

Всякое разрушение и всякое нарушение, если оно основано на знании и понимании поэзии (Пушкина, например), понимании настоящей культуры с глубоким ощущением мира — это одно. И Пушкин, и Лермонтов стояли очень прочно на представлении традиций. А если я должен догадываться о смысле того, что хочет автор, а почему я должен догадываться? То есть я должен приблизиться, а я не могу.»

В. Ю. читает Тютчева, строки из стихотворения «Фонтан»:

«Как жадно к небу рвёшься ты!
Но длань незримо роковая
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.»

Хочу, чтобы меня двинуло к жизни, а я упираюсь.
У Баратынского много «соприродного» не по форме, а по смыслу.
В. Ю. читает строчки Евгения Баратынского «Признание»:

«Притворной нежности не требуй от меня
Я сердца моего не скрою хлад печальный…»,

— и дальше —

«Не властны мы в самих себе
И, в молодые наши леты
Даём поспешные обеты
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.»

В стихотворении должно быть «точно выраженное ощущение мира», не ставить свою поэзию преградой на пути к миру.

В. Ю. вспомнил о Юлии Киме, с которым он учился вместе, его Монолог Шута о мыслях:

«Велик Господь: он создал плоть
С руками и ногами,
Но к ней, чудак, прибил чердак
И начинил мозгами.
Будь ты учён иль не учён,
В раю или в аду будь,
Ты человек: ты обречён
Всё думать, думать, думать…

Спасибо Всеволоду Юрьевичу Троицкому, что он говорил на языке великой русской поэзии и направлял, и напоминал, что и в поэзии нужно думать, думать, думать…

ПОСВЯЩЕНИЯ УЧАСТНИКАМ ЛИТО

* * *

На стихи Натальи Божор

Мир откликается нам голосом России,
Над дугой колокольчиком зимним,
И блеском ручья золотым и синим,
И перелеском светлым и белым,
И полем овсов жёлтым и спелым,
И яблоком круглым и сочным,
И родником холодным и чистым, источник
И пламенем свечи догоревшим и чёрным,
Струйкой дыма в ночи утончённой.
Подари мне рассвет горный и слёзный,
Мы прощаемся с ночью жаркой и звёздной.

9. 02. 2014

* * *

Людмиле Колодяжной

«Диалог с Гаем Валерием Катуллом.
Живя, как он, без устали готовя,
Табличек воск,
Со слов сдувая пыль…»
(Людмила Колодяжная)

Летают Ангелы
Над чистыми страницами
И буквы рассыпают на лету,
А ты спешишь скорее наклониться,
Чтоб подобрать и встроить их в строку.
И в эти строки, птиц вплетая перья,
Им Ангел лишь уступит высоту,

В святом полёте к вечности —
В преддверии,
Слов горсти разбирая на лету.
Проходят дни,
Страницы отлетают.
Строка строку по звуку узнаёт,
То Гай Катулл
Папирус зачищает,
А то Людмила
Пыль со слов смахнёт

* * *

Инге Гланцевой

Литературно-музыкальный вечер
«Какие наши годы», 21.02.2020

Судьба моей страны — моя судьба.
И горести, и радости, вестимо,
И смех, и плач, улыбка и мольба,
И всё, что было, не проходит мимо.
(Инга Гланцева)

Пишет, как дышит, легко и свободно,
Всё, что случилось вчера и сегодня.

Всё о своих, дорогих и любимых
О детстве, прекрасном, неуловимом.

И о любимом своём Ленинграде
Широкой Неве и державной ограде.

О сёлах и весях, о море и горе,
О том, что душа хочет жить на просторе.

И как поживает страна и земля,
Бесхозные избы, пустые поля.

И русский язык, что ей дарит слова,
И эти стихи её слышит Москва.

1.02.2020

* * *

Инге Гланцевой

Литературно-музыкальный вечер
«Какие наши годы», 21.02.2020

Я говорю тебе, спасибо,
Коллега Инга, не сплеча,
Пусть рассыпает искры книга,
Твоя «Пока горит свеча…»
И это светлое горенье
Так подарило много мне.
Такое грустное прозренье:
Быть ближе к дружбе и к родне.
Я рассыпаюсь, я летаю,
Я много охватить хочу,
И многое не замечаю,
Не догоняю, но лечу.
Твои поклоны папе, маме
И письма брату и друзьям
Звучат в жемчужно-грустной гамме —
Родные заглянули к нам.
И мне печально закивали,
И незабвенные стоят:
Не улетай в немые дали
Вернись назад, вернись назад!

* * *

Ларисе Адлиной

Триолеты, Триолеты —
Птица-тройка в санный путь,
А шальные Триолеты
Рвутся в небо упорхнуть.

Там под радугой глазастой
Без ветрил и без границ
Отпустить в полёт за счастьем
Поднебесных колесниц.

Сверху все прозрачны дали
Вновь зовут на край земли,
Здесь узнать, что не узнали,
И найти, что не нашли.

10.02.2020

* * *

Лене Ткачевской

«Бредут берёзы в жёлтых капюшонах,
Бросает лес осенний конфетти,
Горят наряды на роскошных клёнах
Так ярко, сочно — глаз не отвести»
(Елена Ткачевская)

Берёзы в жёлтых капюшонах
Мне так о многом говорят.
Я в восхищенье — капюшоны
Скрывают что-то и таят.

Берёзы в золотых коронах,
Как Левитан их рисовал,
Сверкают золотом на кронах —
В них всё открыто напоказ.
И капюшоны, вот ей-ей,
Моих берёз милей, милей.

* * *

Вигену Оганяну

У Книги Года есть глава — Весны начало.
Уж у порога ждёт Парад Весны.
В весеннем воздухе приветствие звучало.

А Вы мечтатель?
Вы романтик?
Могли бы Вы в единый шаг
Отправиться с палаткой в Альпы
Или на горный Карадаг?
Мне Карадаг ночами снится
В его изломах жив огонь.
Нет не потух он, он дымится
Энергиями тайных зон.
И если полночью безлунной
Взглянуть с Разбойничьей скалы
Под козырёк её фортуны
Увидишь — теплятся миры

ЛИТО

В гостиной смотрят со стены портреты,
Их голосом заговорили строки,
Мы слушаем, и в этот миг согреты,
Зал замер, здесь поэтов бродят токи

На языке славянском, чисто-русском,
Здесь произносятся певучие слова
Слова слагаются загадочным рисунком
И разрастаются в солидные тома

Ведь Слово это свет и дар эфира,
Когда звучат в эфире голоса,
И пение поддерживает лира
Стихи поются арию творя.

И сколько ещё будет арий спето,
Да и стихов написано не зря.
Мы все желаем многая нам лета
ЛИТО — литературная семья.

15.02.2020

Фантики

Вспоминается, когда мы были детками,
И проходила ёлок мишура,
Тогда мы собирали дань конфетками,
И начиналась чудная игра.

Сложив конвертиком конфетные обёртки:
«Цитрон», «Ромашка», «Ну-ка отними»,
И «Каракум», и «Белочка», «Батончик»,
А полем были подоконники, скамьи

Ты фантик на ладошке положил,
За край отбил, он с точностью направлен,
И если он другой теперь накрыл,
Твой это фант уже, и ты его хозяин.

И эти фантики, как важные доспехи,
Копили, сохраняли, берегли,
И это ведь не просто для потехи,
Был то, представьте, рыцарский турнир.

Мы всё любили это, увлекались
Как мы заядло спорили, порой,
А взрослые так по игре скучали,
До слёз мечтали, наблюдая за игрой.

13.02.2020

Игра «12 ПАЛОЧЕК»

Собрали и нашли 12 палочек,
Дощечку положили на кирпич,
И прочитали нужную считалочку,
Остался, вот ты водишь, это ты!

Рассыпались ребята, разбежались
И спрятались, не видно никого,
А ты ищи их, только опасайся,
Ведь, если выскочит, то кучку разобьёт

Ты снова соберёшь, на край положишь,
А кто-то выскочил отчаянно разбил.
И вот опять ты вновь по кругу ходишь.
Ищи и карауль, не упусти!

Но вот сверкнула светлая панамка,
Узнал тебя я, ну-ка выходи!
Освобождаешься, а тот тебя заменит,
Тот, кто не высидел в тиши.

14.02.2020

Из записных книжек Людмилы Плиско. Воспоминания об исторических заседаниях ЛИТО

Я пришла в Литературное объединение Дома Учёных в 1997 году. Руководителем ЛИТО был Всеволод Юрьевич Троицкий, литературовед, публицист, доктор филологии и профессор, Заслуженный Деятель науки Российской Федерации.

Мой приход в ЛИТО был отмечен изданным в 1997 году сборником моих стихотворений под названием «ANTE LUSET», что я называла как «Перед рассветом». Мне предложили прочитать несколько стихотворений и были назначены рецензенты: Вера Петровна Николаева, к. филол. н., автор поэтических сборников «Земной След», и «У Зеркала», и Наталья Ильинична Арбузова, автор книги «Пока Дают Сказать», член Союза Писателей России. В подробном разборе моих стихов Вера Ивановна высказала много полезных замечаний. Всеволод Юрьевич пожелал мне писать, писать, хотя у него тоже были замечания.

*

В 2001 году, 9 февраля состоялся ОТЧЁТНЫЙ КОНЦЕРТ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ДОМА УЧЁНЫХ.

Руководитель ЛИТО — д. филологических наук В. Ю. Троицкий. Концерт состоялся в Голубом зале ЦДУ, участники: В. Николаева, В. Оганян, Н. Мишина, Е. Шестакова, Л. Колодяжная и Л. Плиско с выступлением в виде Диалога в стихах. После Музыкальной паузы: Р. Захребеткова, Д. Власов, А. Потапов, Н. Арбузова, Н. Максимова. В вечере принимал участие пианист И. И. Жуков.

*

Очередное занятие ЛИТО, состоявшееся 31.10.2002 год, а было посвящено поэтическому разбору стихотворений Л. Н. Саницкой. Высказались некоторые участники, отметив: образность её стихов, (образы — приоритеты Л. Н.), Виген Оганян отметил, что «человеческие души можно узнать по ответу на удар струны» и что отреагировала на осень её душа, была разделённость чувств — и утеряна — потерянный рай.

И тут вступил в обсуждение Всеволод Юрьевич:

«Искренность, ранимость заставила всех хвалить стихи, она вызывает сочувствие, симпатию и не даёт рассуждать о стихах со стороны. Эта поэзия замкнута на автора и становится несколько неудобно… Это и достоинство, и недостаток. Стихи, которые обращены к миру, они более ценны. А это и личное, и сокровенное, то, что не может быть искусством, хрупкость и незащищённость. Не о форме стиха, а о человеке стали говорить. Когда стихи связаны с предметными картинами, они не становятся предметным обсуждением. Очень личная условность, а бывает поэтическая условность, психологическая условность. Это должно быть поэтически выверено, поэтически точно. Я строю его все равно, а на самом деле вопреки. Многие слова повторяются, слово должно работать на настроение, но они размывают смысл, точно выверенный поэтический образ (а тут невнятный, непостижимый). Эти стихи — исповедь. Поэт не должен выворачивать душу, а только приоткрывать. Поэтической отстранённости не хватает.»

В. Ю. читает строки Тютчева:

«Нет веры вымыслам чудесным
Рассудок всё опустошил…»

И продолжает читать стихи А. Пушкина:

«Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.»

Корысть противоположна милости и любви. Писарев трагически переживал свой атеизм: «Мама спаси меня, я перестал верить» — писал он в письме к матери».

*

В декабре, 5 числа, 2002 года состоялось заседание ЛИТО, в начале которого было сделано объявление о дате рождения Джима Моррисона (8.12.1943–3.07.1971), прожившего всего 27 лет, но оставившего заметный след своим творчеством. Моррисон создал направление в рок-музыке, образовал группу «The Doors». Он сам имел чарующий голос. Сам он называл себя: «Я король ящериц». Прозвучали стихотворные строки из его поэмы «Боги»:

«И бессонниц слепые слепки
Где не ходит иная почта
Кроме снов…
Мир так тесен и непонятен.»

Всеволод Юрьевич сказал: «Я чувствую, когда смещаются слова, когда скрипит рифма. Если я плохо знаю поэзию, мне трудно говорить, что я литератор. Это трепетное отношение к слову. Непонятность слова не делает его художественным и оригинальным. Это не образ, а цепочка ассоциаций, и значит вы можете поэтически мыслить. Маяковский был оригиналом, но он знал Евгения Онегина, мог читать наизусть к миру, но Маяковский чрезвычайно снизил уровень нашей поэзии.

Всякое разрушение и всякое нарушение, если оно основано на знании и понимании поэзии (Пушкина), понимании настоящей культуры с глубоким ощущением мира — это одно. И Пушкин и Лермонтов стояли очень прочно на представлении традиций. Я должен догадываться, а почему я должен догадываться? То есть я должен приблизиться, а я не могу.»

В. Ю. читает Тютчева строчку из стихотворения «Фонтан»:

«Как жадно к небу рвёшься ты!
Но длань незримо роковая
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.»

Хочу, чтобы меня двинуло к жизни, а я упираюсь.

Понять общее настроение связанных слов, они энергичны и по ассоциациям рождается преддверие образа, но не образ. Энергия не чёткой, а художественной логики — наметить дорогу движения к образу, а образа нет, а есть остановка в преддверии образа. В. Ю. говорит о способности, но о недостатке опыта. Он упоминает Дневники Георгия Свиридова — книга «Музыка как судьба», Мелодия, 2002, 19 тетрадей, заполненных по десятилетиям. О деятельности Свиридова Валентин Распутин говорил: «Именно для того, чтобы проложить дорогу Гаврилину, озвучить Есенина и Блока, заново прочитать Пушкина, подхватить умолкнувшие песнопения и молитвы, для того, чтобы не закрался «пустырь» в души, и был «отставлен» Свиридов из XIX века в XX».

В. Ю. стал говорить о Маяковском, о Вознесенском, что стихотворная поэтическая культура не востребована. Чтобы словосочетание имело художественный смысл, оно должно иметь художественную логику. Личность — налицо, Мысли — налицо и должны соотноситься с всеобщим опытом. Прикидка на человека, который слушает, от нечёткой логики. Нужно направить к чёткой логике и смыслы направить к миру. У Баратынского много «соприродного» не по форме, а по смыслу.

Евгений Баратынский «Признание»:

«Притворной нежности не требуй от меня
Я сердца моего не скрою хлад печальный…
Не властны мы в самих себе
И, в молодые наши леты
Даём поспешные обеты
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.»

Точно выраженное ощущение мира. А не ставить свою поэзию преградой на пути к миру.

*

В.Ю. вспомнил о Юлии Киме, с которым он учился вместе, его Монолог Шута о мыслях:

«Велик Господь: он создал плоть
С руками и ногами,
Но к ней, чудак, прибил чердак
И начинил мозгами.
Будь ты учён иль не учён,
В раю или в аду будь,
Ты человек: ты обречён
Всё думать, думать, думать…»

В.Ю. продолжает: «Хлебников — это аппендикс нашей поэзии. В поэзии это Ахматова, Есенин, Блок, Рубцов — форма не становится преградой к миру, а если окно замазано, то и не видно.

Нужно больше читать и, конечно, писать.

Было сказано, что трудно повторить в каноне и выразить себя. Вот в стихах Бродского…

В.Ю. говорит — Бродский — искуситель, сказать сильно, но в каноне четверостишья.

В журнале Новый Мир, номер 12, 2000 года большая статья Солженицына о Бродском, с подробным разбором его стихосложения. Солженицын рассматривает и чувства Бродского, его иронию, которая пронизывает все его стихи. Отмечает и чеканное «Сретенье» и стилизации под античность «Письма к римскому другу», яркие стихи «На смерть Жукову» и к 100-летию Ахматовой. В его стихах много рифм свежих и смелых, приводит примеры. Но очень много и неприемлемого в его стихах, и тоже даётся с разбором и примерами.

Дедуров говорит — что Бродский из крайности в крайность бросается, но за каждой вещью стоят размышления. Я читал и то, что к канону имеет слабое отношение. Например, РЭП — ритмичная американская поэзия. В.Ю.: «Надо в старых формах выдержать, нет цели быть частью культуры, цель в том, чтобы мир стал лучше.

Л.И.: «У нас свой мир и в нём можно жить, у нас цель одна преображение божьего мира от тьмы к свету.»

В.Ю.: «Значение слов даётся не только опытом, но и познанием. Существует 6–7 словарей — искать слово!! Известны 3 признака культуры:

— Глубокое восприятие традиций (Веленью божию, о муза, будь послушна)

— Молитва, разговор с Богом

— Пародия (Небо ёжится в сонме звёзд)

Марина Цветаева «Генералы 12 года»

Анализ стихотворения М.Ц., написанного в 1912 году на 100-летие Бородинского сражения. Борьба за независимость своей страны и заграничный поход русской армии вызывали в людях стремление к свободе и справедливости.

*

ЗАСЕДАНИЕ ЛИТО ЦДУ 17.12.2002 года

В теме заседания главное внимание было уделено поэзии Аполлона Майкова (1821–1893), 76 лет.

В.Ю. начал говорить об основах эмоционального воздействия в стихотворении «ЕМШАН», где строки:

«Сухой травы пучок сухой
Он и сухой благоухает
И разом степи надо мной
Всё обаянье воскрешает»

Здесь нужно отметить образы — характеры. Это стихотворение эпического плана. Наиболее яркие картины и их воссоздание:

«Когда в степях, за станом стан
Бродили орды кочевые
Был хан Отрок и хан Сырчан,
Два брата, батыри лихие …»

«Он, пред которым всё дрожит,
Пучок травы, целуя, плачет!
И в даль глядит, травы степной
Пучок из рук не выпуская
Певец им славу пел, рекой
Лился кумыс во всём улусе,
Но вот скончался Мономах,
И по Руси — туга и горе.»

И брат Отрок требует, чтобы брат шёл на Русь и наследил своё, а Сырчан отказывается, уходит, тогда говорит Отрок:

«Свяжи пучок Емшан степной
И дай ему — и он вернётся
И взял пучок травы степной
Тогда певец и подал хану
И смотрит хан — сам не свой
Как бы почуя в сердце рану
И в даль глядит, травы степной
Пучок из рук не выпуская»

В. Ю. комментирует: образ двойного восприятия. И приводит пример Письмо Курбского Грозному (из Алексея Толстого). Когда Алексей Курбский сбежал от опричнины Грозного в стан короля литовского: Князь Курбский от царского гнева бежал, с ним Васька Шибанов, стремянный…

Вспоминается Евпатий Коловрат, «Сказание о земле Русской»
Жуковский, Певец, восстание русских воинов
Лермонтов «Мцыри»,
Пушкин «Клеветникам России», «Кавказ»,
Никитин, «Под большим шатром Голубых небес»
Майков,
Некрасов «Песня Ерёмушке»:
«Жизни вольным впечатленьям
Душу вольную отдай
Человеческим стремленьям
Им проснуться не мешай…»

Рылеев «Дума»
Рубцов «Видение на холме», «Русский огонёк»:
«Взбегу на холм. И упаду в траву,
И древностью повеет вдруг из дома
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.
Пустынный свет на звёздных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия
Затмит на миг В крови и жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя»
Рубцов «РУССКИЙ ОГОНЁК» (окончание стиха):
«Спасибо, скромный русский огонёк
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далёк,
За то, что, с доброй верой дружа
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа
Горишь во мгле, и нет тебе покоя…», 1964 год
Симонов «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины»
ПАТРИОТИЧЕСКИЕ СТИХИ
Лебедев-Кумач «Вставай, страна огромная»
Слово о полку Игореве
ФОЛЬКЛОР, БЫЛИНЫ
Сейчас появляются подделки под фольклор
Жуковский «Перчатка»
Капитан Бонн
На корабле купеческом «Медуза»
Вдруг занемог опасный капитан
Мальчик Роберт, лет 12-ти
Евангелие нашлось
Ему с погибелью неизбежимой
Смиренное, весёлое, святое
Ещё говорили о причине смерти Гоголя

*

ЗАСЕДАНИЕ ЛИТО ЦДУ 6 января 2003 года
Регина
Людмила Ивановна читает стихотворение «Введение во храм»
Девица как деревце
Вдоль линии вечно горящих свечей
К Успению
Облаков апостольских расправлен парус
Марина Цветаева стихотворение
«Сон как мёд пролитый
Слушай беззвучно»
К Бугакову Маргарите
«То, что плачет во мне назови
Хочешь смертью, а хочешь сном»
Баратынский «Разуверение»
«Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!
Уж я не верю увереньям
Уж я не верую в любовь…
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты»

В. П.
Устав скакать не по той дороге

Шел разговор о сенсационном фильме Жака Перрена, «Птицы».

Это зрелище настолько завораживающее, птиц снимали непосредственно во время полёта, снимать пришлось в арктическом холоде, и в болоте, и в тумане. Над фильмом работало около 500 человек из разных стран мира. Было отмечено, что саундтрек к фильму — музыкальный шедевр.

*

ЗАСЕДАНИЕ ЛИТО 18 января 2003 года

Это была святочная неделя. На заседание пришли всего несколько человек. Вспомнили, что во времена наших бабушек в зимние праздники любили рассказывать особые рассказы, которые связаны были со святочной традицией появления чего-то сверхъестественного, таинственного, да и просто чуда. А святочные рассказы — это о встречах с привидениями, о столкновениях с демонической силой или о парапсихологических явлениях.

Вот Всеволод Юрьевич и поведал нам такой рассказ. Он начал с того, что его тётя рассказывала, как бабушку хоронили. А когда бабушка ещё была жива и полна сил, она рассказывала ей, ещё отроковице племяннице, как её хоронили, и кто присутствовал. Племянница спросила, а меня ты там видела? Нет, говорит, я специально тебя смотрела, но тебя не было, зато были твои дети: мальчик и девочка. Когда пришло время и бабушка скончалась, племянница уже к тому времени мать двоих детей, обварила ногу и не смогла присутствовать на похоронах бабушки, а дети её, В. Ю. и его сестра, действительно были там.

Начали вспоминаться события, которые во все времена волнуют человека, о столкновении с непонятным, что вызывает опасение и дрожь своей несбыточностью.

Владимир Поляков вспомнил событие, когда у них скончался заведующий кафедрой в институте иностранных языков и русской литературы. Все сотрудники присутствовали на ритуале, потом пришли на поминки в квартиру его жены. Все сидели за столом, говорили об ушедшем человеке. Прозвенел звонок в дверь. Сестра жены пошла открывать. Возвращается с белым лицом и говорит: «Там, Борис Дмитриевич…». Когда она подошла к двери, открыла, там в чёрном костюме стоял умерший. Она в страхе захлопнула дверь, но потом, опомнившись, снова открыла, но там уже никого не было… Подобные видения и появляются на рубеже, во времена особенно напряженные, когда сталкиваются жизнь и смерть. И так не поймёшь, было это реально или только привиделось…

Всеволод Юрьевич снова рассказывал о своей бабушке, которая обладала особыми свойствами, могла предвидеть события,

могла узнать, что случится с ней или с её близкими в будущем. Так он поведал, как бабушка рассказывала ему, что она знает, что тётю его будут три раза хоронить и знала тётя, что умрёт она в Сибири. По этому случаю, когда появилась в их институте работа в Сибири и надо было ехать в командировку, тётя уволилась из этого института и перешла работать в другой научно исследовательский институт. Но тут же получила назначение в командировку в Сибирь. Она там заболела и скончалась. Её похоронили. Потом бабушка перенесла её прах в Москву. Но когда скончалась бабушка, родственники организовали одну общую гробницу, и прах тёти снова в третий раз перезахоронили, в эту гробницу.

Во время таких бесед, когда говорится о внезапных озарениях, о прошлых событиях, которые оставили в памяти особый облик и привкус. Особенно волнующе протекают «святочные» гадания. Все знают, что гадать опасно, но увлекательно. Здесь и желание узнать, что же особенно волнительного случится с тобой, явится ли наконец рыцарь на белом коне, или какое-то волшебное путешествие ждёт тебя в ближайшем будущем.

Вот Наталья Борисовна рассказала о своём крещенском гаданье. Здесь всё вспомнилось и «Бред зеркал», о котором в святочных повестях читали и поэтические строчки Фета зазвучали:

«Зеркало в зеркало с трепетным лепетом,
Я при свечах навела…».

И вот Наталья Борисовна начала рассказ, как она ставила два зеркала и перед ними две свечи, образовывался коридор. Она Одна ночью сидела перед этими зеркалами. Долго сидела. И наконец увидела пароход и залив, в котором стоит этот пароход. Её профессия, геолога, никак не связанная ни с реками, ни с морем, поэтому виденное удивило её, и потому ещё, что она и плавать-то не умела, и никогда бы не поплыла на пароходе. Но со временем, она послала тезисы на конференцию, которая происходила во Владивостоке. И тезисы приняли. Но это такой отдалённый район, проезд так дорог, что для МНС-а не доступен. Но её послали на эту конференцию. Там в программе культурного общения предлагались экскурсии на Камчатку и на Курилы. И когда

она пришла на берег, то увидела тот самый пароход, того же цвета и так же расположенного в бухте, как она видела в своём гадании.

Вот так и у нас в ЛИТО начала вспоминаться устная древняя традиция рассказывания страшных историй. И поскольку эта традиция всё ещё в народе жива, то вполне вероятно, что она способна возродить и святочную словесность.

*

ЗАСЕДАНИЕ ЛИТО ЦДУ 6 апреля 2003 года

В начале заседания Дмитрий Георгиевич обычно делал объявления об интересных выставках в Москве.

В Московском Доме Фотографии, Остоженка 12, была выставка фотографий Хельмута Ньютона «Ретроспектива». Снимки талантливого фотографа представили моду, красоту и женственность в совершенно новом, неизвестном ранее ракурсе. Он создавал снимки, которые приковывали взгляды ценителей по всему миру. Ему позировали многие знаменитости. Родился Ньютон 31 октября 1920 года в пригороде Шонеберга. Погиб Ньютон в автокатастрофе в 2004 году, в возрасте 83-х лет. Он запомнился миру безупречностью снимков и собственным видением прекрасного.

Читает стихи Татьяна
Сплетаю словесные косы,
Забыв про другие труды

Ну что в этом ласковом мире
Нежней поцелуев твоих
ИЗОТЕРИЧЕСКИЕ ИСТИНЫ
Искатели людей, искатели тоски
«Слепой дождь»
В тишине, ото всех затаённой,
Прорастают нежнейшие слёзы…
Осень даже в степи
Пропахла насквозь океаном…
Демон слёз на нас натаскан
Полна бессмысленного мужества трава
Так просто без декаденства

Живу наравне с грачами
И ты бы не смог догадаться,
Что я по тебе скучаю

Обсуждение
Дмитрий Георгиевич: Не хватает третьего чтения
Наталья Борисовна …
Людмила Фёдоровна прочитала экспромт:

Демон слёз на нас натаскан,
Ну а мы строчим стихи,
Изотерике подвластны
Все искатели тоски
Трав бессмысленны потуги
А у Тани взлёт в труде,
Но стихи родятся лучше
В затаённой тишине.

Всеволод Юрьевич: чтобы оценивать стихи, нужно выяснить их характер…

Старец из Оптиной Пустыни:
Где просто, там ангелов со ста,
А где мудрено, там ни одного

В. Ю. говорит об искусстве и об искусственности
Там, где искусство, там хорошо, а там, где искусственность, там плохо
Человек видит слова, настроения, а образ не ощущает и образ не рождается

Вспоминает строчки из стихов Фета: Они пишут множество писем друг другу

Шёпот, робкое дыханье,
Трели соловья
Серебро и колыханье.

Сонного ручья,
Свет ночной, ночные тени
Тени без конца
Ряд волшебных изменений
Милого лица
В дымных тучках пурпур розы
Отблеск янтаря,
И лобзания и слёзы,
И заря, заря!

Второе стихотворение Фета:

Мы встретились вновь после долгой разлуки
Очнувшись от тяжкой зимы;
Мы жали друг другу холодные руки
И плакали, плакали мы.
Но в крепких незримых оковах сумели
Держать нас людские умы;
Как часто в глаза мы друг другу глядели
И плакали, плакали мы!
Но вот засветилось над чёрною тучей
И глянуло солнце из тьмы;
Весна — мы сидели под ивой плакучей
И плакали, плакали мы! написано 30. 03. 1891 года

Это поэтическое воспоминание той встречи с Александрой Львовной Бржеской в Воробьёвке, которой суждено стать последней в их жизни. Фет написал ей 10 стихотворений. Ей ещё в 3-х летнем возрасте Пушкин прочил быть красавицей и прочитал стихотворение «Адели».
В. Ю. говорит: Зримость, которая рождает образ, он предметен.

Кто-то предлагает строчки
Плакали, плакали батареи и трубы
Я целую твои нежные губы.

В. Ю. — Слова ведут, а это путь опасный, мешает создать цельный образ: нечаянных обид, отчаянных высот. Стихи позволяют писать пародии — Бенедиктов Владимир «Наездница»

Люблю я Матильду когда амазонкой
Она воцарится над дамским седлом
И дёргает повод упрямой рученкой
И действует буйно визгливым хлыстом

В. Ю. Художественная несвязанность строчек есть самый большой недостаток

Значимость и значительность, на что намекает слово

Духовное начало, духовная шкала есть в русской поэзии

И в тех стихах есть что-то, что выше, чем обыденные ценности

Глубокой мыслью и чувством должно быть пронизано стихотворение

Приобретать цельность мышления, а не отдельные строчки

«Прочь в кювет к страстям и бедам»

Художественная и грамматическая логика, нужно отдавать внимание грамматической логике

«Рисуются буквы, а светится дух» — Семён Липкин — стихотворение

В этом городе южном я маленький школьник
Превосходные истины тешат мой слух,
Но внутри меня шепчет какой-то раскольник,
Что рисуются буквы, а светится дух
Страстно спорят на говоре местном южане
Но иные со мной существа говорят:
Словно вещая птица из древних сказаний
Прилетел небывалою птицей закат
А Есенин считает, что всякое слово не так важно,
А тот огонь, который над ним пылает
Рекомендация «Филология и школа» — журнал
12 конференций по русскому языку

ЗАСЕДАНИЕ ЛИТО 6 марта 2004 года

Всеволод Юрьевич Троицкий начал занятие с рассуждения о том, что «Стихи не мысль, а мыслеобраз, в них всё должно быть ясно для восприятия. Графоман не чувствует своих недостатков.

Доклад В. Ю. о Майкове

Аполлон Майков (1821–1897)

Майков — фигура в конце XIX века — он впитал всё лучшее: поэтичность, образность, изящество, ответственность. Майков чувствовал, что он исполняет поэтический долг. Майков относится к поэтическому слову, как к материалу, уподобляя его краске в живописи. Выбор тем и сюжетов, точность слова. Всё-таки он вторичен, после Пушкина и Лермонтова, и всегда был немножко учеником.

Его ранние стихи: музы, фавны — родина без Пегаса — рассуждения о поэзии, поэт, подчинённый божеству. Стихотворение «Октава»

Гармонии стиха божественные тайны
Не думай разгадать по книгам мудрецов
У брега сонных вод, один, бродя случайно
Прислушайся душой к шептанью тростников
Дубравы говору; их звук необычайный
Прочувствуй и пойми… В созвучии стихов
Невольно с уст твоих размерные октавы
Польются, звучные, как музыка дубравы…

В этих стихах Майков является мастером пейзажа, тонких, точных зарисовок природы, напоминающих эскизы художника

Звукопись, которая свойственна Лермонтову и Майкову, у Лермонтова идёт от мелодии

Русалка плыла по реке голубой
Озаряема полной луной
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны
И шумя, и крутясь, колебала река
Отраженные в ней облака
И пела русалка — и звук её слов
Долетал до крутых берегов

У Майкова стихи, связанные с психологическим восприятием: «Воспоминание»

В Забытой тетради забытое слово
Я всё прожитое в нём вижу опять
Но странно, неловко и мило мне снова
Во образе прежнем себя узнавать
Так путник приходит чрез многие годы
Под кровли отеческой мирные своды
Забор его дома травою оброс
И привязи псов у крыльца позабыты
Крапива в саду прорастает меж роз
И ласточек гнёзда над окнами свиты
Но всё в тишине ему слышится вдруг
Что жив ещё встарь обитавший здесь дух
Необыкновенная искренность

Восхищение красотой у Заболоцкого (7 мая 1903–14 окт. 1958), 55 лет,
Стихотворение «Болото»

Бьёт крылом седой петух
Ночь повсюду наступает
Как звезда, царица мух
Над болотом пролетает:
Бьётся крылышком отвесным
Остов тела обнажён,
На груди пентакль чудесный
Весь в лучах изображён

И «Болото» Майкова,

Я целый час болотом занялся
Там белоус торчит, как щётка жёсткий
Там точно пруд зелёный разлился;
Лягушка, взгромоздясь, как на подмостки
На старый пень, торчащий из воды

На солнце нежится и дремлет…
Белым пушком одеты тощие цветы
Над ними мушки вьются роем целым
И хлопоты стрекозок голубых
Вокруг тростинок тощих и сухих
Ах! Прелесть есть и в этом запустенье!

У Майкова стихотворение «Сомнение»

Пусть говорят: поэзия — мечта,
Горячки сердца бред ничтожный,
Что мир её есть мир пустой и ложный,
И бледный вымысл — красота…
Пусть Зевс из длани не низводит
Разящей молнии поток
И на ночь Гелиос не сходит
К Фетиде в пурпурный чертог;
Пусть так! Но в полдень листьев шепот
Так полон тайны, шум ручья
Так сладкозвучен, моря ропот
Глубокомыслен, солнце дня
С такой любовию приемлет
Пучина моря, лунный лик
Так сокровен, что сердце внемлет
Во всём таинственный язык;
И ты невольно сим явленьям
Даруешь жизни красоты,
И этим милым заблужденьям
И веришь, и не веришь, ты!

Перекликается с Тютчевым:

Нет веры к вымыслам чудесным
Рассудок всё опустошил
И, покорив законам тесным
И воздух, и моря, и сушу,
Как пленников — их обнажил;

Ту жизнь до дна он иссушил,
Что в дерево вливала душу…
Давила душу бестелесным!..
Где вы, о древние народы
Ваш мир был храмом всех богов
Вы книгу Матери-природы
Читали ясно без очков!..
Нет, мы не древние народы!
Наш век, о други, не таков.
О раб учёной суеты!
И скованный своей наукой!
Напрасно, критик, гонишь ты
Их златокрылые мечты;
Поверь — сам опыт в том порукой,
Чертог волшебный добрых фей
В убогой хижине твоей!

Майков любил циклы:
Века и народы, Отзывы жизни, Отзывы истории
Пушкинская широта охвата мира, и он получает Пушкинскую премию за свои стихи и за драму «Два лица» в 1882 году.
Стихи, заслуживающие внимания: «Видение»

Приди, товарищ дум,
В мой стих благоуханный
Я руки простирал к нему
Бледнеет призрак странный

Он искусство воспринимал как дар и относился к нему как к дару, соучаствуя в нём. Стих и пауза связана со смыслом. Особенность Майкова — живо передаёт не статические картины, а движение. Передаёт в личном восприятии, связанном со словом «люблю» в содержании.

Люблю дорожкою лесною,
Не зная сам, куда брести

Замедленность, которая рождается переносом фраз, не мешает восприятию
Весна! Выставляются первые рамы (1854) — изображает сменой картин

«Летний дождь» —
Золото, золото падает с неба
Дети кричат и бегут за дождём…

Чистота необыкновенная и передаёт именно то ощущение картины

И хочется в поле, широкое поле,
Где шествуя сыплет цветами Весна!
Благодать и благодарение. Он был тонко и сокровенно верующим, и не мог между прочим говорить о вере, не пускал её в стихи.
О стране, о пейзажах России нельзя читать без волнения:

«Нива», в середине стиха строчки
Но, хлебом золотя простор её полей,
Ей также, господи, духовного дай хлеба!
Промолвить: Господи! какая благодать!
Мелькают и жужжат колосья надо мной
И царствует над всей гармонией ночной
И чувствует в них гул теченья
И шлёт сверкание зарниц
Благословенье на поля

Сокровенное у Майкова высвечивается — только, Регина Ивановна

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ
Революционно-демократические критики оценивали его высоко. В 1954 году в ФРГ была защищена диссертация на тему «Майков — политический поэт»
В его стихах много той острой политики. Политика — это сосредоточенное выражение интересов, борьба за духовность и право человека на красоту.

Майков «Другу Илье Ильичу» — пасквиль на Александра II.

Сравнение двух поколений либералов: барин — один, который стал призывать к свободе, но остался барином:

Майков пишет о барине: он расплачется, перекрестит и простит, если увидит смирение и другой (60-е годы) — либерал, в котором либерализм XX века Илья Ильич, тебя благословит и Прохор и Кузьма, это толк распущенных славян

Но, тиская под пресс свободы, — половину
Всего живущего послать на гильотину!

МАРШ МАЯКОВСКОГО
Ваше слово, товарищ маузер
Маяковский был удивительно точен

Вспоминает В. Ю. стихотворение Майкова «Емшан»

Степной травы пучок сухой

«Кто он» — хрестоматийное Майкова сказание о Петре Великом

Лесом чистым и дремучим
По тропинкам и по мхам
Ехал всадник, пробираясь
К светлым невским берегам

«Княжна» Майков

Княжна… Но нет! Письму я не предам,
Нет, не предам я новому злословью
Фамилии, известной с детства нам!
Да, Франция…
Она княжну, цветок полночных стран
К ней кинутый крылами аквилонов,
С любовию в объятья приняла,
И матерью второю ей была…
Что?.. Странно вам слова мои звучат?..

Народность — всё же из понятий узких,
И в этом шаг мы сделали назад,
От образов отрекшися французских…
Но — век таков! И все теперь хотят
Преобразиться в православных русских,
Меж тем как многие едва-едва
Осилить могут русские слова.

Литература отбиралась для школы западниками, а славянофилы были не в чести, и представлены как маргиналы. Майков был чрезвычайно близок к славянофилам. 1854 год, Крымская война

Бывало, уловить из мира стих случайный
И в стих его облечь
Ударила война. Россия призвана,
Что с гордостью сказать могу:
Я русский
Гром кораблей Нахимовского флота

В качестве экзотического элемента, ритмическое соотношение — основа для поэта XX века Тёркин, историческое стихотворение

Ну, послушайся старуха

Майков удивительно духовный поэт. Цитируется из Аполодора — гностика (греч поэзия)

Не говори, что нет спасенья,
Что ты душою изнемог

Из писем, я написал цикл — самое сокровенное, и я выдумал древней античности поэта, кому и приписал свои стихотворения. Они передают стороны миросозерцания Майкова.

Майков писал прозу. Марк Петрович Петров

Старушка, О Мамаевом побоище, Взятие турками Константинополя

1882 год
От животного — идеал Москва — Третий Рим
Прочь идеал. Грозных лик
Наш век и … велик

Что рубит корень и со взмаху
Как скрыт дух жизни в семени цветка
Мы выросли в суровой школе
Поэт во всеоружии всегда
Но он в святой своей задаче
Уж не упустит ничего.
Один он с поднятым забралом
Мстит он Астартам и Ваалам
Перчатку вызова на бой
Майков считал, можете не писать о святыни, но чтить её.
Внутреннее отношение к литературе
Аскет, ты некогда в пустыне
Изрек слова — есть же в нас,
Что рвётся в вечность заглянуть
Душа светила и боролась
И восхожденье всё к высшим
Сферам бытия
Самобытное выражение мысли
Первый поэт из второго ряда: Некрасов, Майков и Толстой
Д. Г. с Фетом не пересекаются
Влияние Бенедиктова на Майкова и Тютчева — неожиданность в поэзии, неожиданность в образе,
Служащие красоте у Фета своя манера. Его философские стихи — заставили его любить
Шепот, лёгкое дыханье
Трели соловья
У Фета непосредственное трепещущее чувство
Майков берёт отраженным чувством, а Фет — непосредственным.
Майков — Петербуржец

ЗАСЕДАНИЕ ЛИТО ЦДУ 28. 04. 2003
Сообщение Людмилы Николаевны Саницкой о том, что
Наталья Ильинична Арбузова стала Членом Союза Писателей, пишет книгу, будет отдыхать в Переделкине.

В. Ю. читал стихи из сборника, который отпечатан на машинке, последние стихи философского плана. Из последних стихов: «О слове русском»
Сообщение: 17 мая встреча

ДОМ ЛИТЕРАТОРОВ, 18 марта 2004
КОНЦЕРТ НАТАЛЬИ ИЛЬИНИЧНЫ АРБУЗОВОЙ
Музыкальный Аккомпанемент артиста Молодёжного театра: звучит ноктюрн Шопена, ми-бемоль мажор, музыка Рахманинова, Листа
Наталья Ильинична читает прозу из своей вышедшей из печати в 2000 году книги «ПОКА ДАЮТ СКАЗАТЬ». Прозвучали 16 миниатюр из своей хроники: Дядя Шура, Нестреляев, Денис и его Ангел Дионисий.
Поэтическую Балладу Наталья Ильинична прочитала с огромным энергетическим зарядом и с пониманием зала. Звучали строчки:

Там чудодейственны примеры
И достославны жития.
Там дики подвигов химеры…
Обманщик там не зрит обмана
И указующий перста

Её фантазия безмерна, образы фантастичны, но и они из простого народа и с отметкой простодушия народного
В книге Л. Саницкой 2018 года, читаем: Узнала о б уходе из жизни Натальи Ильиничны Арбузовой, и так стало мне грустно… Открыла снова её книжку «ПОКА ДАЮТ СКАЗАТЬ» и окунулась в загадочные фантасмагории её фантазии:
«Гоголь мысленно ответил мне, что боготворит Россию, русский язык, что малороссийское дворянство спокон веку говорило по-русски. Только русский язык впору ему, Гоголю, только все без изъятия российское пространство подобает душе его. Не станут же обожаемые им малороссийские селяне указывать, на каком языке ему писать»

Нина Познякова

Познякова Нина Тимофеевна окончила МГПИ иностранных языков, работала преподавателем, переводчиком. Пишет стихи, рассказы, повести. С 2011 года является членом Литературного объединения Центрального Дома учёных РАН. Произведения публиковались в альманахах ЛИТО за 2012–2019 годы. В 2014 году вышла первая книга Н. Т. Позняковой — лирическая комедия «Кумир», в 2017 году — книга стихов и рассказов «Осеннее солнце». Нина Познякова — член Союза писателей XXI века.

Посвящается Дому ученых РАН на Пречистенке

Вот и октябрь, зовет меня Пречистенка,
Здесь я к когорте литераторов причислена.

Поэзия давно здесь дружит с прозою,
Как лилия порою дружит с розою

В саду, где дивная царит гармония,
Где красок ярких и оттенков — симфония.

Теперь по улице идти — такое счастье,
Она ведь вымощена заново так тщательно.

Старинный особняк откроет двери нам,
Достойны ль будем мы — его доверия?

Вот на воротах львы — не грозные, притихшие,
Почти два века смотрят на Пречистенку.

Вы видели еще купчиху Кашину,
Скажите, рады ли вы — веку нашему?

Совсем не страшные, из камня — львы,
А нашему приходу — рады ль вы?

Друзей нашла я здесь нежданно так, негаданно,
А в нашей жизни дружба — ценность главная.

К их творчеству так рада я причастности,
Все прочее — лишь мелочи и частности.

Зовем друг друга мы по имени, без отчества,
Степенность возраста нам примерять — не хочется.

Слова привета и улыбок обаяние —
В моей судьбе — награда, достояние.

Благословен будь, Дом любимый на Пречистенке,
И мы, твое сообщество речистое,

Благодарим тебя за доброту и искренность,
Убранства бесподобную изысканность,

За пониманье и неравнодушие,
Еще — за градус ресторанного радушия.

Мы души наши и все помыслы пречистые
Несем к тебе, наш Дом любимый на Пречистенке.

Случайная встреча с одним из ветеранов ЛИТО

Известно, что у многих из нас с годами ухудшается зрение. Я не исключение. Чтобы разобраться в ситуации, я записалась на прием к одному из лучших московских офтальмологов и в назначенное время прибыла в Институт им. Гельмгольца. В ожидании своей очереди присела на низкий длинный диванчик и развернула газету с интересной статьей. Но читать было невозможно: узкое помещение не имело окон и скупо освещалось лампочками, висевшими высоко под потолком. Пришлось сложить газету.

— Правильное решение, — одобрил мои действия солидный немолодой джентльмен, сидевший рядом со мной.

— Досадно! — сказала я. — Хотела дочитать статью об Анне Ахматовой, о ее семье, о судьбе ее брата…

— Вы интересуетесь поэзией? Знаете поэтов Серебряного века?

— Конечно.

— А сами пишете стихи? — спросил мой собеседник..

— Нет. Иногда, правда, удается написать рифмованное поздравление, друзьям или членам семьи.

Я посмотрела на собеседника. Спокойный, приветливый взгляд, доброжелательная улыбка. И я решила продолжить тему и рассказать ему о своих попытках литературного творчества.

— Вы, наверное, удивитесь, но я недавно… написала… нечто вроде короткого сценария для фильма, сюжет – из современной жизни. Ходила с ним по редакциям, даже на Мосфильм удалось попасть. Но никто моим произведением не заинтересовался. Не знаю, что с ним делать...

— Да Вы же, по существу, наш человек! — воскликнул мой собеседник.

— Я Вас не поняла...

— Сейчас объясню. Но сначала я должен представиться Вам. Меня зовут Буренко Сергей Никитич. По профессии я химик, кандидат наук. Но мое хобби — литература. Я пишу рассказы, эссе, являюсь членом Литературного объединения при Московском Доме ученых, сокращенно — ЛИТО. Эта организация — не для профессионалов, а для любителей, но среди них много талантливых поэтов, прозаиков. А руководит Объединением настоящий поэт,

кандидат филологических наук Колодяжная Людмила Ивановна. Мы собираемся два раза в месяц, по субботам. Если хотите, я могу представить Вас руководителю и коллективу. Но не сейчас, позже, занятия начнутся в октябре.

Я поблагодарила Сергея Никитича и, конечно, согласилась. Мы обменялись телефонами. Не помню, что помешало мне позвонить ему в октябре, я пришла в Дом ученых только в начале декабря 2009 года. Сергей Никитич встретил меня при входе в Дом ученых и сопроводил в аудиторию №59. В конце занятия мне дали слово, я прочитала фрагмент рассказа и одно небольшое стихотворение. Реакция руководителя была положительной. Так я стала членом Литературного объединения.

Сергея Никитича Буренко уже нет с нами. Мы будем вспоминать его добрым словом, а в моей памяти он навсегда останется тем человеком, кто неожиданно и предельно доброжелательно принял участие в моей судьбе: приход в ЛИТО во многом изменил мою жизнь, сделал ее гораздо богаче и содержательнее.

Поэт

Л.И. Колодяжной

Как описать поэзии явленье,
Высокой лиры строй, и лад, и звук,
Что будит в нас игру воображенья
И украшает бренной жизни круг?

Судьба ли, случай, высшее веленье —
Служить поэзии уж столько лет!
Такой творец, вне всякого сомненья,
По праву называется — поэт.

Стихи изящны, так легки, неброски,
В них сердца голос, мысли стройной ток.
Серебряного века отголоски
Здесь слышатся в переплетенье строк.

Внимай им, понимай и восхищайся,
Их тихо, благодарно положи,
Как маленький, живой кусочек счастья,
В копилку очарованной души.

Да будет живо — дивное наитье, —
Оно вовек творящему дано.
Не кажется ль: серебряною нитью
Стихов прошито кружевное полотно?

Цитата

Л.Колодяжной

«Ты здесь, мы в воздухе одном»
(Б. Пастернак)

«Разреши мерцанье этой ночи
До тебя в ладонях донести»
(Л. Колодяжная)

Вы здесь, Вы с нами на одной земле,
Но все ж в ином каком-то измеренье:
Среди творцов — достойной, в их числе —
Серебряного века поколенья.

Вы здесь… Изящной женщины абрис,
Полет мечты, души широкий росчерк
И водопады слов, где блещет — жизнь,
Где светел — Ваш неповторимый почерк.

До Вас хотела бы «в ладонях донести»
Вновь — восхищение свое и благодарность,
Пусть вдаль влекут поэзии пути,
И щедрая — пребудет неба данность.

О книге Л. Колодяжной «То, что в памяти я утеряю»

Ценители поэзии Людмилы Колодяжной с радостью встречают появление новой книги ее стихов. Этот сборник состоит из двух частей: Избранного и Поэтических дневников автора за 2016-2018 годы.

Идея придать значение датам, тому времени, когда были написаны стихи, кажется исключительно логичной и обоснованной. В своем творчестве поэт Л. Колодяжная часто обращается к теме времени как философской категории и как одному из обстоятельств нашей жизни. Мы не властны над временем, но неминуемо становимся его частью, в него вписываются наши дела, поступки, чувства и пристрастия, наше творчество и приобщение к творчеству других людей.

Людмила Колодяжная, большой поэт, чья поэтическая одиссея насчитывает не один десяток лет, начинает свой новый сборник с «Избранного». Это своего рода отчет о продолжительном и плодотворном времени творчества. В него вошли стихи, самые значимые и совершенные по мысли и форме, печатавшиеся в более ранних сборниках. В теперешней подборке их много, но это далеко не все лучшее, что написано автором. Читая макет сборника, я с радостью встречалась с давно известными и любимыми мной стихами, как со старыми добрыми знакомыми.

Не устаю удивляться глубине содержания многих произведений и их изысканной художественной форме. Прекрасные сравнения, метафоры, афористичность некоторых строк и даже четверостиший — все это исключительно талантливо, уникально.

«Душа моя, ровесница,
тропинку выбирай,
по узкой черной лестнице
не попадают в рай».

«…разреши мерцанье этой ночи
до тебя в ладонях донести».

«Вечность за пядью пядь
затянет времени бреши».

Калейдоскоп метафор в начале стихотворения «Позови»:

«Позови туда, где закат
золотит горизонта оковы…

где березовых дров смола
омывает мольбой жаровню»…

В стихах встречаются удивительные фонетические находки, например: *«Во чреве вечеров — речей горячих горечь»*...

«Избранное» кажется большим ретроспективным календарем, запечатлевшим ход минувшего времени, которое было наполнено событиями, размышлениями, чувствами автора.

«Дневники за 2016–2018 годы», составляющие вторую часть сборника, интересны, прежде всего, как отображение процесса творчества Людмилы Колодяжной. Не подчиняясь в буквальном смысле императивному наказу: «Ни дня без строчки», она, тем не менее, пишет часто и много, и нам дана редкая возможность заглянуть в творческую лабораторию поэта.

Людмила Колодяжная, глубоко верующий человек, сверяет свою жизнь с датами Православного календаря. Эти вехи имеют для нее самое существенное значение. Отсюда — размышления о сущности бытия, о времени, данном нам для полезных дел в этом мире. День за днем автор пишет о событиях собственной жизни, о творчестве, о тонких эмоциях человеческого сердца.

Если говорить о тональности поэзии Л. Колодяжной, то она воспринимается как нечто светлое, как голос доброй и щедрой души, и если в ней иногда присутствует печаль, то она неизменно бывает «светла».

Новый сборник стихов можно оценить как перекличку времен в масштабах творчества одного поэта — Людмилы Колодяжной, большого мастера, достойного продолжателя традиций российской поэзии Серебряного века.

Нина Познякова,
поэт, член ЛИТО Дома ученых РАН,
Член Союза писателей XXI века

Инге Гланцевой в день рождения.

Не круглая, но значимая дата —
Не повод сетовать на быстрый жизни бег,
Но повод вспомнить: в этот день когда-то
Родился милый, славный человек.

Дала природа щедрою рукою
Очарованье, что не меркнет много лет,
А Муза молвила: «Не знать покоя,
Стихи писать, поскольку Вы — Поэт».

Без Вас, бесспорно, не была бы полной
Ученых литераторов семья.
Куда б порой нас ни бросали волны, —
Есть дело общее, мы все — друзья.

Вы наша совесть и большое сердце,
В лучах бесценной Вашей доброты
Еще не раз хотела б я согреться,
И знаю — эти сбудутся мечты

Марии Скавронской

Весна голубая и красное лето,
Осеннего золота пламенный цвет,
Зима — вся земля снежной шубой одета —
Так создал художник России портрет.

И вот в унисон этим образам ярким
Явились стихи — русской речи венец,
Душе — драгоценным, искусным подарком,
Поэзии нашей живой образец.

Добром и любовью строка здесь искрится,
Покой и гармония — в думах простых,
А радость парит, словно вольная птица,
И солнце не гаснет в просторах родных.

Молитва святая о многом расскажет,
Опять колокольный нам слышится звон…
И слово, от сердца идущее, скажем:
«Спасибо, Мария, и низкий поклон!»

Летнее настроение

Галине Гашуниной

Ты посмотри, какая лилия
Сегодня утром расцвела,
Какая дивная идиллия
В пространстве света и тепла!

А эти яркие соцветия
Нам дарит розы алой куст,
Восторженные междометия
Не зря с твоих слетают уст.

Здесь в радость все преображается —
Цветенье сада, леса сень.
Пусть это лето — продолжается,
«И дольше века длится день»!

Жизнь

Светлой памяти
Вадима Гиршгорна и Бориса Ольхова

Наша жизнь, что, по сути, задумана мудро,
Дарит нам наше ясное детское утро,
В нем — открытие мира, души пробужденье
И наивное первое стихотворенье.

Жизни день — он ложится нам грузом на плечи,
Он трудами, делами земными отмечен,
Восхожденьем и истин больших постиженьем
И детей дорогих и желанных — рожденьем.

Жизни день — это чудо нечаянной встречи,
Тот сюжет бесконечно печален и вечен,
И, как память и боль, как души откровенье, —
О любви снова пишется стихотворенье.

Жизни вечер подкрался, печалью отмечен,
Мягкой шалью незримой он лег мне на плечи
Догорают прощальные строгие свечи,
Жизни вечер дорогою в вечность прочерчен.

Поначалу для нас он как будто не страшен,
Он улыбками внуков, их смехом украшен.
Лучшей музыки звуки — для нас они вечны,
И мгновенья поэзии души нам лечат.

Но жестокое время все множит потери,
За друзьями навек закрываются двери…
Пусть хранит наша память их добрые лица,
Их труды, их улыбки — не могут забыться.

Лист осенний упал, скупо солнцем подсвечен,
Знаю я, что никто в этом мире — не вечен,
Но с молитвой шепчу я, прошу каждый вечер:
«Ты помедли, судьба, не гаси мои свечи».

Памяти Алексея Вознесенского

Поэзия всегда несет потери,
Когда уходит истинный поэт.
В свой добрый мир он открывал нам двери…
Как жаль, что с нами больше его нет!

Он был прекрасным человеком русским,
Каких немало видим мы вокруг,
Веселым, но гораздо чаще — грустным,
Алеша, Алексей, он был наш друг.

Любил зверье и русскую природу…
В его стихах, где слово — благодать,
Умели рифм послушных хороводы
Изысканностью танца удивлять.

Признаться, он был лучшим между нами,
И вновь я не устану повторять:
Мы будем дорожить его стихами,
Но друга очень больно нам терять.

Галина Поляк

Поляк Галина Андреевна. Образование высшее техническое, ведущий инженер-конструктор концерна ВКО «Алмаз-Антей». Публиковалась в альманахе ЛИТО Центрального Дома учёных РАН, в сборнике стихов «Поэты концерна воздушно-космической обороны "Алмаз-Антей"».

* * *

Стихи, как птицы в клетках золочёных.
Их слышит лишь друзей привычный круг.
А может, отнести их в Дом учёных
Российской академии наук?

Там часто собираются поэты
со всей Москвы, презрев уют квартир.
Прочту стихи. Пойдут гулять по свету.
Для этого они приходят в мир.

Дом Учёных

Весна. Светлей людские лица.
Растаял снег — такой пустяк…
Пречистенка, душа столицы,
Привычно надевает фрак.

Здесь Дом Ученых. У него
Сегодня юбилей. А, значит,
Поздравить мы хотим его.
И пожелать ему удачи.

Готов прозаик и поэт
Сейчас сказать ему без лести:
«Ты друг наш очень много лет!
Ты помогаешь нам быть вместе.»

Зал Малахитовый для нас
Привычно двери открывает.
И Музы, чей приют Парнас,
У нас в гостях, порой, бывают.

Русь

Русь! Здесь Храмы. Златы купола,
А на звонницах колокола.
Их в народе зовут Божий глас.
Он звучит ежедневно для нас.
Над Россией, средь Божьих даров,
Богородицы светлый покров.

Уж такая нам выпала честь —
Дом святой Богородицы здесь!
Мы на этой земле рождены.
Богородицы дочки, сыны,
Наши предки, с иконой в бою
Защищали Отчизну свою.
Поклонюсь тебе, чувств не тая,
Светоносная Русь ты моя!

Шум дождя

У дождя сегодня бенефис.
Он давно не слышал «браво, бис»
Свой коронный танец, «Шум дождя»,
Он танцует, струи не щадя.

Лихо свою партию ведёт.
Люди наблюдают: дождь идёт.
Он резвится, встрече с летом рад.
И целует листья все подряд.

Здесь Родина моя

Ну, здравствуй, старый дом, где довелось родиться.
Приветливо скрипят сухие половицы.
Как будто узнаёт и стелется под ноги
тот дом, куда мои сбегаются дороги.

Хор досок, что в полу, скулит разноголос.
Он шаг мой узнает, как старый верный пёс.
Спасибо, старый дом! Ты будешь вечно мил
за то, что мне тепло всю жизнь свою дарил.

Что здесь, в твоих стенах, где помню каждый гвоздь,
мне преданность любви изведать довелось,
и красок яркий ряд, и музыкальность слов,
поэзию сонат, мелодию стихов.

И мудрых книжных строк таинственный магнит.
И мир, что из окна неведомым манит.
Средь штормов бытия, мой дом, ты как причал.
Здесь Родина моя — начало всех начал…

* * *

Остаются в памяти навечно
Самые волнующие дни.
Радости и счастье быстротечны.
Но ведь украшают жизнь они.

Суета на смену им приходит.
Иль рутина, или день сурка,
Что по кругу замкнутому водит
Только лишь до той поры, пока

Взрыв эмоций не встревожит душу,
Не заставит струны чувств звенеть.
Вправе он спокойствие нарушить
Чтобы сердцу не окаменеть.

* * *

Палитра слов. В ней красок ряд,
Как броский праздничный наряд.
Средь них, для выраженья чувств
Я нужные найти хочу.

Молчу, пока ищу слова.
Что вспыхнут ярко, как дрова,
В печи эмоций. А без них
Увы, бесцветным будет стих.

* * *

Слова, что мы готовы слушать,
Это привычных звуков ряд.
Незримо в воздухе парят,
эмоцией ворвутся в душу.
От них захватывает дух.
То ранят, то ласкают слух.
То в них эмоций напряженье,
То образ-блеск воображенья,
То мысль, достойная пера,
То трепетный посыл добра.

* * *

Творчество! Если сказать не таясь,
Это с Вселенной открытая связь.
Может, поэтам позволил Господь
Мысли в слова облекать, словно в плоть?

Рифмы над нами кружатся, легки.
Стоит хоть слово убрать из строки,
и рассыпается ряд, тот, что был
Стройным стихом. Он дышал, значит, жил!

* * *

Стихи! Скажу спасибо вам!
Чтоб чувства превратить в слова,
Мой ангел позволяет мне
Поволноваться в каждом дне.

Когда ж людей я сторонюсь,
Тогда природа, или грусть
Не позволяют быть одной:
Грусть сядет рядышком со мной.

И настроенье создаёт.
Чья мысль: моя, или её,
Тогда доходчива, проста,
Стихотвореньем может стать?

Василий Поляков

Поляков Василий Евгеньевич родился в г. Москве 4 июля 1938 года. Доктор медицинских наук, профессор, врач высшей категории, академик Международной Академии информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Автор 8 книг: «Книга о врачах и причастных к медицине» (2006), книга стихов «Грустное и смешное» (2006), роман «Вирсавия (Роман Алексея Стрелкина)» (2007, 2009–2010, 2014), книга новелл «Розы обязательно зацветут» (2007–2008), книга очерков «Молочный поросёнок под хреном» (2009), автобиографические записки «Рябина на коньяке» (2014), книги «Хрупкое счастье» (2016) и «Персоналии» (2016).

И мне помог коснуться счастья

Наглаженный и чистенький
Вверх в гору по Пречистенке
По правой стороне
(Она роднее мне)
Иду я до ограды
Перед зелёным садом.
А за оградой дом стоит,
Который людям говорит,
Что очень юн и молод он.
Шестнадцать цифра есть на нём.
К себе манит он. Так красив!
Несёт достоинства мотив
Своим названьем «Дом учёных»
И сутью: центр для увлечённых.
А что, конечно, гениально —
Для всей России он центральный
И в Академии наук.

Теперь, конечно, все встают
И за его столетье пьют.
Я школьник был и пионер,
Но помню ярко, например,
Что в этом Доме выступал.
В концерте басни я читал.
А после слева мне и справа
Кричали слушатели: «Браво!»
О, Дом Учёных, я люблю
Всю, всю историю твою.
Тебе спасибо за участье:
И мне помог коснуться счастья.

Владимир Поляков

Член Союза писателей XXI века, член Союза журналистов России, член Творческого Союза художников. Работал в издательствах «Высшая школа», Плакат, АПН, в газете «Вечерний клуб». Издавал газеты «ГДЕ» и «Столичный сервис». Писать прозу начал в конце 80-х годов 20-го века. Автор рассказов и прозаических миниатюр. Награждён дипломом конкурса «Писатель XXI века» за книгу «Затяжной прыжок».

ЛИТО как маленькая часть России...
(ностальгическое эссе)

Когда по воле судеб, я попал в литобъединение Центрального Дома Учёных, то влюбился в него мгновенно и навсегда. Нравилось всё…, конечно, люди — интеллигентные, творческие и увлеченные. Нравилась наша комнатка, где-то под чердаком. Нравилось и то, что входили и выходили мы из неё, через уютный и гостеприимный буфет, где всегда была обстановка ожидания. А поднимаясь по лестнице в приютившую нас комнатку и слушая доносящееся оттуда приглушенное многоголосье, я каждый раз испытывал радостное волнение от предстоящей встречи с товарищами по цеху, которые всегда находились на определенных местах. И, бросив беглый взгляд, можно было легко определить: кто на месте, а кого сегодня нет. Наш приют был тесным и душным, где из-за сквозняка нельзя было открывать форточку, а только дверь на лестницу. Но пусть не хватало стульев, пусть мужчинам постоянно приходилось стоять вокруг большого черного рояля, зато на нём, в качестве компенсации, лежали наши ручки и блокноты. Была какая-то особая атмосфера близости и братства, когда, читая свои стихи и рассказы или слушая других, мы видели, как меня-

ются выражения лиц коллег, слышали их реплики и комментарии. Наши встречи вокруг рояля напоминали дружеские посиделки вокруг костра, когда все с нетерпением ожидают запеченной в золе картошки и радуются предстоящей трапезе.

Сейчас, когда мы смотрим в затылки и спины друг другу в комфортной и удобной «Зеленой гостиной», куда-то, незаметно утекли прежние эмоции и испарилось состояние непринужденности и импровизации. Возможно, смущает стандартная школьная рассадка, а, может, потолки слишком высокие или кресла слишком мягкие? ведь дизайн и психология тесно связаны между собой. Ну, что ж... зато навсегда осталась память, как чудесный сон... а воспоминания греют душу и будут освещать все предстоящие годы творчества лирическим светом, согревая сердце и волнуя воображение!

Людмила Саницкая

Саницкая Людмила Николаевна — автор девяти поэтических сборников и четырёх книг мемуарной прозы («Вверх по ручью», «Остров Открытой книги (Переделкино)», «Очертания», «Нас возвышающий обман…»). Стихи публиковались в журналах «Юность», «Простор», международных альманахах «Муза», «Золотое руно», «Зарубежные задворки» (Германия), альманахах «Московский год поэзии» «У Никитских ворот», «Академия поэзии», «Новые Витражи», в «Литературной газете». Член Союза писателей России, Союза писателей 21 века, Союза писателей Москвы, «ЛИТО на Пречистенке» Дома учёных РАН. Имеет литературные награды. Живёт и работает в Москве.

Первый руководитель ЛИТО

В ту давнюю пору — более двадцати лет назад, когда я впервые пришла в ЛИТО Дома учёных, наш литературный кружок ютился в маленькой неухоженной комнатке под номером 59 на втором этаже. Видимо, она служила подсобным помещением, где переодевались, готовились к концертам артисты и музыканты. Почти всю площадь занимал старый рояль. Кроме него, в комнатке было три-четыре разномастных стула потрёпанного вида, маленький канцелярский стол, по периметру шли закрытые шкафы с какими-то, видимо, документами. Два узких высоких окна смотрели во двор, между ними — зеркало, тоже узкое, высокое и очень тусклое. Похоже, оно видело лучшие времена.

Обычно нас набивалось сюда довольно много, и наши мужчины притаскивали откуда-то — к большому неудовольствию персонала — ещё какие-нибудь стулья, их всё равно не хватало, многие располагались на подоконниках или просто стояли. ЛИТО тогда не имело имени и называлось просто литературной секцией Дома учёных. «ЛИТО на Пречистенке» — это появилось значительно позже.

Председателем секции был Всеволод Юрьевич Троицкий. Доктор наук и профессор, работающий в институте мировой литературы, филолог, литературовед, публицист, он всем своим обликом вызывал в памяти портреты хрестоматийных разночинцев-интеллигентов — Добролюбова, Белинского и прочих, радевших о народе просветителей. А ещё он был похож на отнюдь не разночинных, а весьма родовитых гениев — Тютчева, Фета… Оттого, наверное, что был он лёгким, хрупким, седые волосы были длинны, до плеч, аккуратно подстрижены. Довершала картину небольшая бородка и очки в тонкой оправе. Его старомодная изысканная речь казалась мне музыкой и откровением.

Новички тогда принимались доброжелательно, но настороженно, и поначалу имели статус всего лишь гостя. Поэтому я, гость, была тише воды, ниже травы и с безмерным почтением смотрела на учёных, которые мало того что учёные (а кто ещё тут может быть?!), так ещё и пишут!

Выслушав мои стихи, Всеволод Юрьевич высказался сдержанно-одобрительно и назвал трёх рецензентов, которые и должны были оценить пригодность автора для вступления в секцию. Недели через две мои судьи, получившие машинописные листочки с текстом, решили, что гостя можно принять в свои ряды.

Уже потом, спустя продолжительное время, литературная секция дала мне рекомендацию для вступления в члены Дома учёных.

Профессор Троицкий возглавлял ЛИТО с самого его основания и до 2008 года. И всё это время он оставался для нас Учителем и другом — требовательным, порой суровым, но именно другом и наставником.

Однажды наш руководитель проводил очередной отчетный концерт участников ЛИТО. Мы собрались в Голубой гостиной — небольшом зальчике с голубыми стенами, украшенными роскошными золотыми панно. Музыкантов не было, и Всеволод Юрьевич неожиданно сам сел за рояль, коснулся клавиш, поморщился болезненно, тихо произнес «Какой ужас!», имея в виду расстроенный инструмент, и, наконец, зазвучали первые аккорды и его голос… У этого хрупкого немолодого человека оказался красивейший бас, сдержанно-сильный, точный, чу́дного тембра. Он запел

шаляпинскую «Ноченьку», потом романс «Не пробуждай воспоминаний». И эта музыкальная вставка была удивительно уместна здесь, в ностальгической красоте нашего Дома.

Человек открытой гражданской позиции, Всеволод Юрьевич был и остаётся активным общественным деятелем, ярким и бескомпромиссным. Основанием для сохранения нации он считал сбережение русского языка и сражается за его чистоту на самых высоких политических трибунах. Литературу и, в частности, поэзию полагал серьёзной лишь при наличии социальной её значимости.

Всю свою жизнь Заслуженный деятель науки профессор Всеволод Юрьевич Троицкий работает в Институте мировой литературы.

4 августа 2021 года ему исполнилось 85 лет.

Слава Богу, что есть у нас ещё люди истинно образованные, богатые опытом, твёрдые в своих убеждениях и верные своему призванию!

13.04.2022

Мария Скавронская

Скавронская Мария Эммануиловна родилась в городе Рыбинске. Окончила Институт культуры по профессии библиограф. Подборки её стихов публиковались в советских изданиях и за рубежом. Член Союза писателей России. В 2003 году выпустила сборник стихов «Жаворонок». В 2017 году вышла её книга «Перстень Пушкина», в 2018 — книга «Синие дали», обе они стали дипломантами литературного конкурса «Лучшая книга» Московской городской организации Союза писателей России. Является членом Литературного объединения при Доме учёных РАН.

* * *

Льются поэзии строки сакральные
Искренне, чётко, в размер.
Только у лучших найдёшь идеальный
Образов редкий пример.

Людмиле Ивановне Колодяжной

Господь отметил Вас, не пожалел он краски,
С любовью густо кисточкой водил.
И замесил на правильной закваске,
Большим талантом щедро наградил.

Здесь всё сплелось: библейские мотивы,
И век серебряный, и наших дней черёд.
Как сладок вкус сердечного надрыва,
Где стиль высокий рифма создаёт.

Мы часто слышим, как звучит гитара,
И тихо в душу падают слова,
И, словно окунувшись в эти чары,
Вы, вмиг, преображаетесь сама.

И сколько ещё будет песен спето,
Да и стихов написано не зря.
Мы пожелаем многие Вам лета.
ЛИТО — литературная семья.

На книгу Людмилы Николаевны Саницкой «Остров открытой книги (Переделкино)»

Пруд, затянутый ряскою,
Тихо дремлет — не спит,
Под изменчивой маскою
Чьи-то тайны хранит.

Тайны творчества здешнего
Все у Вас на слуху.
Просто рифмы развешены
Тут на каждом суку.

А для Вас Переделкино,
Что Кастальский родник,
Ничего здесь нет мелкого,
Важен Вам каждый миг.

Тут живёт созерцание,
Растворившись в тиши,
Как момент ожидания
Для ранимой души.

И для нас Переделкино —
Остров творческих сил:
Ничего здесь нет мелкого...
Вспомним тех, кто тут жил.

Старый дом в запустении —
И притих и поник.
Но его назначение
Сохранит Ваш дневник.

Татьяна Скорикова

Скорикова Татьяна Петровна — доктор филологических наук, профессор, участник ЛИТО Центрального Дома учёных РАН, член Литературного клуба ЦДЛ «Московитянка». Член Союза писателей России и Союза писателей XXI века. Автор восьми поэтических сборников: «Твоею жаждой стать» (2002), «Исповедание» (2002), «За живою водою» (2008), «Листаю осени страницы» (2012), «Перелетные птицы» (2017), «Медовый спас» (2019), «Я вышью радугой ЛЮБЛЮ» (2019), «С душой наедине » (2020). Участник литературных проектов МГО СП России. Имеет литературные награды. Публикуется в литературных сборниках, альманахах, газетах и журналах, на интернет-портале СТИХИ.РУ. На стихи автора написаны песни и романсы, в соавторстве с композитором Ольгой Кузьмичёвой-Молчановой выпущен литературно-музыкальный альбом «Минутой каждою с тобой».

Незримая свеча

Памяти ушедших поэтов
ЛИТО Дома ученых

Листок к листку ложится вязью строк
узор, в котором проступает вечность…
В них ниточки исхоженных дорог,
в них свет любви, добра и человечность,

где нет ни капли лжи перед собой,
а Слово обретается с годами.
и, проникаясь истиной земной,
вливается в стихи, судьбу и память…

Живут великой жизнью пера
в их творчестве простые очень вещи:
осенний лес, бульвар, снежок с утра
всегда полны в строке тревоги вещей

за всё, что есть, и было до сих пор,
и удивляться миру не устанет.
Ведет с душой неслышный разговор
поэзия прекрасными устами…

А значит с нами все они, и нет
Забвенья! Это то, что свято.
Нетленно Слово и нетленен свет
Литературы и ЛИТО — собратства!

И, замирая, хочется молчать,
когда живое полотно страницы,
пылая, дышит, как незримая свеча,
их голосом взывая к нам — трудиться…

Час Водолея судьбоносен…

Посвящение Людмиле Саницкой,
автору замечательных поэтических книг
«Пока слагаются слова»,»Час Водолея»,
«Колыбельная дождя» и многих других

Пора ещё зимы безбрежной…
Февральским вечером горит
Окошко в сини белоснежной,
А вещее перо творит!

Снежинки падают, и мнится,
Что зимний Водолей с небес
Осыпал звёзды на страницы,
Украсил ими поле, лес.

Творения души хранимы
Его космической рукой.
Сияет лик окошка с нимбом
В ночи — как пламя над строкой…

Час Водолея судьбоносен!
В нём всё: и музыка, и свет,
И Слова зрелые колосья,
И имя гордое — ПОЭТ!

На кончике пера

На кончике пера трепещет мирозданье,
на кончике пера струны мерцает звук,
и с кончика пера срываются признанья,
и ожиданье встреч и маета разлук.
На кончике пера то оттепель, то стылость,
то чуткий свет икон в дыхании свечи,
то нежное «Прости» и тихое «Простила»,
то жар бессонных строк и бред огня в ночи.

На кончике пера рождается прозренье,
предчувствие пути и родника исток,
что было, что сбылось, что станет исцеленьем,
началом и концом, скрещением дорог...
На кончике пера — то взлет души, то смута
Искание родных и дальних берегов.
Судьбой дана строка поэту, словно чудо,
Она — весь мир его, и Родина, и кров!

* * *

Да, мир лишь Божие творенье!
А Слово сотворил Господь,
чтобы вкусить в стихотворенье
Поэзии живую плоть.

Чтоб свято, трепетно, не всуе
щедроты сердца и ума,
страдая, мучаясь, ликуя,
душою воплотить в слова...

Наталия Сорокина

Сорокина Наталия — поэт, родилась в Москве в семье научных работников. Окончила Московский инженерно-экономический институт, кандидат экономических наук, преподает в Московском государственном строительном университете.

Овальный зал

В овальном зале по субботам
Танцуют старики.
Не рассказать словами, что там,
Не подобрать строки.

Не так, как в фильме несерийном,
Давным-давно,
Танцуют в стиле комедийном,
Но не смешно.

Здесь музыка звенит, играя,
Как в те года,
То говоря, то вспоминая,
Что молода.

Торжественно танцуют пары —
Лицо с лицом.
И ничего, что они стары,
Все молодцом.

А как красиво все одеты!
Хотя, кто в чём.
Здесь сапоги и здесь штиблеты.
Всё нипочем.

«Вы так свежи в цветном берете, —
Он ей сказал —
Как хорошо, что есть на свете
Овальный зал, Овальный зал»

Дом учёных

Дом Исторический в центре Москвы,
На воротах ограды — сидящие львы.
Улица много названий сменила.
Пречистенка — это она возвратила.

Много событий и судеб людских
Связано с местом; мы знаем о них.
Менялись владельцы, менялась страна,
Съезжались кареты, гремела война…

Были балы и на них танцевали,
Знатных особ в этот дом приглашали.
Были опальные, грустные дни,
Но также и быстро промчались они.

И вот Дом учёных — здесь и сейчас,
Открыл свои двери для них, в добрый час.
Общественный центр, служитель науки
Объединяет людей, их мысли, их руки.

Организует общение, отдых, досуг,
Как верный товарищ, коллега и друг.
Доклады, вопросы, научные споры,
Секций работа, переговоры.

А вечером отдых — концерт и буфет,
В зале роскошном притушенный свет.
Изящная мебель в уютных гостиных,
Скульптура, картины в рамах старинных.

А люди, а люди — с блеском в глазах!
Поклоны, улыбки у всех на устах.
Музыка в зрительном зале звучит.
Связь поколений в Доме царит.

Людмила Стасенко

Стасенко Людмила Ивановна — поэт, писатель, журналист, по профессии — преподаватель физики. Работала в школе и вузах Москвы, за границей. Много путешествует. Посетила более 55 стран мира. Впечатления о странствиях нашли отражение в литературном творчестве. Область литературного творчества: поэзия, проза, статьи для литературно-художественного альманаха «Лазурь». Автор 16 поэтических сборников, 7 книг прозы. Стасенко Л. И. — член Союза писателей России, член Российского союза профессиональных литераторов с 2015 года, участник ЛИТО ЦДУ РАН с 2012 года, член редколлегии альманаха «Лазурь». Имеет литературные награды.

Наше ЛИТО

Здравствуй, родное ЛИТО,
Умные, добрые лица.
Оно существует давно,
В самом центре столицы.

Пречистенка, Дом учёных
Нас принимает радушно.
Сколько людей увлечённых,
Способных, неравнодушных.

А встреча — эмоций накал.
Радость болезнь исцеляет.
И нас Малахитовый зал
Приветливо принимает.

Музыка в зале звучит,
Стихи читают поэты.
Время так быстро летит,
Душа пребывает где-то

В мире прекраснейших муз,
Светлых воспоминаний.
ЛИТО наш верный союз
Взаимных симпатий, знаний.

Малахитовый зал ЦДУ

Малахитовый ларец,
Словно царственный венец!
Это — Малахитов зал.
Сколько радости он взял

От поэтов, музыкантов,
Сохранил он их таланты:
Их упрятал в зеркалах,
Притаил их в люстрах, бра,

И в колоннах, и в пилястрах
Малахитовых, прекрасных.
В зеркала всмотритесь Вы:
Сколько дивной красоты

Отразилось много раз.
Ваш концерт — Вы там сейчас!
Аура зеркал сияет
И успех Вам обещает

В свете праздничных огней.
Сцена ждёт. Поэт, смелей!
Выходи и поделись
Чувствами-стихами — ввысь

С малахитовой волной
Устремись. И шар земной —
Из-под ног уходит он.
Малахитов зал пленён

Поэтической волной
И волшебною струной.
Здесь — единство красоты,
Воплощение мечты

В малахите, в зеркалах
И в мерцающих огнях.

Орденоносец

Виктору Степановичу Шкаровскому,
директору ЦДУ РАН

Поэт, певец, чечётку бьёт.
Ещё рисует. Задаёт
Тон ЦДУ, где он — директор.
Он энергичен. Взгляд — прожектор,
Он не допустит недочётов.
Ритм, дисциплина, всюду чёткость.
От жизни взял он всё, что надо.
С лихвой отдал. Ему награды —
За все дела. Огромный счёт
Медалям, орденам. Почёт
И у военных, и у штатских,
У Патриарха, в странах братских,

В России и за рубежом.
Но главное — любимый Дом
Учёных. Здесь его причал.
Все силы он ему отдал,
Он воскресил его, и в нём
Кипит работа день за днём.
Шпалеры новые, лепнина,
Паркет, наличники, гардины,
Зал белый, голубой, зелёный,
И малахит позолочённый!
Хрусталь и вазы, зеркала…
За реконструкцию — хвала!
Хвала и шефу, и коллегам!
Всё здесь от «альфа до омега»
С умом и толком, и душою
Обновлено. Но нет покоя
Ни на минуту, ни на день.
Тут не бытует слово «лень».
Концерты, вечера, лекторий,
Вот гости из консерватории,
И делегация из Думы, —
Их принимает дружелюбно
Шкаровский Виктор. «Орден Славы»
Он заслужил за всё. По праву.

19 января 2022 года

Ты навсегда народный артист

Ольге Владимировне Кузьмичёвой,
композитору и поэту

Ты родилась в музыкальной купели.
Музыка рядом, у колыбели.
Отец — композитор, мать — музыкант,
И у тебя музыкальный талант.

Окружена любовью, заботой.
Жизнь протекает точно по нотам.
В вальсе юность с тобою кружится.
Музыка всюду, нет ей границы.

Рифмы и ритмы, танго, романсы,
Классика, лирика, песни и танцы.
Концерты! Триумф! Браависсимо! Бис!
Ты навсегда народный артист.

Центральный Дом учёных Российской Академии наук
(к 100-летию основания ЦДУ)

Москва — большой интересный город. Это понимаешь особенно тогда, когда на время уезжаешь отсюда и начинаешь тосковать по старинным улочкам купеческой Москвы, по аристократическому Арбату и окружающим его улицам и переулкам, по музеям, театрам. А ещё очень часто вспоминаются те гостеприимные дома, где люди собираются по интересам: Дом журналиста, Дом архитектора, Дом литератора, Дом учителя, Дом композитора, Дом научно-технического творчества, ЦДРИ — Центральный дом работников искусств, Дом кино, Дом медработника, Дом музыки (концертные залы), Дом актёра, Дом учёных. Вот о последнем и пойдет далее речь.

На улице Пречистенке, где в XVII веке строились боярские каменные палаты, в XVIII веке создавались самые дорогие дворянские особняки. Здесь жили Лопухины, Голицыны, Долгоруковы, Орловы, Потёмкины. Усадьбы от улицы были отгорожены литыми и коваными решётками и оградами, а сады, парки, беседки уходили вглубь двора. Они сохранились до наших дней.

«История домов бывает подчас интереснее человеческой жизни. Дома долговечнее людей и бывают свидетелями нескольких людских поколений», — говорил К. Паустовский.

Так и есть. Вот дом № 16. Сейчас здесь располагается Центральный дом учёных РАН. А когда-то… Хозяева этого дома сменялись один за другим, дом многократно перестраивался. Его сохранившиеся стены помнят и хозяев, и гостей, бывавших здесь. Первым хозяином особняка стал Московский военный губернатор Иван Архаров. Затем дом перешёл к родственникам царя Нарышкиным, потом — А. Н. Мусину-Пушкину, Гагариным, Трубецким. У Нарышкиных в гостях бывал А. С. Пушкин с женою Натальей Николаевной. Н. В. Гоголь заходил в гости к А. Н. Мусину-Пушкину, русскому историку, археографу. Публикация памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» прославила Мусина-Пушкина на весь мир. Всё помнит дом! Даже, несмотря на все перестройки, помнит.

А самая большая перестройка затеялась в конце XIX века, когда особняк приобрели фабриканты Коншины. Перепланировка была поручена известному московскому архитектору Анатолию Оттовичу Гунсту, который, сохраняя стиль неоклассицизма, строит практически новый дом с элементами эклектики. Интерьеры здания восхищают своей роскошью. Вот — Зимний сад с остеклённым эркером и световым фонарём. Громадное стекло было заказано в Италии и в специально обустроенном вагоне привезено в Москву. Мраморные скульптуры и бронзовые украшения привезены из Парижа.

Золочёная мебель, паркет из дорогих пород дерева, шпалеры, золото и серебро в убранстве парадных залов, китайские фарфоровые вазы, картины, люстры, бра, — всё, для того, чтобы радовать хозяев. Но судьба распоряжается иначе. В 1916 году дом приобретает действительный статский советник, предприниматель

и банкир Александр Иванович Путилов, ставший последним хозяином дома, так как после революции 1917 года всё его имущество, в том числе и дом, было конфисковано.

В 1922 году по инициативе А. М. Горького в этом замечательном доме был создан Центральный Дом учёных (ЦДУ). К старому дому впоследствии был пристроен новый серый корпус, в котором разместились Большой зал, фойе, кафе. А в бывшем Зимнем саду теперь роскошный ресторан. Пилоны парадных ворот попрежнему украшают мраморные скульптуры львов.

Первым руководителем Дома учёных стал Народный комиссар здравоохранения Николай Александрович Семашко. Он был видным государственным деятелем, одним из организаторов системы здравоохранения в СССР. Светлая память о нём увековечена в памятнике около здания Клинического центра имени И.М Сеченова. В Москве его имя носит ЦКБ № 2 и детская клиническая больница.

У истоков плодотворной деятельности ЦДУ находились ведущие учёные страны — академики С. А. Чаплыгин, Е. А. Чудаков, М. В. Кирпичёв, И. И. Бардин, В. Н. Образцов. Н. Д. Зелинский, Б. Д. Греков, И. И. Минц, В. А. Энгельгардт, Б. А. Рыбаков, Д. Н. Прянишников.

Дом учёных всегда был привлекателен для прогрессивных деятелей нашей страны и зарубежья. На Пречистенке у Н. А. Семашко побывали: английский писатель Бернард Шоу, немецкий писатель-антифашист Леон Фейхтвангер, французский писатель Ромен Роллан, английский писатель Джон Пристли, индийский писатель, мыслитель, общественный деятель Рабиндранат Тагор.

Вторым руководителем Дома была жена А. М. Горького, Мария Фёдоровна Андреева. Ученица К. С. Станиславского, талантливая актриса, оставила сцену Художественного театра и посвятила жизнь революции, будучи всегда рядом с Горьким. В течение 15 лет она была директором Дома учёных и создала в нём структуру, которая существует и сейчас.

В настоящее время председателем Совета ЦДУ является академик РАН Александр Леонидович Стемпковский, директор Института проблем проектирования в микроэлектронике.

Жизнь не бывает простой. Она бывает более или мене везучей. Дому учёных очень повезло, что в 1990 году, в самую смуту

на должность директора был избран профессор Виктор Степанович Шкаровский, который не только возглавил коллектив, но и спас Дом от разорения, приватизации, ограбления и всяких прочих напастей. И помог ему в этом Патриарх Всея Руси Алексий II.

Виктор Степанович Шкаровский — личность совершенно уникальная. Он смог в невероятно трудных условиях организовать ремонт обветшалого здания и вернуть ему блеск старинного особняка. Ныне открыты все залы: Золотой, Белый, Серебряный, Голубой. Прекрасно смотрятся гобелены в переходах, отреставрирована мебель, бронзовые элементы интерьера.

Членами Дома учёных являются тысячи людей, которые работают в самых различных отраслях науки. У них различные профессиональные интересы, а также и различные хобби. Одной из важнейших задач ЦДУ является организация отдыха его членов. Для этого был создан актив членов Дома. Это — тридцать одарённых крупных учёных — руководителей секций, которые организуют работу 30 научных секций, творческих коллективов, студий, симфонического оркестра, хора, киносекции, изостудии, литературного объединения, вокально-оперной студии, эстрадного театра «ДУЭТ», который ставит спектакли по текстам, написанных на современные темы по типу «Капустников».

Во главе каждой секции стоит бюро, Председатель бюро. Они планируют деятельность секции, темы обсуждений, определяют выступающих, придумывают интересные формы работы.

Темами лекций являются не только строго научные направления, но и вопросы, стоящие на стыке наук. Например, директор ИЗМИРАНА читает лекцию о циклах, происходящих на Земле и на Солнце, а врач-кардиолог рассказывает о влиянии изменений электромагнитного поля Земли на организм человека.

В ЦДУ всегда уделялось много внимания занятиям с детьми. В студии народного танца дети начинают заниматься с малолетства. Детские коллективы выдают отчётные концерты для родителей и гостей. Дети — наше будущее.

Помню этот Дом со студенческих времён. Его вечера, устные журналы, концерты лекции всегда были не на «5», а на «5» с плюсом! Да и как могло быть иначе?! Вот некоторые руководители секций. Вокально-оперную студию возглавляли народные артисты

СССР, солисты Большого театра Павел Герасимович Лисициан, а позднее — Иван Иванович Петров, Елена Васильевна Образцова, Тамара Ильинична Синявская, Зураб Лаврентьевич Соткилава.

Когда в Доме учёных проходили соревнования по бильярду, то турнир открывала президент федерации бильярда Москвы народная артистка СССР Элина Быстрицкая.

На сцене ЦДУ с концертами выступали и выступают всеми любимые и всем известные Татьяна Шмыга, Иосиф Кобзон, Алла Пугачёва, Филипп Киркоров, Нани Брегвадзе, Вахтанг Кикабидзе, Олег Ефремов, Андрей Дементьев, Евгений Матвеев, Михаил Глузский, Владимир Васильев, Алла Баянова, Людмила Лядова, Валентина Толкунова, Сергей Никоненко, Зиновий Гердт и многие другие замечательные артисты, композиторы, поэты. Каждое упомянутое здесь имя — это целая эпоха в мире искусства.

Но не только именитые артисты выступают на сцене ЦДУ, но и молодые таланты становятся здесь на крыло. Так, например, современный ансамбль «Бархатный сезон», певцы Руслан Кадиров, Владислав Косырев именно здесь получили путёвку в большую жизнь.

А как принимает публика гостей ЦДУ! Это самая интеллигентная публика в Москве, не в обиду другим домам творчества и концертным залам будет сказано.

Дом учёных всегда находится в гуще событий. Здесь происходили встречи с Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным, с мэром Москвы Юрием Михайловичем Лужковым, с Нобелевским лауреатом — Жоресом Ивановичем Алфёровым и с космонавтом Алексеем Архиповичем Леоновым, и с всемирно известным офтальмологом Святославом Николаевичем Фёдоровым, и с известным учёным-физиком Сергеем Петровичем Капицей, автором замечательной телепередачи «Очевидное — невероятное».

Плодотворная деятельность Дома учёных продолжается вот уже 100 лет (!) и состоит в том, что этот Дом сплотил ведущих учёных столицы. Дом учёных — это дом творческой интеллигенции. Книжный фонд библиотеки составляет 100 тысяч экземпляров.

24 сентября 2022 года состоялось торжественное чествование 100-летия со дня открытия ЦДУ. Какой это был праздник! В Большом але аншлаг. И на балконе — тоже.

Воины Московского гарнизона вносят знамя РФ. Все встают. Играет духовой оркестр. Зачитывают телеграммы, приветствия, поступившие не только из России, но и из зарубежья. Они обращены в адрес директора ЦДУ Шкаровского Виктора Степановича. Приветствие в адрес коллектива ЦДУ направил Президент России Владимир Путин. Согласно Указу Президента замглавы Минобрнауки Елена Дружинина вручила Виктору Шкаровскому Орден Почета «За достигнутые трудовые успехи и многолетнюю добросовестную работу».

Шкаровский Виктор Степанович вот уже 30 лет н успешно руководит ЦДУ. Не счесть его высоких наград, среди которых особо надо отметить медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Патриарх Московский и Всея Руси наградил орденом святого благородного князя Даниила Московского III степени. Этим орденом награждаются за заслуги в возрождении духовной жизни России. Высоко оценил деятельность В. С. Шкаровского и Европейский Комитет по наградам и премиям Организации Объединенных наций ЮНЭСКО за сохранение памятников старины и культурного наследия и наградил его орденом «Единение».

После официальной части состоялся большой концерт мастеров искусства.

На сцене появляются артисты, которые разыгрывают небольшие сцены о событиях, происходящих в этом доме более двухсот лет назад. Какие люди здесь бывали, какую память оставили о себе! Дом пережил целые эпохи. И не только уцелел, но и прославился благодаря умным и благородным людям.

Прошёл юбилей и Дом продолжил работу в своих лучших традициях. Он идёт в ногу с политическими и научными событиями в нашей стране. Все назревшие проблемы в области экологии, здравоохранения, транспорта, экономики, науки, образования всегда не только присутствуют для обсуждения в этом Доме, но ищут ответа: как помочь обществу, народу. Благодаря заботе Российской Академии наук о Доме учёных здесь удалось сохранить неповторимую духовность творческой интеллигенции Москвы, укрепить добрые и умные традиции этого Дома.

Елена Ткачевская

Ткачевская Елена Петровна — кандидат химических наук, доцент, участник ЛИТО Центрального Дома учёных РАН, литературного клуба ЦДЛ «Московитянка», «Литературного сообщества Новые Витражи», член СП XXI века, автор книг «55 Стихо Творений» (2013); «Зимостишие» (2015); «В поисках времени года» (2017); «Стиха свободная стихия» (2021), дипломант литературных фестивалей и конкурсов. Публикуется в литературных сборниках, альманахах, газетах и журналах, на сайте «ЛИТО на Пречистенке», на интернет-порталах «Читальный зал», «Журнальный зал» и др.

Дом Учёных на Пречистенке

Охраняемы львами ворота,
Смотрят окна в вечернюю тишь.
Особняк на Пречистенке, что ты?
Неужели о прошлом грустишь?
Ностальгия неведома зданьям,
Люди могут метаться, страдать,
А дома в суете мирозданья
Молча призваны всё созерцать.
Повезло, не снесён, не разрушен,
Клёны шепчут осенний мотив,
Уверяя, что ты ещё нужен,
Добродушие приютив.
В Лету канули прошлого тени,
Не приходят сюда, как домой.
Белый мрамор холодных ступеней
Не обрёл тишину и покой.

Светлой, доброй мелодии ноты
Настигают вечернюю тишь.
Особняк на Пречистенке, что ты?
Неужели о прошлом грустишь?

5.10.2012

ЛИТО Дома учёных

Какие лица вдохновенные,
Какие искорки в глазах!
Читатели благословенные,
Они же — наши авторы.
И раскрываются в душе
Бутоны чувств и мыслей новых,
И мы торопимся уже
Облечь их в найденное слово.

13.12.2014

* * *

«Слово спускается, как некая тайна,
которую нужно «словить»,
которую нужно уловить,
услышать и понять»
(С.П.Серова)

Слово словлено
С сольным привкусом,
Слово молвлено —

Расплескалось вмиг, да без трусости.
А в солонке — соль,
Рядом — хлеб ржаной, ненадкушенный.

Не кручинься уж, подойти изволь,
Корку посоли, да покруче…
Голове — светлей, отступает боль.

Так-то лучше…

19.11.2014

* * *

Л. Колодяжной

Душа тонка и осторожна,
Ведь позабыть ей невозможно
Как лепят формы облака
И, исчезая на века,
Становятся дождём иль снегом.
А жизнь сравнима с рваным бегом
То по полям, то по горам.
Тебе я повода не дам
Хоть на мгновенье усомниться,
Что отражают наши лица
Всё, что в глубинах у души.
Так прикоснись, смотри, дыши
На проявленья жизни эти!
Бог даст — и станем мы как дети,
Всё различим, и тьму, и свет,
Где можно, скажем «да» и «нет».
Душа тонка и осторожна,
Ей по-другому невозможно.

15.08.2012

* * *

«Судьба, конечно, всё решит за нас...»
(Г. Колобова)

Судьба, конечно, всё решит за нас,
Вышёптывая стих, эссе, рассказ
О перепутьях странницы — души.
А ты — не замолкай, пиши!
Себя искать — удел и благодать
И всех сюжетов нам не перебрать
О том, что жизнь с годами скоротечней.
Но траектория мечты беспечной
Своей недостижимостью не ранит,
Но мягко и затейливо заманит
К границе мимолётности и вечности,
В пространства слова бесконечности

3.12 2012

* * *

В. А. Оганяну

Букет — из одного цветка,
А упаковка — из листка,
Где сказка напечатана когда-то.
И несказанно я богата
На проявленья теплоты
И лета добрые мечты...
Букет — из одного цветка.
И жизнь беспечна и легка.

26.08.2012

* * *

«Как говорится, после выстрела
Обратно пулю не вернёшь...»
(Е. Селезнёв)

Мы сторонимся слов заученных,
Они — по сердцу острый нож.
Мы избегаем слов озвученных,
Ведь что озвучено — то ложь
Не всё, возможно, только отчасти,
Но эта часть всего страшней.
Коль имя будет рядом с отчеством,
Быть суждено ему мудрей.
Душа, притихнув, ждёт открытия
И озарения, и слов...
Слова — как корабля отплытие,
Как с тайны сорванный покров.
Ведь мы словами заворожены
И плотно так окружены,
Неосторожными и нужными,
Они важны и не важны.
Боимся слов, подобных выстрелу,
Увязнуть страшно в недоверии.
В неверии возможно ль выстоять
И мыслить чётко и размеренно?
Как не принять слова трескучие,
Коль порох, дым и страсть, и кровь!
Их приручаем, учим, мучаем —
Такая сложная любовь!
И эту степень соответствия
Дел — помыслам и чувств — словам
В благополучии и в бедствии
В себе находит каждый сам.

1.12 2012

* * *

«Твой самолётик превратится в точку»
(Л.Колодяжная)

Что ни мгновенье, то другой
Цвет неба кружит над тобой,
А облака — как твердь земная
Рельеф мудрёный выстилают.
Ступить на них и побежать!
Велик соблазн, но избежать
Его легко: смотри и слушай,
Тихи и невесомы души
На этой высоте огромной.
А я — как точечка у дома,
Смотрю на этот твой полёт.
И точкой стал твой самолёт.

2012

* * *

Г. Колобовой

Нам помогают облака
Стихию воздуха заметить.
Их траектория легка,
Когда силён и резок ветер
Летят стремглав, ему подвластны,
Не чуя под собой земли,
Для пешеходов — не опасны.
Остановись, смотри, замри!
Стихийная заворожённость,
Изменчивость и простота.
И правит бал незавершённость.
И осень — с чистого листа.

Ноябрь-Декабрь 2012

* * *

Вл. Полякову

Возможно, что награда странствий — сад Эдем,
Иду туда тропою, освещённой Лунным светом.
Поскольку это сон, то яблок тамошних не ем.
Ищу я благодатных встреч с прозаиком, поэтом,
Всему внимаю, навостряя и глаза, и уши,
Совсем не чувствуя реальности оков,
Настроюсь понимать и слушать,
Как летописец из глубин веков
Сюжеты пишет — рифмой или прозой —
Не так уж важно, но изысканно красив
И философских не лишён вопросов
Его невиданно затейливый курсив.
И будь ты хоть прозаиком, хоть поэтом,
Имея острый глаз и вкус к столь важным мелочам,
Не позабудь, что есть река с названьем Лета.
Мы — в вечном поиске начала всех начал.
Строка течёт, с волной дробится в скалах,
Для слова ищет место, смысл, значение,
Или с шампанским пенится в бокалах,
Давая доброе и вечное свеченье.

Ноябрь–Декабрь 2012

* * *

С. Комраковой

На свой гончарный круг поэт бросает
Комочки слов как глиняную массу.
По кругу движет и кромсает
Поэт словами формы и гримасы,
Которые подбрасывает жизнь.

И всё, что мысль про чувства понимает,
Выстраивая буквенный орнамент,
Она творящему с доверием вверяет,
Живой водою будто окропляет.
За этот новый слепок слов — держись!

Он движется на жизненном пространстве,
Так смело создаваемом поэтом,
Его орбите чуждо постоянство,
Он озарен невероятным светом —
Так слепок слов себе дарует жизнь!

3.08.2014

* * *

Т. Скориковой

Замоскворецкой акающей речью
Я с пониманием отвечу,
Добавлю малость окающих слов
От дорогих мне волжских берегов.
И будет доверительным общенье,
И новых слов рожденье и крещенье,
Метафор неожиданных сплетенье,
Строфы к строфе живое тяготенье...

3.08.2014

Отзыв

на книгу литературных произведений Алёны Мак «Сердце на стебельке», Издательский дом «Глобус-стиль», М., 2013 г, 101 с.

Писать отзыв на первую книгу автора всегда волнительно и ответственно. Тем более, что книга называется так трепетно и доверительно — «Сердце на стебельке». Сразу же хочется пожелать силы, крепости, устойчивости, ритмичности…

Когда художник приходит в литературу и когда литератор обращается к художественному творчеству — это здорово, это всегда взаимное обогащение обоих видов творчества. Поэтические образы зримы, часто наделены насыщенным цветом, их формы и смысловые нагрузки легко и четко воспринимаются читателем. Автору близок образ трепетного предвестника лета, легко приходящего в движение в ответ на малейшее дуновение ветерка цветка с полупрозрачными, нежными лепестками… Автор даже творческий псевдоним взяла себе по названию этого цветка — Мак.

Алёна пробует себя и в поэзии, и в прозе, ищет свои «творческие одёжки», свой авторский почерк, свой стиль. Большинство произведений написаны под влиянием сильных эмоциональных состояний, чаще грустных. Но автор мужественно приобретает и осмысливает свой жизненный опыт и переплавляет его в литературное творчество, которое не может оставить читателя равнодушным. В состоянии счастья писать труднее…, хочется надеяться, что у Алёны есть и такая перспектива, тем более что поэтические произведения (как наиболее «концентрированный» литературный результат) удаются ей успешнее прозаических.

Мак — цветок не одинокий, растущий во множестве себе подобных. Следуя этому образу, Алёна проявляет себя автором, открытым к общению и с читателями, и с литераторами, откровенно повествующим о своих мыслях, чувствах, о жизненных этапах. От всей души хочется пожелать автору радости творчества на долгие годы, а читателю — новых её книг с её же иллюстрациями.

Е. П. Ткачевская,
к. х.н., доцент, участник ЛИТО ЦДУ РАН
2014

Стихи как одно из спасений

отзыв на книгу Николая Иодловского «Тайны призрачных видений», М., изд-во Academia, 2013, [*]

Думаю, что у всех чутких к поэзии людей есть привычка хранить, читать и перечитывать полюбившиеся книги, вырезки из газет и журналов с произведениями почитаемых авторов. Такая привычка есть и у меня. А сколько заветных папочек и отдельных файлов с прочитанным и запавшим в душу скопилось уже на «рабочем столе» компьютера! Если бы в периодике мне попались стихи Николая Иодловского, то я бы их обязательно сохранила и в бумажном, и в электронном виде, но богатство моё несравненно больше — у меня есть целая его книга (и даже с дарственной надписью).

Судьба столкнула меня с творчеством Н. Иодловского случайно, в Доме литераторов, и это была счастливая случайность. Я сначала услышала, как сам поэт читает свои стихи. Сначала эти настроения, эта ритмика, отражающие мир поэта, были восприняты на слух (как важны авторские интонации и акценты!), а потом эта первая искорка-впечатление не угасла, продолжала согревать душу. Ну, разве останется хоть капля сомнения в истинности прочитанного, если и душа, и сердце начинают вибрировать и попадают в резонанс с той внутренней частотой, с той интонацией стиха, которые и понятны, и таинственны одновременно! Такой резонанс случился у меня со стихами Николая Иодловского. Хочется согласиться практически с каждым его философским рассуждением и заключением.

Я понял истину одну,
Она в уме и сердце зрела:
Когда вся жизнь идёт ко дну,
Когда всё слишком надоело,
Одно спасение — стихи, —
И Бог простит мои грехи!

[*, с. 182]

В стихах Н. Иодловского много природы, он мастер стихотворных пейзажей с неожиданными сравнениями и метафорами.

Зачеркнут жирно неба клок,
Как неудачная строка.
Где солнца жаркий колобок?
А он на отдыхе пока!

Примчался ветер — сущий бес! —
И облака стащил с небес.

[*, с. 87]

И ещё пример эмоционально очень близкого мне стихотворения с интересной метафорой:

Раскрыла пасть ночная мгла.
Дома беспомощно повисли.
Пятнистая Луна взошла,
Мои прочесть пытаясь мысли.

Взлетели звёзды в высоту
И зачадили, словно свечи.
Сегодня сердца пустоту
Заполнить нечем.

[*, с. 23]

Язык поэта внешне прост, но это скорее философская лаконичность, желание поскорее, покороче сказать главное, не утратив вдохновение и взаимопонимание с Музой (отношения с которой выстраиваются не так уж и просто).

Музы съехались на бал,
И моя танцует где-то,
А судья — сама судьба,
Призвала их вдруг к ответу.

Для чего они живут
И кому серьёзно служат?
Настоящий строгий суд
Без гримас, насмешек, кружев.

Все клялись наперебой:
Их призвание высоко.
А моя, передо мной,
Лишь рыдала одиноко.

[*, с. 11]

Судьба поэта тесно переплетена с судьбой Отчизны, так остро чувствуется боль гражданской лирики от того, что «Стоит Отчизна на ушах», а вечный вопрос — «что делать?» — продолжает мучить:

…
Не сложно на ноги встать мне,
А каково стране?

[*, с. 31]

Но автору всё-таки ближе лирические настроения, навеянные любовью, природой, музыкой…, в них его вдохновение и утешение.

Мелодия

Касается душа фортепиано,
И пальцы разбиваются о звуки.
Мелодия восторженно и странно
О радости поёт и о разлуке.

Смеётся то по-доброму, то — пьяно,
Соседствуя с царицею печали.
Святое существо — фортепиано:
В садах и парках птицы замолчали.

[*, с. 37]

А как это близко и понятно, когда настроение человека находит отклик в природе. И даже без традиционной рифмы получается проникновенное стихотворение — верлибр.

Раздражение

Очень хочется
Повыть на Луну,
Но небесная странница,
Наверное, чувствуя это,
Сбежала,
Оставив облако,
На которое я могу вылить
Своё раздражение.

[*, с. 156]

Пытается поэт разгадать и/или почувствовать тайну творчества, тайну рождения стиха, но на то она и тайна, что никогда нет уверенности в её постижении. И никогда толком не понятно «из какого сора растут стихи»**, можно только догадываться, только предполагать.

Полунамёки,
Полувздохи,
Видений призрачных мазки.
Я собираю эти крохи —
И вновь рождаются стихи.
…

[*, с. 48]

Есть у поэта Николая Иодловского стихотворение, сродни молитве. А где ещё, как ни в молитве раскрывается всё самое важное и сокровенное!

Храни меня

Храни меня от шуток дикарей,
От злого глаза и упадка нравов.
Храни от стычки жёсткой и кровавой
И от ошибок разных там судей.

Храни меня от глупостей моих,
От нелюбви к Отечеству и славе,
Невдохновенья и друзей лихих,
И от возможности прослыть неправым.

Храни от охлаждения жены
И от стихов никчемных и бездарных,
Храни от слухов вредных и базарных,
От нелюбви моей родной страны.

Храни меня, Вселенская судьба,
Храни же, непокорного раба!

[*, с. 48]

А если человек стал поэтом, то судьба его хранит пуще прежнего, потому что именно «поэзия — видовая цель развития человечества»***, и так хочется в это верить…

**А. Ахматова, 1940 г.; http://www.bibliotekar.ru/encSlov/10/105.htm

*** И. Бродский. Речь при получении Нобелевской премии, 1987 г.; http://brodsky.ouc.ru/rech-v-shvedskoy-korolevskoy-akademii-pri-poluchenii-nobelevskoy-premii.html

Елена Ткачевская,
к. х.н., доцент, участник ЛИТО ЦДУ РАН,
член Союза писателей XXI века.

14.05.2014

Благодарное отражение

Отзыв на книгу Людмилы Колодяжной «Отражением в глазах застыть…», М., «Вест-Консалтинг», 2014 г.

Бывают в жизни такие ситуации, когда приходит чувство глубокой благодарности. Благодарность следует за добром в одной связке. И как же хорошо, когда есть возможность выразить эту благодарность книгой, мудрой и доброй. Литератор почти всегда выражает пережитые чувства, в том числе и чувство благодарности, книгой или даже одним произведением, или даже одним абзацем, одной строфой, но непременно обращёнными к первопричине этих чувств. Про такие произведения-благодарения говорят, что идут они из самых глубин души, сами как чувства выстраданные и выплеснутые, откровенные и пронзительные.

Благодарим кого? Господа Бога, Ангела-хранителя, любимых и близких людей, тех, кто рядом, и тех, кто в душе и сердце. И это чувство благодарности в итоге связывает нас всех и погружает в одно пространство добра.

Стихотворения Людмилы Колодяжной обо всём об этом. Стихи и про отношение к жизни, то оно по-женски чуткое, лирическое:

«Как мало нужно — чтобы длился вечер,
и Ангел оживал на образах,
чтоб вскидывал ты руки мне на плечи
и поцелуем прикрывал глаза…»,

а то — мятущееся, тянущееся к вечным поискам своей «половинки», рвущееся

«сюда, где встречаются вместе вновь
жизнью разбитые части…
Сюда, где хочешь сказать: «любовь»,
а произносишь — «счастье»…,

и в то же время вполне философское, с ощущением связи с мудростью прошлого

«Дозволь — и мне за горизонт шагнуть,
на миг земные позабыв картины.
чтобы остался только — Млечный путь
и облаков мерцающие льдины.
Кремнистый путь — вначале непревычен,
но лермонтовским словом освящен…
Там виден склон крутой горы Масличной
И серебристые склоненья крон».

После прочтения книги (на одном дыхании!) трудно выделить какое либо стихотворение, они как бы сплетаются все вместе в спасительный венок-круг, помогая читающему. Когда помогая?

«Когда страницы рвут и нити рвутся,
и жизни катятся, куда хотят,
когда хотят уйти, вернуть, вернуться,
не веря в стенки тонкие преград».

Глубокая благодарность автору и за мудрый взгляд, и за отражение этого взгляда, и за точное, доброе слово, которое может сказать только Людмила Колодяжная, доверительно, признаваясь нам:

«Ведь я творю при лунном свете,
Как бы Создателю в ответ —
Из снов, из слов, из междометий
Лишь то, чего на свете нет».

И читатель ждет этих новых откровений и творений с трепетом и благодарностью.

Елена Ткачевская,
к. х.н., доцент, участник ЛИТО ЦДУ РАН
11.03.2014

Поэт рисует слово…

о книге стихотворений Людмилы Колодяжной «То, что в памяти я утеряю», М., изд. «Вест-Консалтинг», 2019. [*]

Слово поэта — явление непростое, многослойное, вневременное, не ведающие границ какого либо пространства (Земли? Вселенной?), но при этом близкое и понятное чуткому читателю, созвучное его внутреннему состоянию, поскольку движения мысли и души поэта и читателя в итоге попадают в резонанс, что во благо им всем и миру всему. Всё пережитое и передуманное, и перечувствованное поэтом не может кануть в небытие, если всё отражено в слове. Слово начинает жить своей жизнью, сохраняя память или даже меняя её. Не теряется из памяти только зафиксированное в слове («…лишь слову жизнь дана», — напоминает И. А. Бунин).

А для кого, для чего пишет, говорит поэт? Сначала поэт говорит потому, что не сказать не может, потому что должен сказать и за себя, и за тех, кто сам сказать не может. В начальный момент обращения движений мысли, души в слова поэт одинок, сосредоточен на себе, так нужно ему это состояние silentium… Но литературный процесс на этом не останавливается. Поэта читают и слышат собратья по перу и близкие по духу читатели. Их может быть не много, но они должны быть, ведь именно о таком этапе жизни стиха сказал А. С. Пушкин: «И славен буду я, пока в подлунном мире жив будет хоть один пиит…».

Тема одиночества поэта неоднократно звучит в философской поэзии Людмилы Колодяжной. И её одиночество — это не отрешённость от мира, не уход от людей в глубины своих проблем и переживаний. Одиночество переплавляется поэтом в вызов окружающему миру с его катастрофической потерей системы ценностей, человечности, духовности, любви. Л. Колодяжная ярко и глубоко способна отразить словом и это одиночество поэта, пережитый душевный надлом, сущность бытия («Я возьму кусочек прозы жизни нашей, / разобью и склею заново по строчкам, / чтоб склониться, как те Ангелы над чашей, / в час, когда поставит Кто-то где-то точ-

ку», цит. по [*], стр. 15). Она чувствует связь со всем литературным процессом, со всей несущей свет поэзией, часто обращается к Пушкину, к творчеству поэтов Серебряного века («Я продолжаю то, что до меня / возникло в пожелтевших чуть страницах, / я просто часть упавшего огня,/я лишь звено в протяжной веренице», цит. по [*], стр. 17). И о том же говорит стихотворение Л. Колодяжной из Дневника 2018 г. от 18 февраля (цит. по [*], стр. 162–163) с эпиграфом из О. Э. Мандельштама:

* * *

«и тоска размаха»
Мандельштам

Размаха смертного тоска,
Мощёный двор, и словно —
пред тобою мел, доска,
звук проникает в Слово.
И набирает высоту,
свободный, словно птица,
чтобы заполнить пустоту,
вернувшись вдруг к странице.

Пересекаю старый двор,
с тобой — открытый остров,
веду со звуком разговор,
слов всё слышнее поступь.

Звук должен лишь лететь, лететь,
ведь он подобен птице,
звук должен ведь ещё успеть,
пройдя берёзовую сеть,
вернуться на страницу.

И я должна, пройдя сквозь двор,
Вдруг птицей обернуться,
чтобы продолжить разговор,
чтобы к тебе вернуться.

Людмила Колодяжная много размышляет о роли поэзии в жизни человека и человечества, но главной темой в её лирико-философских стихах выступает всё-таки любовь как главное чувство, являющееся основой жизни, фундаментом человеческого общения, опорой и камертоном в любом творческом процессе. Вот короткая, но очень трогательная весенняя цитата из Дневника 2018 года от 15 марта (цит. по [*], стр. 170):

«Всё тише, тише бьётся сердце
и даже под твоей рукою,
всё тише жизнь, но нет покоя —
куда же от любви нам деться…»

Хочется согласиться с Л. Колодяжной в том, что «Поэт не требует похвал, / его награда — это Слово» (цит. по [*], стр. 80), но в то же время нельзя не отметить, что поэтическое слово Людмилы Колодяжной органично и ярко вплетается в венок русской поэзии, продолжая её классические традиции.

Елена Ткачевская,
член СП XXI в.

13.10.2019

Такое манящее счастье творить…

О книге Галины Гашуниной
«Цветок, сулящий счастье»,
М., 2014 г.

Редко удается проследить, прочувствовать рост литературного мастерства, самоотверженное и серьезное погружение в литературный процесс, которое становится всё глубже, всё ярче окрашивается пламенем вдохновения… Но в отношении прозы Галины Гашуниной мне это удалось наблюдать на протяжении последних двух-трех лет. И сколь отрадно и радостно это наблюдение за рождением мастера, литературное творчество которого волнует неравнодушные умы и сердца читателей и надолго остается в душе! Автору есть, что сказать в литературе и автор знает, как это сказать. Вот в этом-то и заключается тот прочный фундамент для стартовой площадки на пути Галины Гашуниной в литературу. И с каждым шагом по этому пути автор становится всё более уверенной и свободной, ведь сформулированная и высказанная мысль, разобранная «по деталям» ситуация, с помощью слов и мыслей вновь пережитое чувство — всё это бесценный человеческий опыт, который можно вынести, пронести и донести с помощью литературного труда.

Очень многое в творчестве Галины Гашуниной находит отклик в моей душе, знаки эпохи близки и понятны (мы одного поколения). А то, что приход в серьёзную литературу не случился в юном возрасте, так это совсем не страшно, зато как трепетно Галина выражает благодарность родным и близким людям, поддержавшим и поддерживающим её на литературном пути. А реальные впечатления и переживания дают творчеству такую объёмность и выразительность, которую можно достичь лишь человеку зрелому. Галине удалось сделать плавный шаг от журналистики (заметки о художественных выставках, о творчестве художников) к литературе, где образ лирической героини или героя вырастает из всего жизненного опыта автора, где очень разумный баланс придуманного и реального, сплавление которых и создает литературное произведение.

Начинается книга с описания детских впечатлений соприкосновения с такой литературой, которая значима для каждого русского человека, с творчеством А. С. Пушкина. И в рассказе «Девочка и Пушкин» мы находим ещё одно подтверждение того, что «Пушкин — наше всё!». Впечатление от рассказа остается светлое, доброе. Как близко и понятно состояние девочки, полюбившей впервые открывшиеся ей сказки великого поэта. «*Читая, она все больше и больше погружалась в восхитительный волшебный мир. Привычная домашняя обстановка исчезла, появилось волнующее, завлекающее, сладостное видение, оно возникло как что-то реально-ощутимое, объемное, созданное чарующим слиянием звуков и ритмов пушкинской строфы*».

В творчестве Г. Гашуниной часто чувствуется связь реальных жизненных событий с мудростью классической литературы. «*Доброта для души то же, что здоровье для тела: она незаметна, когда владеешь ею, и она дает успех во всяком деле*». *Это философское высказывание Льва Толстого напрямую относится к героине моего рассказа» — вот какие точные обобщения даны автором в рассказе «Зеркало души».*

Лирическая интонация рассказа «Дачники» потрясла меня до глубины души ещё и потому, что этот рассказ был мною впервые не прочитан, а услышан в исполнении автора и запомнился легко и сразу, до мелочей, я даже потом легко смогла пересказать его. Вот что значит проработанный сюжет и легкий язык, произведение получилось похожим на затейливое, искусное кружево, равнодушных к которому нет. Но, несмотря на внешнюю лёгкость повествования, задача автора непроста, ведь предпринята попытка рассказать о том, что же такое любовь. И весь рассказ можно воспринимать как один из вариантов ответа. У читателя не остается сомнения, что любящие люди смотрят друг на друга особо добрым взглядом и способны прощать промахи. Вот ведь они какие, простые и важные характеристики любви. «Венский вальс» и «Символ верности» тоже о любви, но читаются с подступающими слезами, поскольку есть напоминание о смерти, переводящей любовь в другое состояние, где нет легкости, но есть незыблемость памяти.

Чувствуется, что тема человечности не менее важна для автора, ведь именно об этом и «Справедливая Фемида», и «Лепта в сокровищницу души». Оставаться человеком в любой ситуации — вот главный жизненный стержень героев этих рассказов, и главные герои положительны, и рассказы получились жизнеутверждающими. Всегда ли так в жизни бывает? К сожалению, не всегда…, но должно, чтобы всегда торжествовали добрые дела, и к этому хочется стремиться. Герой и стремится, и делает свой выбор, и «на сердце у него потеплело. Абсолютно новое чувство сопричастности к посторонней беде открылось ему. И пусть сумма, которую перечислил он фонду милосердия, была каплей в море его денежных средств, она стоила большего. Услышав безнадежный крик и отозвавшись на него, он стал духовно богаче. Изменившееся мировоззрение заставило его отныне иначе относиться к вещам, событиям и людям. Оказание реальной помощи больным детям стало его насущной потребностью». И прочитанному безусловно веришь, и все симпатии читателя на стороне автора и его героев. Это — литература доброты.

Почерк зрелого мастера ярче всего чувствуется в последних трех произведениях сборника. Как проникновенно написала Г. Гашунина о легендарном победителе конкурса пианистов 1958 г., о Ване Клиберне: «…*искусство поистине не знает границ. Оно является той чудодейственной силой, которая стирает время и расстояния. Вот он, так близко от меня, кумир молодежи пятидесятых годов, чье творчество, освещенное девизом "наша миссия — не дать умереть классике", помогло миллионам людей открыть мир классической музыки. А сейчас это старый музыкант, проживший большую, напряженную и не очень счастливую жизнь. В какой-то миг глаза Клиберна увлажнились. И я остро прочувствовала его состояние. Он словно на мгновение вернулся в тот прежний мир, мир триумфа и победы, когда ему его будущее казалось многообещающим и безмятежным. Но сложилось иначе. Музыкант довольно быстро исчерпал свои возможности, и карьера выдающегося пианиста — исполнителя закончилась. А когда-то сам Рихтер говорил о том, что в игре Вана Клиберна присутствует "что-то сверхъестественное". Последние годы, проведенные пианистом в одиночестве и практически в полном уединении,*

сказались на его физическом и эмоциональном состоянии. И сейчас эта теплая встреча в Москве с друзьями, со столичной публикой, которая все еще помнила и любила его. Он всю свою жизнь собирал и свято хранил каждую, упоминающую его имя, вырезку из советской прессы, каждый сувенир, связанный с Советским Союзом. Клиберн говорил: "Я до конца своих дней буду любить Россию. Вот мои верные старые друзья — русские зрители… сколько прожито с вами. Сколько перечувствовано. Ваша любовь меня поддерживала тогда, в 1958-м, помогает и сейчас. Феноменальные люди. Феноменальная страна"».

Написанный Галиной Гашуниной рассказ о трагической и героической судьбе своего деда Ивана назван так, что предчувствие ужасных событий возникает уже после прочтения заглавия, «*Когда надежда умирает первой*». Из скудных сведений о военной судьбе деда, из семейных историй о довоенной жизни Г. Гашунина создала такое целостное и такое эмоционально сильное повествование, что его невозможно читать без слёз… Пусть через много лет, но внучке удалось сказать такие нужные и для деда, и для потомков слова: «*Мы с моей дочерью, правнучкой Ивана, обнявшись, стояли у обелиска, воздвигнутого в 1948 году в память узникам концлагеря. Плача, я шептала: "Дедушка, дорогой! Твоя мученическая смерть сродни бессловесному героизму. Несмотря ни на что, ты до последней минуты оставался человеком и одержал победу над жаждой фашистов поставить наш народ на колени. Спасибо тебе за высоту духа, за преданность своей стране, спасибо за единственную и бесценную для меня жизнь, которую ты оставил после себя в лице моей неповторимой мамы"*». Да будет благословенна память о жертвах Великой Отечественной войны, и как важно, что в каждой семье эта память живёт, нашим детям передаются незыблемые основы человечности и любви, позволяющие четко разграничивать добро и зло, чувствовать фальсификацию и посягательство на разрушение священных понятий.

В своем творчестве Г. Гашунина обращается и к событиям двухвековой давности, относящимся к «золотому веку» в истории русской литературы. Эссе «Незримой нитью переплетенье судеб» написано в год 200-летия М. Ю. Лермонтова, но оно о человеке, не имеющем прямого отношения к литературе. Все внимание

автора привлек врач Иустин Ефимович Дядьковский, «*Он лечил многих известных людей того времени. Среди его пациентов были Гоголь, Погодин, Грибоедов, Чаадаев, Белинский, актеры Мочалов, Щепкин, композиторы Алябьев, Варламов. Исключительно силой таланта в годы жесточайшей цензуры пробился он к вершинам науки, когда все новое и незаурядное, особенно если исходило оно от отечественных ученых, беспощадно душилось. Дядьковский в силу многочисленных дарований, данных ему от природы, был человеком энциклопедических знаний. Владел шестью иностранными языками, заведовал кафедрой в Московском университете. Его обожали студенты, боготворили пациенты. Чего только стоил один выход на публику уважаемого профессора. Обладая отменным здоровьем и исключительной харизмой, в расстегнутом на морозе пальто, постукивая тростью, важно вышагивал он по улицам Москвы, притягивая восхищенные взгляды прохожих*».

Судьбе было угодно свести вместе на непродолжительный срок поэта Лермонтова и врача Дядьковского. История конечно же не приемлет сослагательного наклонения, но литератор может предположить иной сюжет развития событий, нежели реально имевший место. «*Когда ничего не ведавшему Иустину Ефимовичу сообщили о смерти Лермонтова, он, успев горячо привязаться к поэту, очень тяжело перенес эту весть. Будучи и сам неизлечимо болен, доктор пережил поэта только на шесть дней. Если бы только Дядьковский знал о предстоящей дуэли Лермонтова, о причинах тоски его смертной, думаю, нашел бы он, человек неравнодушный, опытный врач-клиницист, нашел бы он нужные слова для смены психологического состояния поэта и осознания им ценности своей жизни и значимости своего творчества не столько для себя, сколько для будущих поколений образованной и читающей публики. Исход поединка с Мартыновым мог бы быть другим*». Чувствуется, что при работе над этим произведением Галина Гашунина прочитала и осмыслила много сведений из мемуарной и научной литературы, и это позволило ей составить свою версию возможного развития событий в жизни талантливого поэта.

Галина Гашунина — писатель смелый, одновременно лиричный, ироничный и серьезный, но уж точно не скучный, не статичный, а пишущий так, что ощущается живая нить её творчества,

непреклонное развитие и совершенствование. С книгой такого автора хочется остаться наедине, читать и сопереживать, и думать, думать…

Елена Ткачевская,
к. х.н., доцент, участник ЛИТО ЦДУ РАН,
член Союза писателей XXI века.

18.05.2014

Раздумий сложный мир

Отзыв на книгу стихов Татьяны Лепилиной «О жизни. О смерти. О себе», М., 2011 г.

Как читатель узнаёт о существовании поэта? Как поэт становится известным? В наше время эти вопросы решаются не только изданием книги, но и с помощью электронных носителей информации. Почерк профессионала в поэзии Татьяны Лепилиной чувствуется с первых же строк, ясно, что она не новичок в литературе, но почему-то в Интернете мне удалось найти всего две (!) ссылки на публикацию её книг и совсем не удалось найти текстов этих или других публикаций. Возможно, что это свидетельствует о скромности автора, о нежелании активно участвовать в литературном процессе, о стремлении отдать все силы сосредоточенному творчеству и уединению. По мере прочтения стихов только укрепляешься в этом мнении.

Значит, сам факт попадания мне в руки книги Татьяны Лепилиной — редкая удача, и ещё большей удачей оказалось моё почти полное приятие её поэтического пространства. Мне близко и понятно это отважное желание «приоткрыть сложный мир своих раздумий и переживаний» (как сказано в аннотации книги).

Стихи и авторские иллюстрации в книге сосуществуют в большом согласии, хотя представляются мне вполне самостоятельными творениями. Этим стихам и рисункам совсем

не обязательно дополнять друг друга, что-то договаривать друг за друга, они — самодостаточны.

Про стихи Татьяны Лепилиной можно сказать, что они написаны не столько для аудитории, сколько для самого же автора. И если читатель или слушатель не обнаружит общности с внутренним миром автора, то вряд ли он сможет понять стихи так глубоко и ёмко, как они того заслуживают. Это характерно для серьёзной литературы, не рассчитанной на мгновенный успех и прямое попадание в русло модных тенденций.

Состояние одиночества и осознание своего внутреннего мира составляет большую ценность для поэта и для доверившегося ему читателя, их общение через книгу будет очень тонким и задушевным, и, скорее всего, неспешным и длительным (в смысле, многократного обращения читателя к поэзии). Доверительность и даже интимность стихов тяготеет к камерности поэтического пространства, не предполагает немедленных бурных аплодисментов и шумного эстрадного успеха. Стихи Татьяны Лепилиной опираются на более чем двухсотлетние традиции классической русской поэзии. Она пишет в рамках традиционной силлабо-тоники, используя разнообразные формы стихосложения и рифмовки, хотя и белый стих гармонично вплёлся в начало книги. В строфике и рифмовке у Татьяны Лепилиной трудно выявить какие-либо предпочтения, она отдаёт дань разнообразию в рамках поэтической традиции.

В стихах приятно радуют удачные рифмы, например, такие корневые рифмы, как «детства/деться» (с. 7), «быстрей волны/вольны» (с. 9), «третий/ответить» (с. 58), неточные рифмы «очаг/сквозняк» (с. 18) и обычные рифмующиеся окончания также звучат неожиданно «конфуз/союз» (с. 62), «задача непроста/с белого листа» (с. 64).

При построении поэтического текста Татьяна Лепилина, как правило, использует вполне конкретные образы окружающего её пространства, текущих событий, но есть стихотворения с неявными, лишь подразумевающимися, образами, или с весьма неожиданными и яркими, например, «ломкий полёт» (с. 9), «беспокойное шмельё» (с. 13).

Ощутимый объём и глубину образу обеспечивают тонко подобранные эпитеты. Можно отметить своеобразие эпитетов («бетонный слой набухших облаков» (с. 31)) и метафор («в русле чавкающих звуков», «осуществляя перистальтику проулков» (с. 31)), а сколько тонкой иронии и контрастных сопоставлений в стихотворении «Диалог» (с. 22–23)!

Из особенностей синтаксиса в стихах Татьяны Лепилиной можно отметить удачное использование инверсий («однажды двери на звонок открою я» (с. 35), «Не зная, где же в цель его своим лицом уткнёмся мы» (с. 44)), анафор («Лечу — радушна, радужна, без веса!/Лечу — себя лечу от зла и стресса.» (с. 58))

К сожалению, книга стихов не лишена словосочетаний, вызывающих *стилистический и/или семантический протест*: «Здесь, *не* развилке, я покину вас» (с. 12), «Зачем обрёк познать *огня, воды* и *медных труб*?» (с. 48), «серебряник Луны без *номинала*» (с. 50). Трудно согласиться со строфикой стиха на с. 46–47, ведь если выстроить строфу из двух стихов, то и с рифмой всё будет нормально!

В большинстве стихов флёр философской лирики и тонкой иронии очевиден. И даже настроения тревоги в стихах, описания состояний безотрадности, муки и беды не гнетут, а всё равно несут тот внутренний свет поэтического слова, который необъяснимо, но явно чувствуется читателем с тонкой душой. Поэзия Татьяны Лепилиной образна, живописна и музыкальна одновременно.

Елена Ткачевская

25.02.2017 г.

Заметки

о книге Веры Павловой «Божественное провидение», М., 2019

Направление движения и маршруты перемещения мыслей писателя трудно предсказать, ведь в литературном пространстве одновременно и равноправно сосуществуют и будущее, и настоящее, и прошлое. И время в литературном пространстве протекает по законам, отличным от реальной жизни, ведь время в художественном произведении может менять и скорость, и направление, при этом всё соединяя… Вопросы, сформулированные ещё Аристотелем, волнуют и нас: «*Каким образом появится предшествующее и последующее, если не существует времени? Или время, если не существует движения?*» [Аристотель. Физика. Собр. соч. в 4-х тт., Т. 3., М., 1981, VIII, 1, 251 b, 10–15].

И вослед рассуждениям Аристотеля писатели многих поколений дают нам это чувство времени, чувство движения мысли, в которой равноправно существует и настоящее, и прошедшее. В мемуарах писатели, по существу, обращают движение времени вспять, вектор времени меняет привычное нам направление: из устремлённого в будущее время в воспоминаниях становится устремлённым в прошлое, при этом периодически устремляясь и в настоящее.

Писатель обязательно пишет о себе, о чём бы он ни писал, даже если его творения — не мемуары, а сочинение с выдуманным сюжетом, но всё равно читателю предстоит узнать самые сокровенные мысли и чувства автора, даже если они спрятаны в метафоры или облачены в неожиданные эпитеты, контекст может быть совсем неожиданным, но авторское «Я» для внимательного и чуткого читателя обязательно прояснится, никогда не затеряется. С творчеством Веры Павловой именно так и происходит. Пишет она, как правило, от первого лица, доверительно сообщая читателю самые сокровенные мысли о прошлом и настоящем: «*Так я размышляла о бренности нашей жизни. И вдруг на меня нахлынула волна воспоминаний. Одна, Вторая, третья. И понесла меня в те далёкие годы моего детства. Сопротивляться было бесполезно.*

Выход один — садись и пиши.» [В. Павлова. Божественное провидение, М., 2019].

Эти небольшие рассказы можно отнести к жанру мемуаров (от фр. mémoires — воспоминания). Ярко и объёмно доносят они до читателя дух того времени, на которое пришлось военное и послевоенное детство писателя. Конечно же, это были нелёгкие времена, но для ребёнка война и лишения — фон жизни, его детской жизни, в которой переплетены и радости, и горести. *«Детские воспоминания, детские воспоминания.… И радостные и горестные. Они остаются с нами на всю оставшуюся жизнь.»* [В. Павлова. Божественное провидение, М., 2019]. Рассказы Веры Павловой по стилю передачи духа времени перекликаются с мемуарной литературой о детских годах 30–50-х годов XX века (*Баранович-Поливанова А. А.* Впечатления послевоенной поры: воспоминания//Знамя. 1996. № 5. С. 145–158; *Гурченко Л. М.* Аплодисменты. М., 2003; *Таривердиев М. Л.* Я просто живу. М., 1997; *Дуров Л. К.* Грешные записки. М., 2000 и др.)

Судьба ребёнка в рассказах Веры Павловой всегда тесно связана с приметами времени, с судьбами родных и близких. *«Война. Что может быть страшней войны? Ребёнок и война — совершенно не совместимые понятия. Ребёнок — начало жизни, торжество жизни. Война — в любой момент конец жизни. Эти два слова, два понятия никогда не должны встречаться вместе. Их сочетание противоестественно.»* [В. Павлова. Божественное провидение, М., 2019]. *«Судьба страны складывается из судеб её людей. Удивительные судьбы!»* [В. Павлова. Божественное провидение, М., 2019].

Даже если автор пишет только о фактах своей биографии, именно о своём детстве, его произведение всё равно связано с теми общими приметами времени, с тем периодом истории, который обязательно вплетается в общее повествование. *«…Как к советскому режиму не относись, но там осталась изрядная, если не большая часть жизни современников. Мы все столкнулись лицом к лицу со стихией забвения… завидная неосведомленность новых поколений грозит обернуться полным взаимонепониманием…»*, — отмечает С. Гандлевский [Круглый стол «Мемуары на сломе эпох» // Вопросы литературы. 1999. № 1, с. 13–14].

Чувство ностальгии периодически появляется в рассказах-воспоминаниях, оно *«выполняет защитную функцию культурной памяти по "удержанию" ускользающей исторической среды»* [*Янковская Г. А.* Ностальгия в стиле социалистического реализма в культурной памяти постсоветской России 1990-х гг. //Век памяти, память века, с. 352].

Для любого человека воспоминания о детстве очень трепетны и значимы, важность этих воспоминаний трудно переоценить. Образы детства обычно идеализированы. Какова степень достоверности этих воспоминаний? Ответ на этот вопрос в случае художественной литературы не так уж и важен. Но и для историков эти описания детства представляют несомненный интерес, поскольку это индивидуальное описание накопления жизненного опыта в иных источниках может быть и не зафиксировано.

Именно в детстве начинают проявляться способности, данные свыше, и наклонности, и основные черты характера. Вот как описан у Веры Павловой интерес ребёнка к словообразованию: *«Я мысленно повторяла понравившееся мне слово — авоська. Это потом я узнала, что авоська — это сплетённая из толстых ниток сумка. В сложенном состоянии она занимает очень мало места, вмещается в любом кармане одежды. Идёшь по улице — авось что-нибудь продают, достал авоську из кармана, положил в неё то, что купил, и идёшь дальше.»* [В. Павлова. Божественное провидение, М., 2019].

Следует отметить, что рассказы о детстве у Веры Павловой напоминают то поток воспоминаний, то некую мозаику впечатлений или коллаж с сюжетными смещениями. Это вполне объяснимо удалённостью детских лет от времени написания мемуарных рассказов. Но эмоциональность ребёнка обостряет процессы запоминания, в памяти сохраняются сильные чувства и наиболее яркие события. И нет никаких сомнений, что именно детство даёт основу жизненному пути автора.

«Когда сели за стол, дедушка встал и сказал:

— Дорогие мои, помните, что самое большое счастье, когда в семье любовь и дружба, когда мы все вместе. Этим надо дорожить!» [В. Павлова. Божественное провидение, М., 2019].

Создание каждого нового произведения для автора подобно штурму намеченной вершины. «*При восхождении всё внутри тебя сконцентрировано на одной цели — достичь вершины. Вектор движения направлен только вверх. Целеустремлённость колоссальная! Вперёд, вперёд к вершине!*

И, наконец, ты на вершине! Ты покорил её! Фантастика! В такие минуты ты как будто паришь над землёй, и всё тебе подвластно, всё достижимо. Было нелегко, но ты преодолел все трудности».

«*Видя такую необыкновенную красоту, душа твоя как будто вырывается из тебя и летит над вершинами гор, покрытыми искрящимся на солнце снегом, над изумрудными коврами равнин, долетает до самого синего моря. Летит и очищается от всего низменного, наносного, злого, негативного. И возвращается к тебе, наполненная любовью, восторгом и радостью.*

И главное, все эти чувства не расплескать, а донести и отдать людям…» [В. Павлова. Божественное провидение, М., 2019].

И писателю Вере Павловой это восхождение на намеченную вершину удалось!

Елена Ткачевская,
к. х.н., доцент, секретарь ЛИТО Дома учёных РАН,
член СП XXI в.

2018

Заметки о сборнике стихотворений

Бориса Ольхова
«Дышать с тобой наедине», М., 2018 г.

Чем больше в стихотворении настроения, чувства, страсти, описаний сильных эмоциональных вспышек, тем быстрее принимаешь и понимаешь такую поэзию, доверчиво погружаешься в неё, доверительно говоришь о ней устно, и в то же время понимаешь, что анализировать такую поэзию, писать о ней труднее, поскольку обладающее простым сюжетом или практически бессюжетное поэтическое пространство настраивает читателя на резонансное с автором состояние созерцательности, аналитическая составляющая процесса восприятия уходит на второй или ещё более дальний план. Поэзия чувства принимает законы обратной перспективы, склоняет читателя к неспешной рефлексии, быстро и тонко понять и принять острые, сильные эмоции, особенно связанные со страданием, просто невозможно, ибо сострадание приходит медленно, во всяком случае, медленнее понимания. Тема присутствия в жизни антагонистических состояний и проявлений соответствующих антагонистических сущностей присутствует в поэзии Бориса Ольхова достаточно явно, давая возможность читателю прочувствовать философскую глубину рассуждений и мыслей автора. Обращения к Музе от первого лица придают тексту интимность, доверительные интонации.

Находят через зло стихий
Друг друга родственные души.
Ещё никто мои стихи,
Как Ты, внимательно не слушал.
Улыбка на твоих устах
Или волнение во взоре,
Или в глазах невольный страх,
Но в робких слов моих узоре,
Как и в печальной седине,
Найдёшь открытое признанье,
Моё заветное желанье —
ДЫШАТЬ С ТОБОЙ НАЕДИНЕ.

[см. стр. 2

Поэт, как и любой человек, воспринимает драматические события как неожиданные, но преображение пережитого в слова даёт возможность поэту (да и читателю) отреагировать ожидаемо, оставаясь на высоте человеческого духа и мироосмысления. Слово, становясь памятью, приобретает независимость от категории времени. Но память, как и слово, не лишены обречённости, что вносит в творчество нотки экспрессионизма. Все эти настроения прослеживаются в поэзии Бориса Ольхова.

Любовь моя, тебя не стало рядом,
И жизнь моя бессмысленно пуста.
Цветущий сад одним шальным снарядом
Изрыт, сожжен, изломан до куста.

[см. стр. 91]

Поэтом обозначен отход от трагических тем и настроений экспрессионистского пространства, хотя цветопись отражает состояние тревожности и страха, но обращение к природе благотворно для мятущейся души.

Приходит август. Вечера длинней.
Листва берёз под солнцем золотится.
Дыханье осени всё ближе, всё сильней,
А в сердце грусть невольно шевелится.

Прозрачная, как чистое стекло,
Печальная, как окончанье встречи,
Приятная, как ласка и тепло,
Тревожная, как уходящий вечер.

Мы ждём осенних многоцветных дней,
Томящих ожиданием напрасным.
Дыханье осени всё ближе, всё сильней,
Окрашенное золотом и красным.

[см. стр. 123]

Но созданное поэтом поэтическое пространство, при всём многообразии приёмов стихосложения и интонационных акцентов, чаще всего тяготеет к материальному миру, нежели метафизическому.

Прозрачное бесцветное стекло —
Не розовое и без затемненья —
Мне формирует собственное мненье
О том, темно ли в доме иль светло.

[см. стр. 114]

Елена Ткачевская,
секретарь ЛИТО Дома учёных РАН, член СП XXI в.

Заметки о книге

Людмилы Саницкой
«Остров открытой книги (Переделкино)»,
М., изд. «Вест-Консалтинг», 2018 г.

Мир творческого человека представляет собой сложнейшее пространство переплетения реальности и вымысла, физического и метафизического. Поэтому весьма затруднительным иногда бывает отнесение литературного произведения к определённому жанру. Новая книга Людмилы Саницкой отличается именно таким жанровым разнообразием. В последнее время встречаются книги, одновременно относящиеся и к художественной литературе, и к литературе нон-фикшн. В отличие от художественной, нон-фикшн литература не использует вымышленные события, сюжеты и придуманных персонажей, это художественно-публицистический литературный жанр, в котором автор через призму своего эстетического, этического и образного восприятия, документально и реалистично излагает факты, представляет персонажей и события. Так как это литература, то есть искусство владения словом, писатель использует композиционную организацию текста и различные приемы раскрытия образов, представленных в произведении. Таким образом, нон-фикшн — это литературное творчество, жестко привязанное к конкретным и реальным фактам жизни.

Судьба подарила Людмиле Саницкой драгоценный дар — трепетное отношение к слову, умение выстроить и прозаический текст, и поэтическое откровение таким образом, что создаётся объёмное и многоплановое пространство, где время одновременно течёт как в прошлом, так и в настоящем, а иногда и в будущем. От первоначального (внешнего) восприятия автор логично переходит к осмысленному, глубокому постижению окружающих явлений, людей, архитектурных сооружений, природного ландшафта, мелочей нет, всё важно и нужно, всё сплетается в сложное мемуарное полотно, напоминающее кропотливо сотканный ковёр затейливого орнамента с множеством узелков и переплетений нитей памяти. Ближний и дальний круг восприятия существуют практически на равных по своей значимости. Внутренний мир автора сложен, чуткость — на максимуме, эмоции и осмысление в правильных пропорциях сплавляются в текст, где сосуществуют и проза, и поэзия. Язык прост и доверителен, всё прочитывается «на одном дыхании», прочитанное долго не отпускает, укрепляя в мыслях о необходимости трепетного и внимательного отношения к жизни, к тому окружению, которое тебе отпущено судьбой…

Автору тактично удалось не склонить свои воспоминания в сторону себя, а сохранить и донести до читателя неподдельное любопытство к окружающим людям, к миру природы, искусства, литературы.

Книга Людмилы Саницкой по-доброму напоминает о драгоценности человеческого общения, внимания и понимания, которые нужны всем и всегда, но особо важны для людей творческих. И как это человечно и ценно, когда есть внимание собратьев по перу, когда создаётся островок незабываемого общения. Именно эту мысль поддерживает название книги Людмилы Саницкой «Остров открытой книги (Переделкино)».

И так хочется надеяться, что открытой останется и та книга, которая на барельефе переделкинского Дома писателей, и книга, написанная и прочитанная в литературном пространстве нашей непростой жизни.

Елена Ткачевская

10.03.2018

Путевые заметки Вадима Гиршгорна

(размышления о прозе В. Гиршгорна «В лесах и на горах, 21 век»,, 2017)

Путевые заметки относятся к такому жанру литературы, который быстро находит своих читателей из числа путешествующих или планирующих маршрут. Обычно авторы таких заметок делают акценты на географических особенностях и культурных ценностях посещаемых и описываемых мест. Но с большим интересом читаются путевые впечатления, которые дополнены элементами эссеистики. Живое чувство, ассоциации, размышления писателя-путешественника насыщают литературный текст той энергией, которую можно назвать метафизической, но для читателя очень важной и ощутимой.

Вадим Гиршгорн написал небольшой рассказ о недалёком, недолгом путешествии всего лишь в одну русскую деревню, удачно сочетая жанры путевых заметок и эссе.

В рассказе переплетаются воспоминания детства и новые впечатления:

«У меня, городского жителя, с детства оставалось и через всю жизнь прошло доброе воспоминание о прежней российской деревне. Ведь после войны ещё не было дачных садовых товариществ, кооперативов, и горожане чаще выезжали в отпуск в деревню, окунались в тамошнюю жизнь».

Автора волнует судьба русской деревни, он неравнодушен к её жителям, тонко чувствует природу: *«Сейчас многие деревни и сёла вымерли. Тому причиной изменение жизни общества. Раньше всякое поселение кормило себя и город, а теперь производство продуктов ушло в крупные пригородные полевые и тепличные хозяйства, птицефермы, в большие зерновые хозяйства на юге России, в фермерские наделы. Однако, недавно я побывал в селе, которое живо до сих пор. Оно стало иным, чем раньше, но живёт своей особой, духовной жизнью. Думаю, можно сказать, что оно сохранило и упрочило себя. Это село на берегу Волги затерялось между Угличем и Рыбинском в приволжских лесах. В прежние времена кормило*

себя тем, что грузили на волжские пароходы топливо. Вагонетки подходили к кромке воды, трюмы заполнялись углём».

«Село и прежде было небольшим, дворов двадцать. И сегодня сохранилась его прежняя планировка: на сельской площади стоят избы, которые и ныне, через сто лет продолжают именовать домом священника, домом пономаря, хотя служители там не живут. Храм порушен, но остался небольшой холм, бывший основанием церкви. Это место и теперь светлое: наверное, благодаря геологическим разломам в толще холма из него восходит вверх поток энергии, — так и должно было ставить церковь. Поэтому и кладбище рядом не выглядит мрачным, а просто местом покоя. Вдоль дороги, ведущей к селу на снежных сугробах следы лосей, лисиц, зайцев».

Судьба деревни — это судьба людей, которые здесь родились или обосновались по воле случая или сознательно. В. Гиршгорн внимательно вглядывается в деревенских жителей, и этот взгляд оставляет яркие путевые впечатления.

«Коренных жителей осталось немного, но это не значит, что село умерло. (Кстати, в Москве и Петербурге тоже остаётся мало коренных жителей, но жизнь этих городов, их история продолжается.) Чем же занимаются эти жители села? Кто-то обслуживает сельчан: поставляет дрова, очищает трактором дороги от снежных заносов, кладёт печи, строит. Кто-то работает в близлежащих городках, благо, пройдя лесом пару километров, выходишь на автобусные остановки регулярного межгородского сообщения. Бывает сельчане остаются по месту работы все трудовые будни, но на выходные возвращаются домой. А кто же стал новыми жителями села, кто «понаехал»? В основном это москвичи, живущие на два дома: и в селе, и в Москве. Вы удивитесь! Это научная интеллигенция, за плечами которой МГУ и другие ведущие вузы Москвы. Чем же не устроили их подмосковные дачи, санатории? Почему здесь живёт дошкольные годы, школьные каникулы и праздники младшее поколение семей? Наверное, у духовно зрелых горожан есть потребность вернуться к укладу жизни, из которого вышли они сами либо их предки. Нет возможности на дачных участках и в посёлках подмосковья поселиться поблизости семьям детей, а здесь дети ставят свой дом рядом или через дом-два от свих родителей. Нет на дачных участках намоленных мест,

а здесь развалины храма соседствуют с площадью села, на которой в день церковного праздника Иоанна Воина (а порушенный храм был посвящен Иоанну Воину) ставят столы и празднуют всем миром сельский праздник».

Получается, что для яркого, интересного, запоминающегося путешествия не обязательно прокладывать протяжённый маршрут, охватывающий множество памятников архитектуры и культуры. Исключительно важным является человеческое общение. И небольшая живописная деревенька может стать близкой и понятной благодаря своей истории, жителям и всему её окружению.

«Многие земельные наделы, на которых поставлены срубы, спускаются прямо к прибрежной полосе Волги. Всем она видна. И чувствуется дыхание-пульс самой важной артерии страны. Центр России здесь! Как же не прийти, не поселиться, не притянуться к этим местам. Это село потеряло производственную принадлежность, но сохранило традиции, уклад жизни.

Сейчас первые числа марта, весна. Темнеет, изливается на поверхность через разломы льда волжская вода, смотрит на Свет Божий Волга. Она и подо льдом живёт, даёт силу окружающей природе. На другом берегу виднеется село с двумя храмами, с летней и зимней церковью. За ними — панорамой небо. Вечно меняющееся, расцвеченное то солнечным светом, то закатами, то войлоком туч-облаков. «Гляжу в тебя, Волга, седьмой десяток лет», — поётся в песне. А ведь это и обо мне…».

У неравнодушного писателя обязательно найдутся неравнодушные читатели, благодаря которым путевые заметки обретут новые «краски», и не забудутся впечатления и пережитые чувства, и места, их породившие будут существовать и в литературном произведении, и в реальной жизни.

Елена Ткачевская,

март-апрель, 2017

Заметки

о книге Николая Шведова «Ладони любви», М., изд. «Образ», 2018 г.

Нет ничего удивительного в том, что множество литературных сюжетов связаны с любовью, они и о любви, и про любовь, и внутри, и около, и — невозможно представить литературу (как и культуру в целом) вне любви. Некоторые произведения могут вогнать читателя в ступор из-за чрезмерной откровенности, потери чувства меры в отображении реальности, из-за полного отсутствия дистанции между автором и лирическим героем. Но такие рассуждения, к счастью, совсем не относятся к книге стихотворений Николая Шведова «Ладони судьбы» (М., изд. «Образ», 2018 г.).

Книга оставляет ощущение доверительного, дружеского общения, тонкого разговора о сокровенном, не «искушая расстоянья» между собеседниками, которые, как бы следуя предостережению Б. Окуджавы, понимают ценность и своевременность вопроса: «К чему нам быть на «ты», к чему?». Автор, хоть и пишет от первого лица, но тонко балансирует между опасным сближением с «героем его романа» и равнодушным неучастием в сюжете, автором найдена оптимальная дистанция, и читатель это чувствует, понимает и по достоинству ценит.

Стихи Николая Шведова охватывают многолетний период жизни, и посему тема памяти чувств, состояний, мыслей в творчества очень важна. А память, как известно, вбирает в себя как реальные события, так и мысли, и мечты о желаемом, воображаемом, поэтому, смысловые связки в памяти могут получиться совсем не такие, которые были в реальности. И вследствие этого даже возникает мистическое ощущение, что память, будучи в настоящем времени, способна что-то изменить в прошлом. Ну, даже если не изменить, то что-то подправить, подкорректировать, подретушировать, имитировать, наконец… А кто сказал, что это непосильно человеку помнящему, вспоминающему, творящему литературное произведение? Творческая удача Николая Шведова в виде его новой книги — тому подтверждение. И, к тому же, вспоминая и осмысливая прошлое, мы моделируем будущее, в том числе и в области чувств, страстей, желаний… Литература

не только (и даже не столько) отражает мир, но и создаёт его, ведь именно об этом «читатель — соавтор» у М. Цветаевой. Многогранность мира нашла отражение в тонкой, талантливой лирике Николая Шведова, щедро подарившего читателям доброе и умное пространство ЛЮБВИ.

Елена Ткачевская

10.02.2018

Единство хроноса и топоса

Заметки о книге Людмилы Плиско «Меты времени», М., изд. «СамПолиграфист», 2022 г.

Для творческого человека, имеющего естественнонаучное образование, философский склад ума и поэтический дар, вопросы осмысления и чувствования времени и пространства не могут быть второстепенными, даже выходят на первый план. Поэт Людмила Плиско сотворила книгу стихотворений, поделилась с нами своими сокровенными размышлениями и открытиями, выразив словами сложность и яркость своего внутреннего мира. Свободный стих позволяет сделать акцент на семантической составляющей поэтического текста, на это же нацелены эпиграфы поэтов-предшественников. Название книги — «Время и пространство» — не оставляет никаких сомнений в серьёзном отношении автора к себе и к окружающему миру во всех его проявлениях.

Отражённые в литературном произведении время и пространство (выраженные словами представления о них) находятся в тесной взаимосвязи, называемой «хронотопом» (М. М. Бахтин). Термин происходит от *др. — гр.* chronos — время и topos — место, пространство. Анализ хронотопа позволяет глубже понять литературное произведение, оценить способность текста отражать целостный образ бытия, всей картины мира, выявить связь созданного литератором мира с реальностью.

У поэта или писателя есть уникальная возможность свободно конструировать и перестраивать время и пространство, поскольку в литературе они условны, как условен и мир художественного произведения с его «невещественностью… образов» (Г. Э. Лессинг). Чем больше экспрессии в литературном произведении, тем больше условности и фрагментации пространства и времени.

Возможность фрагментации пространства и времени важна для литератора: можно придать необходимую динамику сюжету или сделать акцент на психологизм текста.

* * *

Стою я с яблоком в руке,
А в яблоке струя времён
Склубилась
Плод с дерева познания
Добра и Зла
И вечной молодости
Древний
Символ.
Сей плод есть шар
В нём целостность и
Вечность
И совершенство форм и
Бесконечность.

При таком невнятном сюжете («Стою я с яблоком в руке») всё внимание в пространстве приковывается к единственному предмету (яблоку), и достигается глубокое погружение в мысли автора.

При фрагментации пространства для создания его образа бывает достаточно даже одного его фрагмента (например, зеркала), наиболее значимого для выражения мысли автора. А в нижеприведённом стихотворении фрагмент пространства ещё и метафоричен (Пустые зеркала), кроме того, использование множественного числа добавляет абстрактности:

* * *

А есть Пустые зеркала…
Как долго я стояла и
Смотрела
В это Пустое зеркало —
Вместилище
Неведомо чего
Света ли, тени ли
То ли проглянут в нём
Какие-нибудь
Новые сущности
Как у Гоголя
То ли отразится
Образ неведомого
Человеческого духа
Преображенного
Просветлённого духа
Или
Всего сущего вообще
Так и не дождалась

Образ пространства в экспрессивных лирических произведениях порой совсем отсутствует или является метафорическим. В книге достаточно много стихотворений, где пространственная неопределённость и даже незначимость пространства легко прослеживается.

* * *

Как печаль величава
Не развеять её
В слезах
И не выплакать
Слёзы все

Сохранилась печаль
Словно в сейфе
Печать
Но это не обо мне

Также в лирических стихах достигается яркое противопоставление различных образов пространства и времени, что подчёркивает и выявляет их особенности минимальным объёмом текста.

* * *

Красота — это
Разве только девушка
С каскадом подсвеченных волос
Это совсем другое
Она в самых разных видах
Предстанет
Перед изумлённым взором
И восхищает и удивляет
Это и скрипка Виктора Третьякова
Это и футбол Россия — Швеция
Это красота единого замысла
Это и числа Фибоначчи
Это и Поленов
И Борисов–Мусатов
С его воспеванием изящества бытия
Это и Болеро Равеля
Это Египетские Плакальщицы
Это фрески Ферапонтово
Это Николо–Урюпинский храм
Это прудик Блока в Шахматове
КРАСОТА есть не что иное, как
Высочайшая Гармония жизни,

* * *

Если подумать
Во глубине времён
Присутствие тысячелетий,
Где Греция и Рим и
Византия,
Где трепет жизни
Всех племён и рас,
Истоки сил исходят из
Земли,
Все складки моря
Память источают
Насыщенная памятью
Земля
И разум человечества
Питает

Образ времени в лирическом стихотворении часто выступает как философский лейтмотив всего произведения; время, опосредованное внутренним миром лирического героя, становится не только очень условным, но и абстрактным.

* * *

Посмотри
Какое мощное движенье
Какая пылающая жизнь
Несется подобно буре
Через наслаивающиеся
Цветовые потоки
Создавая
Меж вечное пространство
Из потоков этого пламени
Проглядывают лики
Прекрасные
Громадные

Мировые пространства
Открываются в этих
Цветовых перспективах
Цвет — Властелин
Переливами цветов
Можно представить и
Пространства внеземные

Стремление к философским обобщениям поддерживается не конкретными, а абстрактными пространством и временем: «всегда» и «везде», «никогда и «нигде».

* * *

Всегда
Стремятся люди
К красоте
И создают
Гармонию
Но ищет человек
Идёт выше к цели
И бывает удастся ему
Каким-то чудом
Соединить
Красоту и Гармонию
Тогда рождается
Прекрасное

* * *

Из трепета струны
Родится звук
Живёт один
И внемлет тишина
Из этой тишины
Родится слово

Открылся Космос
И звучит
И эхо
Найденного слова
Поэзию поит.

По мере погружения в поэтическое пространство книги приходит понимание авторского восприятия пространства и времени, ведь в литературе и в жизни chronos и topos мы воспринимаем опосредованно; о пространстве судим по включённым в него предметам в широком смысле слова, а время чувствуем по происходящим процессам или действиям.

Как давний читатель вижу новый вектор развития поэзии Людмилы Плиско — эксперименты со свободным стихом накладываются на многолетний силлабо-тонический опыт стихосложения. Это концентрирует внимание читателя и располагает к неспешному чтению книги. Этому же способствуют неологизмы, неожиданные образы, недосказанность и/или логически непредсказуемые окончания стихотворений. И всё это вышесказанное, несомненно, способствует вниманию читателя к книге.

Елена Ткачевская

23.01.2022

Поэтическое постижение памяти

(заметки о книге стихов Дмитрия Власова «У моря есть память»)

Тема памяти всегда важна для творческого человека. Память, жизненный опыт, интеллектуальный багаж — это такие важные основы, корни и скрепы литературного произведения, когда слово вбирает в себя всё, что предназначено высказать автору, донести до читателя.

Эпиграфом книги стихотворений Дмитрий Георгиевич Власов выбрал трагические ахматовские слова о памяти, хотя название книги настраивает читателя скорее не на драматические события, а на лирико-романтические воспоминания (таков стереотип восприятия моря как не страшной, а близкой и желанной стихии). И это противоречие заглавия и эпиграфа притягивает внимание читателя. С первых же строк понятно, что стихи Д. Власова можно отнести к философской лирике. И море выступает одновременно как среда начала жизни, так и конца её:

«У моря есть память:
и слёзы, и кровь — то морская вода.
Всё вышло из моря,
всё рано ли, поздно — вернётся туда.

Все наши кровинки, слезинки
дождями и ветром снесет в мировой океан.
И гены все наши, хотим, не хотим ли,
когда-нибудь встретятся там»

Море во многих культурах представляется первичным источником жизни, бесформенным, неиссякаемым, безграничным. Согласно Библии при сотворении Мира море представляет собой праматерию.

Быт. 1:9–10:«И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями».

Но образ моря сложнее, ассоциируется ещё и с образом народов. Таким образом, море служит источником сравнений и метафор.

Ис. 17:12: «Увы! шум народов многих! шумят они, как шумит море. Рев племен! они ревут, как ревут сильные воды»

И в то же время, море в Библии — это место нахождения прощёных грехов и место погибели тех, кто отказался принять праведность Христа, чтобы жить праведно, и остался беззаконником.

Мих.7:19: «Он опять умилосердится над нами, изгладит беззакония наши. Ты ввергнешь в пучину морскую все грехи наши.»

Иуд.1:13: «… идут путем Каиновым… Таковые бывают соблазном… Это безводные облака, носимые ветром; осенние деревья, бесплодные… свирепые морские волны, пенящиеся срамотами своими…»

Откр.20:13: «Тогда отдало море мёртвых, бывших в нем, и смерть, и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим. И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это смерть вторая.»

Море и земля, которые являются местами захоронения, и сама смерть, т. е. процесс физического умирания — все они не могут противостоять Богу, Который вызывает к жизни умерших.

Следовательно, угроза хаоса и зла, которую символизирует море, в конечном счете призрачна, продемонстрирована власть Бога над силами хаоса и зла (Исх. 15; Ис. 51:9–10). Та же самая власть проявилась в хождении Иисуса по морю (Мк. 6:45–52) и в усмирении Им моря (Мк. 4:35–41).

Когда название книги стихов и первое стихотворение вызывают такие сложные ассоциации с библейской картиной мира, нет никаких сомнений в серьёзности и в философском характере представленных автором произведений.

Выстраивая поэтическое пространство, поэт Власов подходит к постижению памяти моря как этапу постижения мироздания.

До глубины души трогают стихи, касающиеся темы войны, ленинградской блокады, которую автор с семьёй пережил. Семантическая составляющая стихотворений меняется довольно в широком диапазоне, но какие бы темы не затрагивал автор, всегда есть ощущение той метафизической энергии мысли и чувства автора, которые вызвали к жизни поэтическое слово.

Дмитрий Власов и/или его литературный герой постоянно ведут открытый диалог с читателем, затрагивая темы сильных чувств, жизненных коллизий, вплоть до темы жизни и смерти:

«Во сне, в застолье, в праведном ли, нет, бою
теряют голову свою
Без покаяния, зато без боли —
не худшая, наверно, доля …

Но предпочтет любой христианин,
заветами отцов и верою храним,
Молитвами продлить свое существованье,
чтобы покаяться, проститься и простить.

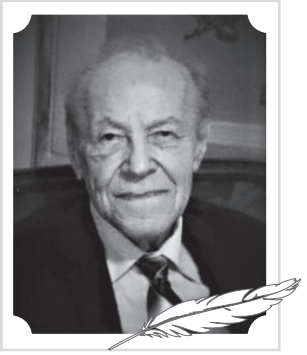
И усмирён, и умирён, в согласьи с мирозданьем
услышать вдруг в какой-то миг
Последний плач родных
и первый ангелов призыв.»

Насколько поэтический и жизненный опыт автора важен для читателя? Ответ на этот вопрос предугадать трудно, но стихотворный сборник Дмитрия Власова обязательно дойдёт до вдумчивого читателя, и стихи вольются в память литературного процесса нашего времени.

Елена Ткачевская,
к. х.н., доцент, участник ЛИТО ЦДУ РАН,
член Союза писателей XXI века.

11.09.2022

Борис Шорр



Шорр Борис Фёдорович — советский и российский учёный, специалист в области механики и авиационного двигателестроения, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Центрального института авиационного моторостроения им. П. И. Баранова, ветеран ВОВ. Б. Ф. Шорр начал писать стихи с юношеских лет. Некоторые его стихи были впервые опубликованы в 2004 году малым тиражом («От 16 до 76. Избранные стихи», М., Изд. Информконверсия), более полно — в 2016 году («От 16 до 86 и далее. Избранное», М., Изд. «Спорт и Культура») и в 2018–2019 годах в Сборниках произведений поэтов и прозаиков Литературного объединения ЦДУ РАН. С 2017 года — участник ЛИТО ЦДУ РАН.

Памяти Бориса Осиповича Ольхова

Поцеловав в последний раз,
Ты знал, прощаться вам не надо,
Что каждый день и каждый час
Она с тобою будет рядом.
Когда, бывало, тяжело,
Она тревогу отгоняла,
Её далёкое тепло
Не тело — душу согревало.
И облик не тускнел в глазах,
Когда подъём пошёл на убыль.
А ты — и в жизни, и в стихах
Всё оставался однолюбом.
С тобой была твоя Любовь,
Когда болезнь тебя скрутила.
С сознаньем вместе уходила,
Но возвращалась вновь, и вновь.

И вот она совсем ушла.
Совсем — и сердце отказало…
Пока ты жил — она жила,
Ушёл — и вас вдвоём не стало.

* * *

…Я полюбил науки мощь и стать,
И творческую радость узнавать
В необычайном — будущего норму,
В набросках — красоту задуманных картин,
В изяществе тобой рождённых формул
Ревущее неистовство турбин.
Мне нравилось простор давать ученикам,
Ценя в них новой мысли завязь.
Я никогда не знал, что значит зависть,
И их успехам радовался сам.
А в злые годы горького распада
Страны, и идеалов, и семей,
Как круг спасательный для тонущих людей,
Наука оставалась мне отрадой.
Среди друзей, в кругу своей семьи
Скучающим и замкнутым я не был.
Мой дом — не здание, не комнаты, не мебель, —
Он там, где близкие мои.
Мне дороги и предки, и еврейство,
Но чужд их себялюбия угар,
Равно приветливо шумит мое семейство,
Встречая русских и татар.
И вами горд я, юности друзья,
Что никогда, ни словом, и ни делом,
Не предали вы нас: анкетная возня
Меж нами не легла водоразделом.

Напрасный труд на старости гадать,
Каких ещё высот достигнуть мы могли бы.
Со мной мои прожитые года,
И жизни поклонясь, скажу за них спасибо.

* * *

История не знает вариантов:
В ней замурованы, как в вечный мавзолей,
И горечь не раскрывшихся талантов,
И гений не родившихся людей.

* * *

Свой век прожил — другому ты не нужен, —
Так было сказано одним неглупым мужем.
Но раздвигают рамки поколенья
плод мысли,
плод любви
и рук твоих творенья.

* * *

Я редко хожу на доклады,
И как-то, увидев меня,
Студентка соседа спросила,
Быть может, он знает, кто я.
Когда же к её изумленью
Сосед моё имя назвал,
«Да разве вы всё ещё живы!?» —
Невинный вопрос прозвучал.

* * *

Ни бог, ни природа сомнений не знают,
Они равнодушно листают года,
Не глядя, последний листок отрывают,
И всё исчезает,
И всё — навсегда.

* * *

Кто-нибудь на сборник мой наткнётся
И стихи нечаянно прочтёт.
Кто-то равнодушно отвернётся,
Чьё-то сердце в унисон забьётся,
Доброй шутке кто-то улыбнётся
И, припомнив молодость, вздохнёт.

Литературное объединение Центрального Дома учёных РАН
18 мая 2022; 18-30; Малахитовый зал Дома учёных
Литературный вечер
«ЛИТО! Как много в этом звуке…»
(к 100-летию Центрального Дома учёных РАН)

Людмила Колодяжная Вступительное слово «Из истории русских литературных объединений», «Посвящение Державину» (стихи)
Дмитрий Власов «Первая половина творческой жизни ЛИТО» (очерк)
Наталья Божор «Стихи авторам ЛИТО»
Лариса Адлина «Наш родник» (стихи, эссе)
Людмила Стасенко «Наше ЛИТО», «Малахитовый зал», «Орденоносец» (стихи)

Галина Гашунина «Мой Дом учёных», «59 Аудитория» (эссе)
Нина Познякова «Вот и октябрь, зовет меня Пречистенка...» (стихи); читает Александр Большаков
Александр Большаков «Про Дом учёных» (эссе)
Людмила Плиско «ЛИТО — литературная семья» (стихи), «Воспоминания: В.Ю. Троицкий — руководитель ЛИТО» (очерк)

Колодяжная Людмила, Долгополов Александр «Песнь песней» (муз.-поэт. композиция)
Маргарита Новикова «Волшебный напиток» (стихи, посвящённые трём поэтам ЛИТО)
Владимир Поляков «ЛИТО как маленькая часть России» (эссе)
Наталия Сорокина «Стихи о Доме учёных»
Ирина Ильина «Первое знакомство с ЦДУ, мамина выставка» (эссе)
Галина Колобова «До чего же хороша улица Пречистенка…» (стихи)
Елена Ткачевская «Дом учёных на Пречистенке» (стихи); читает Галина Колобова

Вера Павлова «Всей душой с ЛИТО и ЦДУ РАН» (эссе)

Галина Поляк «О Доме учёных» (стихи)

Елена Бочина «Ангелов семьЯ» и «Элегический терцет» (стихи, посвящённые Александру Долгополову и Людмиле Колодяжной); читает Александр Большаков

Людмила Саницкая «Первый руководитель» (очерк)

Татьяна Скорикова «Незримая свеча». Памяти ушедших поэтов ЛИТО Дома ученых (стихи)

Заключительное слово *о произведениях ушедших участников ЛИТО*: **Николаевой Веры, Меркиной Галины, Фоминой Зинаиды, Калюжной Галины, Ермиловой Лорины, Оганяна Вигена, Ольхова Бориса, Вознесенского Алексея, Буренко Сергея, Гиршгорна Вадима;** *см. Альманахи ЛИТО 2011 — 2021 гг. на сайте http://lito-cdu.ru/almanahi/*

Литературно-художественное издание

ЛИТО! Как много в этом звуке...

Альманах произведений участников
Литературного объединения Центрального Дома учёных
Российской академии наук «ЛИТО на Пречистенке»

Главный редактор издательства — Е. Степанов
Компьютерная вёрстка, макет — И. Ракитина
Корректор — Т. М. Райдер
(Некоторые поэтические произведения представлены
в авторской редакции)

Бумага офсетная
Гарнитура Minion
Формат 84x108/32
Тираж 80 экз.
Подписано в печать ##.##.2022

12 +

Издательство «Вест-Консалтинг»
115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, д. 7,
стр. 9, этаж 7, пом. XIV, ком. 12
Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол,
Комсомольский проспект, 73.